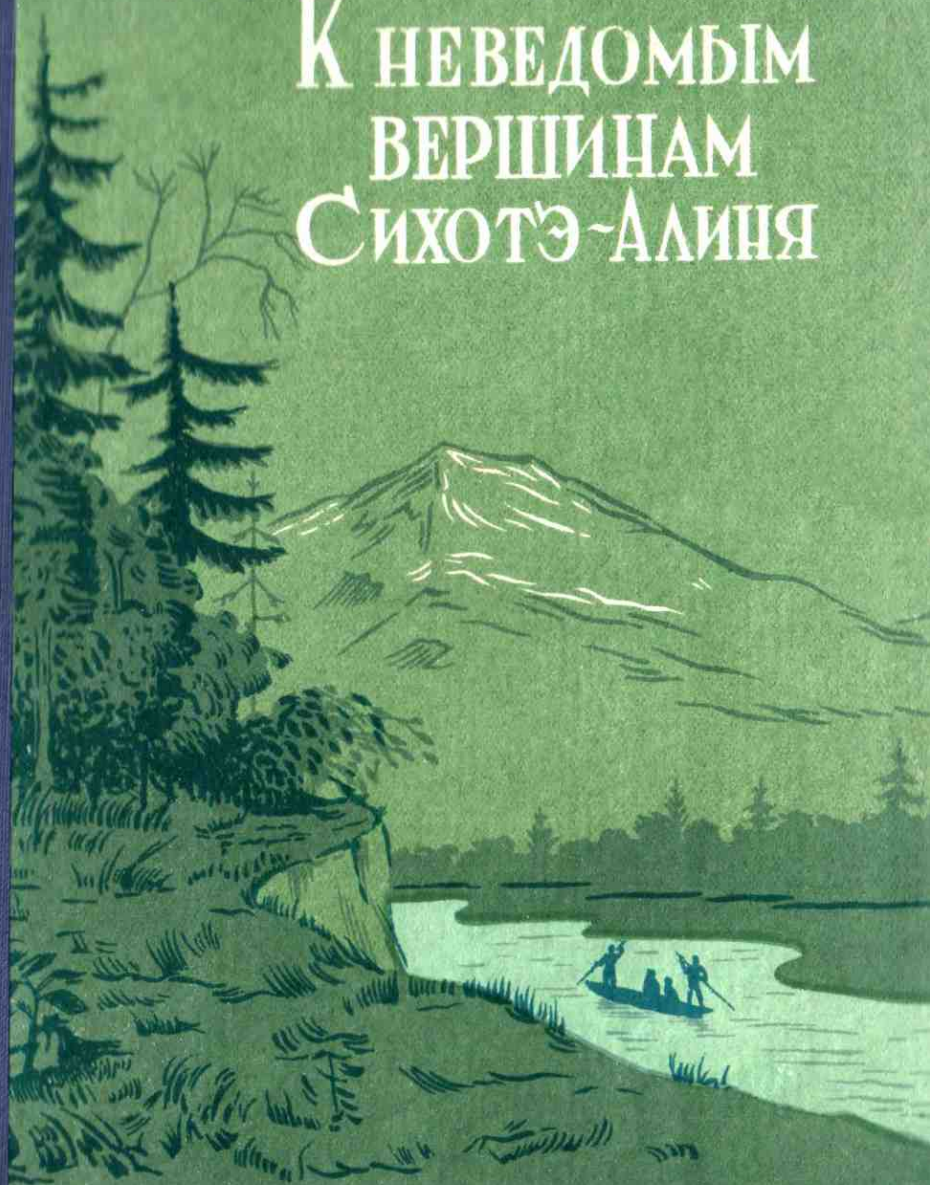

Л. Куренцов

К НЕВЕДОМЫМ ВЕРШИНАМ СИХОТЭ-АЛИНЯ

Тубокуватасини
Е. В. Зверозов-
- Зубовскому
от искренне преданного
аинер. /
Якутск.
25 VII 54
Владислав.

А. КУРЕНЦОВ

**К НЕВЕДОМЫМ
ВЕРШИНАМ
СИХОТЭ-АЛИНЯ**

**ПРИМОРСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВЛАДИВОСТОК 1953**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение растительного и животного мира Дальнего Востока А. И. Куренцов, тогда еще молодой ученый, начал свыше двадцати пяти лет назад.

Интерес к изучению уссурийско-амурской природы так овладел им, что он оставил Ленинград, где учился и жил, и переехал на Дальний Восток. С тех пор всю свою жизнь он посвятил изучению горных районов края, его животного мира.

Многолетние труды А. И. Куренцова о насекомых — вредителях леса высоко оценены правительством. Ученому присвоена степень доктора биологических наук, а за 1951 год он удостоен почетного звания лауреата Сталинской премии.

В предлагаемых очерках автор описывает путешествия, совершенные им в 1937 и 1948 годах к группе гольцовых вершин в среднем Сихотэ-Алине, которые никем из натуралистов не посещались и географически были почти неизвестны.

Эта группа вершин расположена на Хорско-Бикинском водоразделе, известном под именем хребта Сенку, или Дават-Алинь. С них в реку Хор стекают его крупные левые притоки — Катэн, Кафэн и Чукен, а в Бикин сбегает речки Хабагоу, Гангату и Бейселаза, которые хотя и меньше первых, но все же остаются мощными горными потоками, несущими бурные воды через таежные дебри.

Чтобы проникнуть к вершинам Коеини (белым го-

рам), как называют удэгейцы высокие сопки хребта Сен-ку, нужно было по реке Катэну проплыть против течения свыше двухсот километров и затем пройти по дикой тайге до семидесяти километров пешком.

Со стороны Бикина путь к неизвестным вершинам Лаобейлазы такой же долгий и тяжелый. Разница может быть только в том, что в последнем случае приходится плыть по большой реке — Бикину, тогда как в первом — по многочисленным притокам.

В 1937 году, обследуя бассейн реки Хора, автор подошел к вершинам Коенини с севера. В 1948 году к этим же вершинам он проник с юга.

Лесные завалы на реке, длинные, непреодолимые перекаты и кипящие водопады стояли препятствием на пути исследователей. В очерках рассказывается о том, как автор и его спутники, полные решимости и непреклонной воли познать природу гор, совершили эти два памятных путешествия к неведомым вершинам Сихотэ-Алиня.

Глава I

В нижнем течении реки Кафэна

В ясную погоду, когда воздух по особенному прозрачен, с широких плесов Хора чуть-чуть видны синеющие вершины гор Коенини.

Охотники-удэгейцы из стойбищ Чукена и Гвасюги говорили, что редко кто из них добирался до этих вершин. Так далеко они были. Нога исследователя там никогда не ступала. Тем заманчивее была экспедиция.

Из наших хорских батчиков Довери Калюндига оказался, к счастью, одним из тех охотников, которые ходили на батах далеко вверх по Катэну и были у самого подножия Коенини.

Довери долго раздумывал над нашим предложением, посасывая трубку, и, наконец, сказал, что он согласен быть проводником, когда мы, оставив баты, тронемся через тайгу и направимся дальше, к вершинам, пешком, а до той поры он будет простым батчиком. Мы согласились с его многословными доводами. Вторым нашим батчиком был Мичина Кимонко.

Это было в начале сентября 1937 года, когда наша хорская экспедиция уже закончила основные работы по обследованию среднего и нижнего течения реки Хора, низовий Сукпая и многих небольших речек и ручьев, впадающих в Хор. Позади остался и трудный переход через гору Тундимаони, возвышающуюся в виде стола близ низовий реки Чукена.

Срочно начались сборы к новой экспедиции. Я решил, не теряя времени, направиться на соседнюю с Катэном

реку Кафэн, чтобы заняться исследованиями в ее нижнем течении и на водоразделе этих двух рек. И пока мы будем проводить работы, тем временем Мичина съездит в село Бичевое и купит там нужные нам продукты для путешествия по Катэну. Так было и сделано.

Утром 3 сентября хорошо отремонтированный бат, нагруженный снаряжением, продуктами и небольшой оморочкой, оставил стойбище Гвасюги и к обеду вошел в устье реки Кафэна. Хорошей галечниковой косы, излюбленного места для ночлегов путешественников по горным рекам, мы так и не встретили в тот день. Вечер застал нас в пятнадцати километрах от устья Кафэна, на ее левом высоком берегу, в ильмово-широколиственном лесу с высоким травянистым покровом. Разбитые палатки и накомарники не могли спасти нас от многочисленных двукрылых паразитов. Вообще останавливаться на ночь в густом лесу приходится только в крайнем случае. На песчано-галечниковых открытых косах, где всегда от воды веет прохладой и где горный, холодный воздух смещается вниз по течению реки, располагаться на ночлег наиболее удобно.

Утром на оморочке Мичина отправился вниз по Хору, до села Бичевого, а я и ботаник Игорь Владимирович Грушвицкий занялись изучением долинных лесов реки Кафэна.

Игорь Владимирович Грушвицкий, бывший в год нашего путешествия студентом четвертого курса биологического факультета Ленинградского университета, приехал на Дальний Восток для прохождения практики по ботанике. В начале лета он изучал и собирал растения на юге Приморья — в Супутинском заповеднике. Там я познакомился с ним, узнал его горячее желание работать с нами и пригласил участвовать в экспедиции.

Работы Грушвицкого в нашей экспедиции оказались весьма полезны для дальнейших его путешествий по краю и дали не мало материала для исследования. Он отлично справился со своей задачей, собрал обширный гербарий, выяснил экологию и распространение растений хорской флоры. Весь этот материал впоследствии лег в основу его кандидатской диссертации, посвященной флоре и растительности реки Хора.

Мичипа Кимонко.

Как товарищ он был моим лучшим спутником в течение всех дней нашей экспедиции.

В отличие от быстрого и шумливого Чукена, река Кафэн несла в Хор более спокойные воды. Берега покрывали ильмово-широколиственные леса. От них к различным типам ивняков можно было проследить все разнообразные группировки лесной растительности. Возникновение этих группировок происходит в результате намывной деятельности воды, превращающей постепенно галечниковые отложения в более высокие берега. В связи с этим происходит явное отступление чистых ивовых зарослей и постепенно формируются более разнообразные по составу ильмово-широколиственные леса.

Здесь же, в нижнем течении Кафэна, нам удалось наблюдать и интересные случаи возникновения широколиственного умеренного леса. Снесенные рекой в периоды подъема воды на отмели огромные тополя Максимовича или белокорые ильмы собирают вокруг себя, особенно в области кроны, более мелкий плавниковый лес, который задерживает плывущие ветки, всякий подхваченный водой лесной мусор и минеральные частички, переносимые рекой в периоды наводнений. Проходят годы, и такой остров с образовавшимися на нем наносными почвами может высоко выступать над уровнем реки и послужить впоследствии приютом для многих трав (например, папоротника страусопера) и таких древесных пород широколиственного леса, как сорбария, кизильник и др. Ивняки же всегда образуются на низких галечниковых или песчаных островах и берегах рек.

Уже в начальных стадиях заселения растениями такие острова, поднимающиеся до метра высоты над нормальным уровнем реки, являются мало благоприятными для развития на них ивняковых зарослей. На них сразу же формируются группировки широколиственного поемного леса. Что касается фауны таких островов, то она значительно отличается от фауны ивовых зарослей. Прежде всего, здесь вовсе отсутствуют или являются очень редкими многочисленные обитатели прибрежных низких песчаных и галечниковых наносов. К ним относятся различные виды мелких жуужелиц — бембидий и более крупных жуужелиц — небрий. В то же время на

«высоких» островах влияние воды в меньшей степени отрицательно сказывается на развитии многих видов короедов, которые заселяют принесенные сюда различные плавниковые деревья. Из них, например, на реке Катэне мною собраны следующие: вершинный короед, короед валежный, ясеневые — ребристый и малый лубоеды, некоторые ильмовые заболонники и ряд других видов, обычно отсутствующих на «низких», часто заливаемых островах. Даже горные азиатские трясогузки могут устраивать свои гнезда на «высоких» островах, где они находят сходные условия со скалистыми берегами горных ручьев.

Утром 5 сентября при довольно благоприятной солнечной погоде мы с Игорем решили направиться на водораздел рек Кафэна и Катэна и обследовать этот невысокий горный массив. Выбрав одну из больших сопок, мы начали подниматься по северному ее склону. Доверившись, остался в лагере и должен был к нашему возвращению (к двум-трем часам дня) сварить обед. Мы не взяли компаса и даже отказались положить в свои боковые сумки по куску хлеба, что обыкновенно делали, когда уходили в непродолжительные экскурсии.

Склон сопки, по которой шел наш маршрут, был покрыт характерным смешанным лесом, в котором первый верхний ярус давали корейский кедр, желтая или ребристая береза, амурская липа и реже аянская ель. Во втором ярусе росли желтый и зеленокорый клены, а иногда встречалась и амурская рябина. В подлеске густые заросли образовали крылатый бересклет, жасмин и элеутеорококк. Из лиан очень часто встречалась с еще недозревшими плодами актинидия коломикта, виноград же и лимонник произрастали лишь небольшими, вряд ли когда плодоносящими здесь экземплярами. В покрове заметны были лилии, смилацина, майник, веерный папоротник и другие виды, образующие густой травостой. С высоты 550—600 метров смешанный горный лес постепенно уступал место елово-кедровой тайге с небольшим присутствием в ней некоторых лиственных пород. В покрове же всюду господствовал амурский папоротник, вытеснивший большинство других трав.

Мир насекомых здесь в это время осени был доволь-

но бедный. Однако удалось поймать из бабочек складокрылку — представителя тропического семейства каллидулид, пеструю пяденицу Киндерманна, лесную восточную белянку и совку металловидку. Из короедов встречались обычные и широко распространенные виды, как типограф, вершинный короед, гравер, пихтовый и еловый полиграфы, кленовый и многоядный древесинники.

Сопка, по которой мы поднимались, достигала всего лишь 700 метров и до самой вершины была покрыта лесом.

К 12 часам дня мы сумели осмотреть вершину сопки и решили провести еще час-полтора, чтобы обследовать водораздел севернее тех мест, где мы находились. Незаметно скрылось солнышко, и пошел дождь. Прервав экскурсию, мы вернулись, как нам казалось, к «нашей» сопке и стали спускаться вниз к лагерю. Дождь вскоре прекратился, но густой туман так застилал все горы, что на расстоянии двух-трех метров едва можно было различать древесные породы. Уверенные в правильности взятого направления, мы быстро пошли вниз. Вскоре туман перешел в мелкий, но довольно сильный дождь, который основательно нас вымочил. Спускались мы довольно быстро, так как необходимо было скорее выбраться из пояса тумана и попасть в долину. В долинах, как известно, всегда меньше туманов и легче ориентироваться в местности. При нашем движении я заметил, что склон сопки, по которому мы теперь шли, оставался долгое время пологим и как будто пошел в другую сторону. Начало вкрадываться сомнение в точности нашего обратного маршрута. Тем не менее, мы продолжали все ниже и ниже спускаться и вдруг как-то неожиданно подошли не к берегам Кафэна, а к какому-то мало заметному ключику, который вскоре привел нас к большому ручью. Было ясно, что мы сбились с пути и зашли, как нам казалось, в сторону. Думая, что большой ручей должен в конечном счете привести к реке Кафэну, мы направились вниз по его долине.

Мне казалось, что при спуске с горы, потеряв в тумане ориентировку, мы незаметно обогнули сопку по склону и попали в один из боковых распадков, направляющихся к Кафэну. Часа три мы пробивались ольхо-

выми топами и труднопроходимыми зарослями сорбарин, иволистной спиреи и кизильника. Туман был попрежнему плотным. Мокрые и голодные, мы шли вниз по ручью, лелея надежду скоро выйти к лагерю. Правда, время от времени мы останавливались, и нам казалось, что долина, по которой мы идем, нам не по пути, но, отбросив эти сомнения, снова шли вперед, следуя по течению ручья. Следы копытных и медведя указывали на то, что мы попали в богатые зверем места. Серые рябчики держались доверчиво, вылетали часто из-под самых ног и недалеко отлетали в сторону. Так же смело вели себя дрозды, синицы, дятлы и поползни. Не обращая на нас никакого внимания, они продолжали свою обычную лесную жизнь. Изредка кто-нибудь из пернатых обитателей подавал голос, который, впрочем, был не сигналом тревоги, а лишь призывом кочующих по тайге птиц.

Наступал вечер. Мы, наконец, вышли из пояса тумана. Впереди небо стало расчищаться, и вскоре на горизонте стали видны лучи заходящего солнца. Это окончательно убедило нас, что мы заблудились, попав в верховья одного из притоков реки Катэна. Вместо того, чтобы двигаться к востоку, мы долго шли к западу. Надо было возвращаться назад.

Преодолевая усталость и голод, мы направились обратно. Не менее двух часов еще более быстрого перехода по тем же топам и труднопроходимым зарослям прибрежной растительности! Уже в сумерках, оставив долину ключа, мы начали взбираться по высокому и довольно крутому склону. По нашему предположению, последний и должен привести нас к той сопке, на которой мы еще днем потеряли ориентировку. В полной темноте, усталые, мы шли не менее часа в гору. Остановиться даже на одну-две минуты было очень неприятно, так как вскоре же начинали зябнуть. Наконец, мы вззошли на вершину сопки и затем перевалили на ее противоположный, восточный склон. Идти дальше становилось рискованно, так как не было определенной уверенности в правильности направления. Ничего не оставалось делать, как разжечь костер, высушить мокрое белье и, немного отдохнув, утром тронуться в путь.

К нашему счастью погода улучшилась. В небе заго-

релись звезды, и это дало нам общую ориентировку в окружающей местности. С большими трудностями мы разожгли костер. Спички оказались мокрыми и не вспыхивали. Каким-то чудом зажглась только одна спичка. Поднесенные к ней хорошие кедровые смоляки тотчас же увеличили пламя. Вскоре запылал большой костер, вокруг которого мы грелись и сушили свое белье. По пути Игорь собрал несколько десятков ягод смородины и недозревшие плоды актинидии. Они послужили нам своего рода ужином, хотя в какой-либо степени удовлетворить голод, конечно, не могли. От усталости нам трудно было устроить какой-либо балаган. Разложив у костра вместо постели ветки пихты, мы пытались уснуть. Однако отдохнуть нам так и не удалось. Ночь выпала холодная, и затухающий костер заставлял нас часто просыпаться. Поддерживая огонь, мы подолгу разговаривали о прошедшем за истекший день и совершенно уверенно строили план нового утреннего маршрута, который должен нас привести к лагерю. На костер иногда подлетали бабочки, из которых мне удалось поймать два вида пядениц и одну совку металлоидку.

Рано утром, определив направление, по которому должны были идти, мы снова увидели спустившийся на горы густой туман, который, как и вчера, скрывал от нас пади и затруднял ориентировку в местности. Несмотря на это, мы направились, как нам казалось, совершенно правильно и даже думали, что перед нами тот же самый склон, по которому мы вчера поднялись от лагеря. Часов в семь утра туман перешел в дождь, и вскоре мы снова оказались совершенно мокрыми. Медленно и долго мы пробирались по склону и вскоре заметили, что он перешел в какой-то очень пологий скат. Иногда он даже образовывал плато-равнину, на котором наблюдались выходы грунтовых вод и зарождались истоки горных ключиков. Все было совершенно непохожим на рельеф вблизи нашего лагеря и окончательно убедило нас в том, что мы заблудились и далеко ушли в сторону от лагеря.

Таежная чаща, укутанная туманом и пронизываемая непрекращающимся дождем, окружала нас и начинала пугать своей неизвестностью. Прошло уже более суток, как мы не ели, но встретить новые лишения у нас было

еще достаточно сил. Я бы даже сказал, что в такие моменты у человека, пусть временно, энергии становится еще больше; она мобилизуется за счет каких-то внутренних резервов и помогает преодолеть еще много препятствий. При нашем движении по лесу мы срывали и ели попадавшиеся на пути ягоды смородины, актинидии и шиповника, хотя от этого мы почти не испытывали уменьшения голода.

Останавливаясь время от времени передохнуть, мы хотя и сознавали всю серьезность положения, но, подбадривая друг друга, снова шли вперед, уверенные в благополучном исходе этой неудачной экскурсии. От платообразного склона мы решили следовать по направлению стекающих ключей и часа через полтора-два попали в глубокий распадок. Последний привел нас в широкую долину, по которой мы пробирались не менее четырех-пяти часов.

Большой ключ этой долины напоминал вчерашний. Те же ольхово-ясеневые топи и густые береговые заросли из спиреи и сорбарии сопровождали его на всем протяжении. Дождь усиливался. Мы стряхивали с себя струи прохладной воды. Начали зябнуть и, чтобы согреть себя, время от времени шли очень быстро, иногда бежали. Поразительная монотонность лесов и неизменность окружающего рельефа заставили нас снова подумать о правильности взятого направления. «Пусть пройдет еще один голодный день, — рассуждали мы, — перенести это вполне возможно». Но мы мало рассчитывали на то, что с наступлением ночи нам, совершенно промокшим и озябшим, удастся развести огонь, чтобы согреться. Несколько оставшихся просушенных у костра спичек, несмотря на то, что хранились они в кожаном бумажнике, оказались влажными и, как выяснилось позже, действительно не загорелись. Выход оставался один — неизменно следовать вниз по ключу и выбираться к какой-то более крупной водной артерии, где больше шансов встретиться с человеком, а может быть и с людьми, посланными разыскивать нас.

Мы прошли еще не более километра. Туман исчез, и дождь прекратился. Еще более неожиданным и радостным для нас событием оказалось появление солнышка,

которое, разрывая толщу облаков, светило, как нам казалось, особенно ярко, хотя уже давно прошло полуденную линию. Солнце дало нам и общую ориентировку. Мы убедились, что идем к долине Кафэна. Мокрые и продрогшие, мы теперь останавливались чуть ли не на каждой лесной полянке и подолгу грелись. Нам казалось, что мы после холодного тумана попадали в горячо натопленную баню. Как приятны были эти живительные лучи солнца, и вряд ли когда-нибудь они забудутся в жизни! На одной из таких лесных полянок, перебирая и просушивая листки записной книжки, я обнаружил полученное недавно в Гвасюгах письмо из дома. Я начал читать его. Оно перенесло меня далеко, далеко, к семейному уюту, и дало еще больше почувствовать себя затерянным в тайге.

Установилась солнечная погода, и наши костюмы начали постепенно подсыхать. Ручей, по заболоченной долине которого мы спускались с гор, превратился в большой горный поток. Придерживаясь его течения, мы вскоре увидели совершенно неожиданную картину. Устье ручья сливалось с большой рекой, быстро несущей свои воды к северу. Положение солнца, склоняющегося к западу, и направление реки говорили о том, что перед нами может быть только Кафэн. Почувствовав сразу же прилив новых сил и бодрости, мы с радостью начали рассматривать всё по долине реки, пытаясь найти больше доказательств того, что наш лагерь должен быть где-то недалеко по течению.

Часто на отмелях мы входили в воду, пристально всматривались, надеясь, что увидим где-либо дымок нашего лагеря. Прошли так километра четыре, и нам показалось, что далеко, далеко вниз по реке двигается лодка. От радости мы стали кричать, но вскоре потеряли голос и могли только махать в воздухе энтомологическим сачком. Прошло несколько минут, и в воздухе показался дымок выстрела, а затем едва слышный звук. Было ясно, что это сигнал заметивших нас людей.

Шли мы быстро, насколько хватало сил, а когда движение затрудняла густая береговая растительность, то входили в воду и шли вброд: так велико было желание скорее встретить людей. Вскоре мы увидели бат и двух

стоящих в нем людей. Один из них был наш Довери, другой — удэгейский мальчик Федя, приглашенный Довери из ближайшего стойбища для поисков. Они подъехали к нам и взяли нас мокрых, озябших и голодных. Бат тотчас же повернул, его подхватило быстрое течение реки, и не более как через час мы были у лагеря. Довери рассказал нам, что еще с вечера он был сильно обеспокоен нашим отсутствием и ночью ушел искать нас, стрелял, но все оказалось напрасным. Сегодня же рано утром он съездил в ближайшее стойбище охотников и организовал поиски. Одних он направил в сопки и к реке Катэну, а сам вместе с Федей направился вверх по Кафэну, поднявшись по нему до 15 километров от лагеря. Он был уверен, основываясь на своем богатом опыте, что мы должны выйти где-нибудь к этой реке. Теперь нам было ясно, как далеко ушли мы от лагеря, блуждая всего лишь одни сутки.

7 и 8 сентября мы занялись обследованием долинных лесов по Кафэну. Для этого, не трогая лагеря с места, переезжали на бате на другую сторону реки или недалеко поднимались вверх по ее течению. Во всем этом нам помогал Довери.

Долинные леса в нижнем течении Кафэна образованы несколькими типами. При общем поднятии берегов реки ивняки не получают широкого развития. Довольно обычными являются смешанные долинные или широколиственные леса. К первым относятся кедровники с примесью сибирской ели и целого ряда таких широколиственных пород, как амурская липа, желтая береза, амурская рябина, мелколистный зеленокорый и желтый клены, а ближе к реке — еще амурская сирень, черемуха, акатник и ольха. В подлеске встречались жимолость Маака, бересклет малоцветковый, жасмин, элеутерококк и особенно часто — маньчжурская лещина. В травяном покрове всюду виднелись папоротники, а также не менее типичные лесные широколиственные травы: смилацина, лилии, майник и другие.

По мере того, как долина реки становилась ниже и, следовательно, как правило, в периоды больших дождей покрывалась водой, получали развитие ильмово-широколиственные леса, в которых, кроме господствующих бело-

корых ильмов, произрастало много широколиственных пород, общих с долинными кедровниками.

На совсем сниженных участках долины, часто с влажной или даже заболоченной почвой, росли ольхово-черемуховые леса, среди которых время от времени поднимались и более высокие деревья ясеня маньчжурского, а у берегов реки — огромные тополя Максимовича. По реке Хору такие долины часто бывают покрыты листовенничными марями.

Несмотря на приближение осени, в долинных лесах по Кафэну встречалась еще довольно разнообразная фауна насекомых. Так, из бабочек днем летали бархатница Седакова, лесные белянки, самцы непарного шелкопряда, пеструшка Прейера, ванессы и часто — с яркой красной полосой на передних крыльях — бабочка складокрылка; последняя держалась обычно в затененных частях леса, где она по своей окраске гармонично сливалась с бликами солнечного света, проникающего через кроны деревьев.

Ночные экскурсии в этих лесах дали возможность мне поймать такие довольно редкие здесь виды бабочек, как пухоспинка Танкре, пяденица гареус малый, павлиноглазка ореховая и некоторые цидарии. У прогалин же леса часто летали в вечерние часы самки непарного шелкопряда.

Из короедов в долинных лесах по Кафэну я часто находил на кедре шестизубого и вершинного короедов, реже — гравера, на ели — короеда типографа и елового полиграфа, на белокорой пихте — полиграфа пихтового и на ясене маньчжурском — лубоеда бороздчатого. На многих усыхающих стволиках подроста различных листовенных пород очень часто попадались повреждения и жуки многоядного древесинника. День 8 сентября был мало удачным для исследований. Часто шел дождь. Выбирая моменты, когда светило солнце, мы подсушивали на себе костюмы и снова продолжали работать. Только уже к позднему вечеру вернулись в лагерь. К этому времени из села Бичевого прибыл Мичина Кимонко.

Завтра утром мы покинем Кафэн и переедем на реку Катэн, чтобы оттуда тронуться в далекое путешествие к неведомым вершинам горного узла Коенини.

Глава II

Вверх по реке Катэну

После нескольких пасмурных дней, малоблагоприятных для экскурсий, наконец, установилась хорошая погода. Мы плывем вверх по Катэну, чтобы пробраться к вершинам Коенины. С нами неизменные наши спутники и проводники — удэгейцы Довери Калюндига и Мичина Кимонко. Везет нас тот же бат-ульмагда, который вынес уже много испытаний в течение более чем двухмесячного плавания по Хору и его верхним притокам. Очень пригодилась нам и оморочка. На ней Мичина мог отправляться в глухие и узкие протоки для охоты с острой и кормил нас вкусными ленками и тайменями.

Первые двенадцать километров от устья по Катэну ландшафт очень напоминает долину Хора. Те же монотонные ивовые леса, осеняющие берега реки и ее острова. Те же уремные широколиственные леса с присутствием белокорого ильма, маньчжурского ясеня, маньчжурского ореха, яблони, боярышника и многих кустарников. Правда, по Катэну бат чаще подходит к более крутым горным склонам, которые обыкновенно покрыты добротными кедровыми лесами. В том случае, когда такие крутые склоны пререзают распадки с бегущими по ним быстрыми горными потоками, кедровники часто сменяются почти чистыми елово-пихтовыми или елово-кедровыми лесами с редким присутствием в них лиственных пород. В лесах нижнего течения Катэна часто встречались оба вида крохалей (большой и малый) и гоголь. Их молодые особи уже настолько подросли, что свободно снима-

лись и улетали на большие расстояния. В одном месте мы вспугнули стайку крохалей, которые не походили на первых и по их более вытянутым шеям и поднятым на голове перьям скорее напоминали чешуйчатых крохалей. Этот вид, как известно, является очень редким и гнездится в дуплах деревьев. К сожалению, нам не удалось добыть эту интересную утку.

Чешуйчатый крохаль.

Кроме названных птиц, в низовьях Катэна я отметил серую цаплю, куликов-перевозчиков, а у скалистых берегов—семьи горных трясогузок.

Сегодня мы разбили свой лагерь задолго до захода солнца с таким расчетом, чтобы остаток дня посвятить обследованию кедровников. Они особенно заинтересовали меня потому, что в ряде случаев на большом пространстве они давали сухостой. Осмотр их показал, что стволы их уже много лет назад были заселены шестизубым короедом, который оставил следы своих повреждений. Установить сейчас причину усыхания кедровников было трудно. Во всяком случае значение вредителей, и прежде всего короедов,

проявлялось здесь в огромных масштабах. С одной невысокой сопки я рассмотрел, что массивы усохших кедровников уходили далеко к западу и, возможно, смыкались с теми площадями сухих кедровников, которые известны были еще ранее в бассейне соседней с Катэном реки Матая.

Возвращаясь к лагерю, я заметил резкие изменения в природе. Чувствовалось приближение осени. Ее дыхание проникало во все уголки тайги. Зацвели борцы и сиреневые астры. Листья винограда и кизильника теряли зеленую окраску, а ясень, бархат и маньчжурский орех

пожелтели. Черемуха наполовину растеряла свой летний зеленый наряд. По одной из тихих проток Катэна я заметил, что летучки начавшей обсеменяться чозении сплошь покрывали заводы и плесы и словно снег беспрерывно летали и падали на землю. В мире животных началась пора изюбриного рева.

Синий хеостоносец.

10 сентября, на второй день путешествия по Катэну, мы поднялись выше чем на сорок километров. Течение реки стало заметно быстрее, нередко встречались небольшие перекаты. К берегам все чаще и чаще подходят скалы и кажется, что горы сжимают долину, делают ее более узкой. Стало больше хвойных лесов, спускающихся к Катэну. Выше речки Колами, левого притока Катэна, начинается преобразование уссурийских смешанных и широколиственных лесов. Северные и таежные виды постепенно вытесняли южные. Так, уже отсюда стал вовсе исчезать или становиться редким маньчжурский орех и кустарник акантопанакс. Не так часто из бабо-

чек встречался хвостомосец синий, а хвостомосец ксут становился совсем редким. Оба эти вида биологически связаны с амурским бархатом. Надо полагать, что с исчезновением здесь кормового растения стал исчезать и этот вид бабочек. В то же время теперь очень часто в лесах встречалась аянская ель с ее спутниками — белокорой пихтой, амурской рябиной, желтым кленом и другими. Из более северных насекомых сегодня я отметил бабочку желтушку восточную, которая своим присутствием указывает на наличие где-то поблизости торфяных болот-марей, на которых она находит свое кормовое растение — голубицу. По долине Хора эта желтушка начинает встречаться у реки Чукена, а выше распространена уже довольно часто.

Несмотря на указанные смены фауны и флоры, все же по долине Катэна проникают выше его среднего течения такие виды насекомых открытого лугового ландшафта низовий Хора, как клеверная желтушка. Достаточная ширина реки Катэна и наличие залитых солнцем его берегов, очевидно, способствуют просачиванию этой «степной» бабочки далеко в тайгу.

Со среднего течения Катэн образует частые галечниковые отложения и удобные для разбивки лагеря косы. Ночёвки в этих местах с прохладными лунными вечерами и освежающими утренними часами наступающей осени встают и сейчас передо мною яркими воспоминаниями о путешествии по Катэну.

Еще два дня ехали мы по этой реке, изучая растительность и животный мир, пополняя наши ботанические и энтомологические коллекции.

Вставали мы очень рано, быстро завтракали и торопились скорее в путь. Нам необходимо было до разгара листопада попасть в гольцы и захватить не совсем еще прекратившуюся там жизнь природы. Довери и Мичина понимали это и, неустанно работая на шестах, сделали очень многое для осуществления наших заветных желаний скорее проникнуть к вершинам Коенини. Через несколько дней мы дошли до речки Ко, впадающей в Катэн слева.

Долина Катэна в этих местах становится снова широкой. Горы с левой ее стороны отступают далеко к запа-

ду. В связи с этим здесь создались благоприятные условия для развития лиственничных марей, которые позволили в верхнем течении реки широко распространиться целому ряду животных, характерных для торфяных болот. К таковым относятся сохатый, рыжая сойка, или кукша, а из насекомых — лиственничные короеды: продолговатый лиственничный короед, лиственничный крифал, забайкальский лесовик и некоторые бабочки, как

Горная елово-пихтовая тайга у реки Катэн.

восточная желтушка и сибирская голубянка, гусеницы которых питаются листьями голубицы, в массе произрастающей на марях. Однако, несмотря на все это, долина Катэна и в верхнем течении имеет еще хорошие смешанные леса уссурийского типа, а по крутым склонам — кедровники с подлеском из рододендрона.

Река Ко — один из самых больших притоков верхнего течения Катэна. Она до 80—100 километров длиной и, огибая с западной стороны гольцы Коенины, собирает все бурные горные потоки, берущие начало у подножия вершин последней. Кроме того, река Ко, по своей малой проходимости на лодках и почти полной недоступности

для продвижения летом по ее берегам, остается до настоящего времени совершенно неизвестной. 12 сентября, в день нашего приезда к устью, я пошел посмотреть окружающую местность. Довери много рассказывал мне об этой замечательной реке, которую он посещал в прежние годы во время зимней охоты на соболя. Как только я подошел к берегам Ко, я увидел перед собой большой бурный поток, вырывающийся из гор. Даже близ устья течение реки было быстрым. Воды ее, превращаясь в следующие друг за другом перекаты, катились большими пенящимися волнами. Несмотря на то, что раньше мне приходилось подниматься на лодке по маленьким речкам и испытывать многие трудности таких путешествий, в настоящее время я как-то мало верил в осуществление возможного продвижения вверх по Ко на лодках. Тем не менее нам необходимо было все-таки пробраться водой еще дальше и, таким образом, подойти к горам как можно ближе. По уверению батчиков, выше от устья Ко будет несколько спокойнее.

В тот же день благодаря ловкости и находчивости наших проводников мы могли проплыть километров пять вверх по реке и благополучно миновать перекаты при впадении Ко в Катэн.

Теперь уже не было тех чудесных галечниковых кос, которые так часто встречались по Катэну. Река неслась по круто врезанному тальвегу. Густая тайга, казалось, еще больше придвинулась к ней и сжала с обеих сторон. Лагерь для ночлега мы разбили в кедрово-широколиственном лесу. Вечером Мичина отправился на оморочке выше по реке Ко, разыскал, как он сказал, большие тихие протоки и заколол острой несколько крупных ленков на ужин.

Рано утром мы тронулись вверх по Ко. Первые километры шли сравнительно спокойно. Не было больших перекатов и заломов. Здесь Ко имеет широкую долину, которую в периоды наводнений, очевидно, затопляет на большом пространстве. Благодаря этому здесь и образуются сквозные и «слепые» протоки; они очень длинные, и вода в них почти неподвижна. Даже не верится, что они являлись частями ревущей соседней реки. По таким протокам всегда в большом количестве держатся

ленки и заходят крупные таймени. Берега их обычно за-растают камышом и дают приют выводкам различных уток. Выше от этой зоны затишья река как бы собирает все протоки в одно русло и приобретает большую силу и быстроту. Ее перекаты, следуя друг за другом, превращаются в бурный мощный поток, который лишь изредка растекается на небольшом расстоянии плесами или образует течение с мелко прыгающими струйками воды. Только несколько минут ульмагда проходит по этим спокойным местам, а потом снова врезается в пенящиеся волны реки, и надо много силы, находчивости и ловкости, чтобы на шестах держать и двигать вперед бат. Всеми этими качествами обладали наши батчики, и мы были спокойны. Правда, было несколько случаев, когда я и Игорь по совету проводников выходили на берег, выгружали все вещи и переносили их в обход какого-либо опасного переката. Мичина и Довери тем временем перегоняли пустой бат, взбираясь по перекату. Нередко сила течения подхватывала лодку и с быстротой несла ее вниз до тех пор, пока батчики не прибивались к берегу. Отсюда, преодолевая течение, они снова начинали атаку непокорного переката. Не один раз все вместе, бредя по быстрой и ледяной воде, совместными усилиями мы тянули ульмагду на мелких перекатах. Если позволяли берега, то проводили ульмагду и при помощи бечевы. Очень опасны были моменты, когда бату приходилось взбираться по узкому, но глубокому, с кипящей водой перекату. Струи хлещут и перекатываются через борта, грозя каждую секунду наполнить бат и отбросить его вниз. Минуя опасные перекаты, мы оглядывались назад и говорили, что счастливо отделались, сохранив все наши вещи и ульмагду. Успокоившись на время, река дает нам пройти километр или два, а затем опять начинает бурлить на перекатах. Снова напряженная работа, схватка с упорно сопротивляющейся рекой.

Вскоре на нашем пути встали еще более серьезные препятствия. Река никак не хотела сдавать свои позиции. Она поставила перед нами словно баррикады заломы из плавникового леса. Нам предстояло пробиться через три таких заломы. Два из них мы расчистили топором и пилой и провели ульмагду. Третий залом забил

реку на расстоянии почти 50 метров. Несколько ярусов деревьев различной толщины, связанные более мелкими ветками, загромождали русло. Судя по тому, что на этом заломе уже начинали расти тополя и развивались заросли сорбарии, можно было думать, что залом образовался уже давно, и, видимо, в течение последних нескольких лет наводнения были не настолько разрушительными, чтобы снести его или пробить в нем хотя бы неширокие рукава проточной воды.

Остановив ульмагду ниже у берега реки, мы пошли, чтобы тщательнее осмотреть залом. После внимательного изучения обстановки, нам пришлось убедиться, что провести бат через залом совершенно невозможно. Для этого потребовался бы день работы многих людей, вооруженных пилами и топорами. Ничего не оставалось делать, как тянуть лодку волоком в обход залома. Для этого, прежде всего, мы подыскивали более подходящее место, через которое и построили «трассу». Последняя представляла расчищенный в береговой тайге проход шириною до 1,5 метра и длиной до 100 метров. Все мешавшие кустарники и деревца были вырублены, а дно трассы выстлано различным колодником. Выгрузив из бата все вещи, которые перенесли отдельно, мы вытащили его из воды и поставили на трассу. Общими силами нам довольно быстро удалось перебросить его волоком и снова спустить на воду уже много выше залома. На всю эту работу мы затратили не менее 3-4 часов. Но зато как хорошо было чувствовать себя и на этот раз победителями. Погрузив вещи, мы снова тронулись вверх по реке Ко.

Наступил вечер. Весь день ушел на то, чтобы пробиться через многочисленные перекааты и заломы. У Мичины и Довери уже нехватало сил двигать дальше ульмагду. Вскоре мы разбили лагерь и провели вторую ночь на берегах реки Ко.

Рано утром 14 сентября, забыв трудности вчерашнего дня, мы снова поплыли вверх по реке Ко. Встретившиеся несколько перекаатов были пройдены благополучно. Часа через два мы подошли к правому, довольно большому притоку Ко. Довери назвал его Хуку. Оставив нас на бате, Довери пошел в разведку. Через час он

вернулся и объявил нам, что по Ко можно подняться еще не более двух километров, а дальше начинаются заломы и встречается много больших валежных деревьев, перекинутых с одного берега на другой. По его соображениям, лучше сейчас проехать насколько возможно по речке Хуку и, разбив на ее берегах лагерь, добираться отсюда пешком в горы. По мысли Довери, последние не так далеко.

Довери оказался прав. С немалыми трудностями мы поднялись по речке не более двух-трех километров. Лесные завалы, большие перекаты и перегораживающие речку водовальные огромные деревья заставили отказаться от передвижения на бате. Место для нашего долгого лагеря Довери выбрал у озероподобного плеса речки Хуку. С пологого берега к нему подходили смешанные долинские леса, а с горного спускалась елово-кедровая тайга. Не успели мы еще вытянуть на берег ульмагду и выложить из нее вещи, как заметили, что Мичина внимательно начал всматриваться в воду и что-то по-удэгейски говорить Довери. По его напряженному взгляду и движениям легко можно было понять, что он заметил рыбу и думает, как лучше поймать ее. «Наверное, большой ленок привлек внимание Мичины», — подумал я и стал наблюдать за ним. Тем временем Довери передал Мичине острогу и спустил на воду оморочку. Еще долго всматривался он, видимо, изучая движение рыбы. Стоя в оморочке, он медленно подплыл к краю плеса, заваленного толстым колодником. Все мы стояли на берегу и очень внимательно ждали исхода рыбной ловли. Через несколько секунд Мичина метнул острогу, которая, вонзившись в тело рыбы, сначала стала почти вертикально, а затем упала на поверхность воды; рыба перешла на другое место, но недалеко, так как выше все было завалено лесом; тронуться вниз по течению, где оставался лишь неширокий мелкий проход, весь почти занятый ботом, она, очевидно, боялась.

После первой своей неудачи Мичина подъехал к нам и, поговорив с Довери, снова начал осторожно объезжать плес со стороны завала, а Довери тем временем зашел с острогой в узкую часть плеса и выжидал, когда рыба направится к нему. Так и случилось. Мичи-

на ее вспугнул, и она быстро направилась вниз по течению, но здесь встретила острогу Довери. При втором ударе рыба всплыла на поверхность воды. Это оказался огромный таймень, длиной до полутора метров. Довери схватился за древко и вытащил острогу на галечник вместе с рыбой.

Вкусовые качества тайменя во всех видах его приготовления я считаю выше почти всех наших речных рыб. Сегодня после хорошего обеда мы начали сборы в экскурсию на Коенини, чтобы завтра утром вместе с нашим проводником Довери выступить в горы.

Глава III

Пять дней в горах Коенины

Оставив в лагере Мичину, мы втроем направились к вершинам Коенины. Сколько потребуется времени, чтобы дойти хотя бы до первых гольцов этих гор? Даже Довери не мог ответить на этот вопрос. По его мнению, до самых высоких гор было не более 70 километров. Следовательно, при удачно избранном направлении это расстояние можно пройти за три дня. Исходя из этого, мы и строили все планы предстоящего путешествия. Прежде всего хочу сделать несколько предварительных замечаний и тем самым ответить некоторым читателям на вопрос, почему при путешествиях в горах я стремлюсь посетить высокие вершины и призываю к этому всех своих спутников по тайге.

Высокие вершины гор привлекают, как известно, альпинистов, которые видят в этих путешествиях, и совершенно справедливо, один из наиболее здоровых видов спорта. Помимо физической закалки организма, у альпинистов вырабатывается выносливость, воспитывается находчивость и наблюдательность, развивается способность ориентироваться в местности, которую они нередко посещают впервые.

В еще большей степени высокие горы интересны с научной стороны. Меня они всегда манят к себе как натуралиста. С какой бы стороны полевой исследователь ни приступил к изучению горной страны, ему крайне важно уловить по высоте все изменения и взаимоотношения фауны и флоры. Изменения эти часто бы-

вают настолько значительны, что путь от подножия гор и до их вершин может быть сравнен с путешествием на огромном пространстве от субтропических областей и до далекой северной тундры. Наблюдаемые в горах изменения дают натуралисту не только многочисленные факты для познания исторического процесса развития животного и растительного мира, но и подсказывают ему пути для их освоения. Горы с их разнообразным климатом могут показать как приспособленность организмов к крайним условиям их существования, так и (в определенных вертикальных зонах) способность их к изменчивости и проявлению видового богатства. На небольшом пространстве горы позволяют сравнительно легко уловить процесс формообразования видов. Горы могут стать убежищем вымирающих или уже исчезнувших в других странах видов животных и растений. Изучение последних в их современных условиях обитания может открыть не только новую яркую страничку из летописи далекого прошлого природы, но и позволит поставить на службу человеку таких полезных представителей фауны и флоры, которые в наше время, казалось, должны быть обречены на вымирание.

При изучении жизни гор натуралист не может не испытывать и того эстетического чувства, могучая сила которого всегда влечет его подняться к тем высотам, с которых открываются еще более широкие горизонты. Всматриваясь в них, он видит синеющие дали гор, и они зарождают в нем новые думы, зовут к новым исследованиям.

Первое время мы шли долиной реки Қо. Всюду господствовали тополевики, которые лишь в некоторых местах переходили в ильмово-широколиственные или же, при условии снижения рельефа и вполне определенного заболачивания, уступали место редкостойным лиственничникам со сфагновыми мхами и багульником. По краям лиственничных лесов развивались моховые ельники с брусникой и канадским кизильником.

Травянистый покров долины оказался очень бедным. Многие виды не только давно отцвели, но и дали плоды. Только представители осенней флоры — борцы, девяси-

лы, астры да отдельные, опоздавшие цветением экземпляры шпорцетника изредка попадались нам по пути. Время от времени к тополевам примешивались амурская липа, мелколистный и зеленокорый клены, кедр, а из кустарников — элеутерококк, жасмин, калина буринская и другие, и тогда перед нами вставала смешанная уссурийская тайга. В таком случае сразу же становится и более разнообразным животный мир. Несмотря на повсеместное влияние наступающей осени, все еще часто летали бабочки белянки, углокрыльницы и ванессы, а иногда на лесных редилах встречались пеструшка Прейера, большая перламутровка, лимонница амурская и зефир ольховый. В условиях затемнения, где поредевший осенний лес давал уже больше солнечных бликов, вспархивали пестрые складокрылки-каллидулы. Несколько раз я вспугивал со стволов лиственных деревьев бабочек орденских лент, которые уносились так быстро, что не удавалось определить их виды.

В этих же лесах мы встретили две ямы до полутора метров в диаметре и до 50—60 сантиметров глубиной. Ямы располагались в зоне корневых лап крупных деревьев. По словам Довери, они были недавно вырыты черным медведем, который разграбил заготовленные бурндуками запасы кедровых орехов. Из птиц в этих лесах я однажды наблюдал стайку личинкоедов. Птички, видимо, уже собирались к отлету. Несколько раз встречались и кедровки, которые летом держатся только в горах, в елово-пихтовых лесах. Осенью же они обычно спускаются в долины в поисках кедровых шишек.

Долина привела нас снова к берегам Ко, которая оставалась все еще большой рекой. На основании опыта прежних путешествий, я предполагал, что если река Ко берет начало где-то на Хорско-Бикинском водоразделе, то до ее истоков от того места, где мы находились, будет не менее 50—60 километров. Мои предположения в дальнейшем, когда был совершен весь маршрут, в общем оказались правильными.

От реки Ко Довери резко свернул в сторону и, пройдя через густо заросший виноградом и актинидией долинный лес, вскоре привел нас на водораздельный хребтик между двумя ключами — Хуку-одони и Джояк-пани.

Первый из них оказался левым притоком речки Хуку, а второй — правым притоком реки Ко. Водораздел был покрыт горным кедрово-широколиственным лесом с примесью белокорой пихты. На более крутых склонах эти леса переходили почти в чистые кедровники с рододендроновым подлеском и с брусникой в травянистом покрове.

Пройдя несколько километров, Довери повел нас одним из довольно широких распадков ключа Джоякпани, по которому произрастали хорошие кедрово-еловые леса. Здесь нас застал вечер, и мы остановились на ночь, найдя отличную воду на высоте 400 метров над уровнем моря. Это был наш первый лагерь на пути к вершинам Коенини.

В тайге начиналась та пора осени, когда установившееся было к концу лета ночное безмолвие вновь нарушается брачным ревом изюбрей. В жизни уссурийской тайги период рева изюбрей памятен не только для охотников, но и для натуралистов. Он знаменует собою тот перелом в природе, когда наступает сентябрьская расцветка леса и начало листопада. В этот период первая группа перелетных птиц (иволга, соловьиная камышевка, индийская и малая кукушки и некоторые другие) покидает наши края, а другие (личинкоед, широкорот, синяя и желтоспинная мухоловки) собираются к отлету. У многих птиц начинаются осенние кочёвки в поисках пищи. Кедровка, большеногий конек, синехвостка, живущие летом высоко в горах, начинают показываться в долинах.

Своеобразно складывается в это время и жизнь насекомых. Закончив цикл развития, одни из них начинают постепенно мигрировать с верхних частей крон вниз — на лесную подстилку, в которой они найдут зимний покой, другие пристраиваются к кронам или стволам деревьев, делая для этого защитные приспособления. Наконец, третья группа, активная в период расцветки тайги и листопада, обнаруживает удивительную приспособляемость. Из этой группы бабочки дают, пожалуй, наиболее интересные примеры тесной связи среды обитания и организма. Некоторые их виды, как павлиноглазки, пяденицы из родов эраннис, крокаллис и

энномос и совки ксантии, по своей окраске неузнаваемо подражают пожелтевшей листве и гармонируют с общим фоном осеннего леса в период листопада.

Вот на таком этапе развития жизни в тайге и начинается рев изюбрей. Редко когда их можно услышать днем, обычно они режут в прохладные погожие ночи. Обыкновенно на рев одних быков отзываются другие, и тогда во всех направлениях слышится их перекличка.

Мы расположились на ночь в типичной смешанной горной тайге — излюбленной станции изюбрей. В различных частях водоразделов, замыкающих распадок, с выдающихся мысов и с отдельных хребтов доносились близкие и далекие стоны животных. Можно было слышать, как режущие недалеко рогахи приближались, затем начиналась жестокая схватка и с победой одного из быков надолго умолкали их голоса. В большом же отдалении от нас рев продолжался, и звуки, то более резкие, то заглушенные, доносились до нас всю ночь.

На другой день, 16 сентября, мы продолжали наш путь сначала несколько в горы, а затем через невысокий хребет начали спускаться к какому-то ключу с широкой долиной. Довольно часто нам попадались выбитые до чистой, выглаженной почвы места схваток изюбрей. От этих точек вели в стороны довольно заметные проторенные дорожки следов животных.

Спустившись в долину, мы вскоре подошли к бурному горному потоку, который Довери назвал Янибязани. Он стекает с больших высот Коеини и впадает в Ко где-то в ее верхнем течении. Я полагал, что отсюда мы начнем подъем в горы, придерживаясь долины ключа. Однако Довери повел нас другим путем. Мы пересекли долину ключа, а затем начали подниматься по северному склону. После однообразных низинных лесов мы вступили в горную тайгу, которая до высоты 1125 метров по северному склону давала несколько смен растительности. Леса эти не только никогда не видели топора и пожара, но были совершенно не освоены в охото-промысловом отношении. Об этом говорило полное отсутствие следов пребывания здесь охотников. Каких-либо намеков на тропы в этих лесах также не было. По рассказам Довери, только он да еще некоторые охот-

ники-удэгейцы иногда проникали сюда зимой в поисках соболя. Какой-то таинственностью веяло от этой лесной чащи. Увлеченные надеждой найти много нового и научно интересного, мы шли в горы и разговаривали с Довери, объясняя ему названия и значения того или иного вида растений. Как я, так и Игорь были совершенно уверены, что идем прямо к вершинам Коенины, да и Довери думал также.

По склону до высоты 450 метров произрастали смешанные горные леса с обилием различных лиственных пород уссурийской флоры. Выше были развиты хвойные елово-кедровые леса с одиночными деревьями амурской липы и желтой березы. В подлеске все еще были разнообразные кустарники, как элеутерококк, жасмин, крупноплодный бересклет и вьющаяся лиана актинидия коломикта. Еще выше начиналась почти чистая елово-кедровая тайга без подлеска. Только временами актинидия так густо оплетала небольшие деревья аянской ели, что на последней трудно было заметить хвою. Вся крона представляла сплошной полог, образованный листвой лианы. Вот в таких местах, на высоте 650 метров, где наметилась уже определенная смена уссурийских лесов елово-пихтовой тайгой, мы нашли на склоне убежище двух реликтовых растений нашей флоры. К ним относился вечнозеленый ползучий кустарничек — остролист морщинистый и папоротник кониограмма. Эти растения наших горных лесов являются наследием тех среднетретичных лесов, в составе которых произрастало, очевидно, больше вечнозеленых, примитивных по своему строению видов растений. Оба растения были древнейшими представителями флоры, которые на большей части своего, более обширного ранее, ареала уже вымерли и сохранились лишь в наиболее благоприятных для их существования точках. Про остролист было известно, что растет он лишь в некоторых местах бассейна реки Хора да встречается еще на острове Сахалине. Найден он и в ископаемом состоянии в третичных отложениях. Все это привлекает особое внимание к этим растениям.

Много мы провели здесь времени, изучая и описывая убежища этих реликтов. Довери, понимая наш интерес,

терпеливо курил трубку за трубкой, часто подходил к нам, с любопытством рассматривал растения и слушал наши объяснения.

Мир насекомых в этих убежищах флоры ничем особенным не отличался. Как и всюду в горных уссурийских лесах, здесь часто вспугивались красивые пяденицы Фиксена, биологически связанные с актинидией, да в просветах леса пролетали складокрылки-каллидулы. Из характерных сентябрьских бабочек я несколько раз встретил восточную осеннюю пяденицу, имеющую окраску пожелтевших листьев. Вообще же в смешанной горной тайге, по сравнению с долинной, было еще много зелени.

На высоте 700—850 метров ребристая береза сменилась каменной. Первая — типичная порода горных уссурийских лесов, вторая — указывала на приближение зоны елово-пихтовой тайги. Еще выше она нередко образовывала чистые высокогорные березняки. С этой же высоты кедра становилось все меньше и меньше, и, наконец, когда господство елово-пихтовой тайги стало повсеместным, кедр начал встречаться редко и то в виде огромных усыхающих великанов. Из его спутников большинство осталось ниже по склону. Только неизменный ему элеутерококк да актинидия коломикта еще попадались нередко до высоты 1000 метров.

Всё это говорило о том, что когда-то кедрово-широколиственные леса вертикально были распространены выше в горы, а теперь на смену им пришла елово-пихтовая тайга. Отсутствие кедрового подроста и всюду бросающиеся в глаза высыпки подроста ели и пихты также подтверждали вековую борьбу этих двух формаций, определившуюся в наше время как наступление елово-пихтовой тайги на кедрово-широколиственные леса. Чем выше в горы, тем заметнее становилось господство ельников. Сначала до 1000 метров шли папоротниковые, а затем — разнотравные ельники с участием таких широколиственных трав, как смилацина, седьмичник, канадский кизильник, кисличка и красивая клитория, которая выделялась своими свисающими на высоких плодоножках темносиними ягодами. Из лиственных древесных пород еще нередко встречалась в одном яру-

се с елью каменная береза, а в подлеске время от времени появлялись желтый клен, амурская рябина и ольха горная.

Животный мир этой тайги не богат, но характерен для данных условий. Со стволов деревьев слетали горные пяденицы (ольховая и палевая), которые уносились вдаль. На ветках аянской ели встретилась гусеница елового шелкопряда, которая продолжала еще кормиться хвоей. После перезимовки она даст бабочку лишь в июне следующего года. Было очень интересно встретить в этих лесах рыжих соек, или кукушек. Кочуя стайками по тайге, они подлетали очень близко и доверчиво рассматривали нас — незнакомых им обитателей тайги. Спустя некоторое время по призывному крику, видимо, более старых и опытных птиц вся стайка соек снялась и улетела.

На высоте 1125 метров мы вышли на платообразный водораздел, который вскоре перешел к югу в крутые склоны. Случайно нам попалась небольшая полянка, затерявшаяся среди густых ельников. Отсюда можно было хорошо рассмотреть все расположение сопот Коеини. Вся группа гольцов хотя и находилась от нас еще далеко, но была хорошо видна. Открытые, безлесные вершины и каменистые их россыпи четко обрисовывались. Нас охватило чувство восхищения при виде открывшейся горной панорамы. И сколько восторженных слов и затаенных мыслей было высказано каждым из нас в то время! Ни трудности пройденного пути, ни состояние затерянности в девственной тайге, ни препятствия, стоявшие еще впереди — ничто не могло остановить наших восторгов.

Наскоро я набросал в записной книжке приблизительное расположение вершин и идущих от них водоразделов. Обсудив возможности дальнейшего продвижения к гольцам, мы согласились с Довери, что надо спуститься в следующий глубокий распадок, по которому протекает ключ Яниякпани, и уже оттуда начать подъем на Коеини. От движения по водоразделу, на котором мы находились сейчас и который должен был привести нас к гольцам, пришлось отказаться потому, что путь этот очень длинный, и у нас не было уверенности встретить

воду. Весь остаток воды в нашей фляге был уже выпит, и сейчас мы испытывали жажду.

Мы спустились в распадок, расположенный на высоте 670 метров. Это было приблизительно среднее течение ключа Яниякпани. Еще с гор я слышал, как сильно шумели водопады. Тальвег ключа круто падал чуть ли не с каждым метром подъема, а поэтому его бурные воды стремительно катились, ударяясь о каменные стены. Еще выше он образовывал частые пороги и пенящиеся каскады. Наступал вечер, и в тишине засыпающей природы особенно приятно было слушать неумолчную музыку горного потока.

Здесь мы решили заночевать. Пока Довери на воткну-тых в землю палочках пек у костра лепешки, а Игорь перекладывал собранные растения, — я направился в вечернюю экскурсию.

Наступление осени сильно сказывалось на мире насекомых. Если еще в начале сентября в лесу вечером нетрудно было собрать десятка два сумеречных бабочек, то теперь я поймал всего лишь три вида, относящихся к осенним формам.

Ночью, когда после обычного ужина мы вели долгую беседу о продолжении путешествия, к костру временами подлетали характерные бабочки, окрашенные под цвет пожелтевшей листвы. Среди них были в основном пяденицы из родов эраннис, энномос и гимера.

После авторитетных советов Довери, на следующий день мы не пошли вверх по ключу Яниякпани, а начали подъем в лоб сопки, прямо от нашего лагеря, по очень крутому северному склону. Утром мы пили чай вволю, чтобы тем самым хотя бы на пару часов предотвратить наступление жажды в горах, когда придется совершать экскурсию при жаркой погоде. Наши фляжки вмещали не более 2—2½ литров воды, что для троих на весь день, а может быть и на два, было, конечно, недостаточно.

Не более как через 100 метров от нашего лагеря уссурийская смешанная тайга почти совершенно исчезла. Только кедр с некоторыми спутниками шел еще несколько выше в горы. Так называемая переходная зона елово-кедровых лесов здесь оказалась очень узкой и вскоре же перешла в елово-пихтовую тайгу у верхней своей

границы. На высоте 780 метров мы встретили снова реликтовое растение илекс, или остролист морщинистый, который вчера по северному склону был обнаружен нами в большом количестве.

Сегодня нам удалось столкнуться с очень интересным явлением. Ветровалы и буреломы, обычно наблюдающиеся на высотах в 700—900 метров, образуют своего рода пояс погибшего леса. Такой ветровал встретился и на нашем пути. Упавшие деревья были направлены к востоку или вверх по склону. Несомненно, дующие осенью и зимой северо-западные ветры несутся здесь на определенной высоте, и их удары, а может быть и завихрения, с особой силой проявляются на указанной высоте и вызывают вывал и поломку деревьев. Обследовав такие участки леса, я установил, что в данных условиях короеды, дровосеки и златки получают благоприятные условия для своего массового размножения и образуют длительно действующие очаги. Лесомелиораторам в будущем предстоит много поработать, чтобы предотвратить это зло в нашем лесном хозяйстве.

За переходной зоной начались частые моховые ельники, которые на высоте 1030—1125 метров перешли в сфагновые. Каменные почвы крутых склонов и избыточная атмосферная влажность, видимо, создали условия для развития здесь еловых лесов этого типа, встречающихся вообще в горах Сихотэ-Алиня на таких высотах не часто.

По склонам нам пришлось пробираться ползком, чуть ли не по отвесной линии. Нарастание высоты происходило очень быстро. Только судя по сменам в растительном покрове, можно было догадываться, что мы приближаемся к гольцам.

На высоте 1130 метров вдруг в ельник вклинился массив высокого кедрового стланника. Он возвестил нам о приближении субальпийской, или подгольцовой, зоны. Здесь же мы сели передохнуть, и я, воспользовавшись этим, нашел два характерных для кедрового стланника короеда. Игорю также было не до отдыха. Он собирал высокогорные растения.

Довери, зная как возрастал наш интерес по мере подъема в горы, также не хотел отдыхать в одиноче-

стве и, быстро выкурив трубку, тронулся в горы. Следом за ним пошли и мы. И вот с высоты 1140 метров, когда на одной стороне от нас на каменистой россыпи склона показались заросли тихоокеанского бадана, на противоположной стороне я совершенно неожиданно заметил растущий вместе со стланником знакомый мне стелющийся по земле кустарник микробиоту. Невольный крик радости вырвался у меня при виде этого чудесного растения. Не только Игорь, но и Довери, бывавший раньше в горах Коеини, совершенно не знали этого растения. Они подошли ко мне, и я рассказал им о распространении микробиоты и о том, какое большое научное значение имеет сегодняшняя наша флористическая находка.

Микробиота по общему облику напоминала тую и уже тем самым привлекла наше внимание. По целому ряду характерных признаков, она была выделена академиком В. Л. Комаровым в самостоятельный род. Это растение свойственно для гор Сихотэ-Алиня, причем основные местонахождения его до сего времени были известны лишь на самом юге Приморского края. За последние годы микробиоту нашли на отдельных высотах в Сласском и Иманском районах и даже в бассейне реки Анюя, севернее Хора. Наша находка микробиоты на Хорско-Бикинском водоразделе позволяет, таким образом, не только устранить разрыв между северным и более южным ее местами произрастания, но и более определенно говорить, что ее ареал в Сихотэ-Алине смещен значительно к западу — она отсутствует в центральной цепи хребта и сохраняется лишь в его западных, сильнее размытых и, вероятно, более древних горных складках. Вполне возможно, что непосредственное влияние моря в основной цепи хребта является также неблагоприятным фактором для существования микробиоты, и она нашла убежище несколько западнее.

В целом, как по своему строению, так и по распространению, микробиота является древним, реликтовым растением и имеет большое значение для познания истории развития флоры Дальнего Востока.

С высоты 1150 метров еловые леса в одних местах совсем отступили, в других — сохранились лишь на не-

которых частях склона. Густые же заросли микробиоты вместе с кедровым стланником теперь господствовали. Они определяли верхнюю границу леса и начало субальпийского пояса кустарников. Среди них еще встречались одиночно диервилла Миддендорфа, горная ольха и полянки золотистого рододендрона.

Вскоре мы вышли на сопку, которую Довери назвал по-удэгейски Цосокбуга (что значит — первая). По нашему высотомеру она возвышалась на 1255 метров. С нее сразу же открылись вершины Коенини, самые большие из которых все еще были далеко. Близ вершины Цосокбуга поднималась вторая сопка выше первой. Мы решили взойти на нее и уже оттуда начать более подробное изучение окружающей местности. Между двумя этими высотами находилась седловина, покрытая каменноберезниками с небольшой примесью аянской ели. Миновав ее, мы снова оказались выше границы леса. Вторая вершина поднималась на 1370 метров. После многих дней путешествия по глухой тайге, во время которого над нами тяготела сила лесных дебрей, нашему взору опять открылись манящие горизонты.

Вторая сопка с северной стороны до самого верха была занята невысоким кедровым стланником и микробиотой, а с южного склона была покрыта каменными россыпями, одетыми лишайниками. С этой сопки еще лучше можно было рассмотреть все ближайшие вершины Коенини. Мы теперь окончательно разобрались в том, что горный узел Коенини образован пятью высотами, из которых две невысокие и стоят в некотором отдалении от трех остальных. Чтобы добраться до них, нам потребовалось бы сначала сделать очень большой спуск по хребту, а затем преодолеть еще больший подъем.

Горы оказались безводными. Со второй половины дня мы стали страдать от жажды. Запас воды во флягах был израсходован, хотя пили мы ее изредка и маленькими глотками, чтобы только смочить рот и высыхающие губы. Большая потребность в воде объяснялась тем, что мы шли быстро и много потели. Чтобы найти воду, нам следовало спуститься в глубокую долину ключей и оттуда с утра начать новый подъем. Однако не столько проблема воды мешала нам идти на другие вер-

шины, как наступившая в гольцах глубокая осень, которая не обещала нам чего-нибудь интересного. Сезонная жизнь насекомых на высотах по сравнению с долинами прекращается на месяц раньше.

Взвесив все эти обстоятельства и учитывая наши небольшие пищевые запасы, мы решили ограничиться в это путешествие изучением лишь двух вершин Коенини, отложив исследование остальных до будущего, более благоприятного времени.

Окидывая взором открывшиеся перед нами высоты, я увидел, что горный узел Коенини в верховьях Катэна имеет две группы высоких вершин. Одна, более северная, на которой мы находились теперь, расположена несколько в стороне от основного Хорско-Бикинского водораздела. Ко второй группе относились вершины, которые вздымались на главном хребте, к югу, по левую сторону верховьев Катэна.

До нашего посещения ни натуралистов, ни географов на этих горах никогда не было. Многие вершины не были еще описаны и не имели названий. Поэтому некоторым из них, остававшимся и до настоящего времени безымянными или даже совершенно неизвестными, мы дали названия.

Первая гольцовая группа высот, кроме более низких, включает еще ряд больших вершин. Самую высокую, центральную из них, Довери назвал по имени реки Ко. Такое название этой вершины было оставлено и на позднейших картах. Видимо, это очень старинное название сохранилось среди охотников-удэгейцев до нашего времени. Западнее от горы Ко подымается вторая высокая вершина. Мы дали ей удэгейское название Дулаколо-бица, что значит средняя гора. Она располагается между горою Ко и вершинами, на которых находились мы. К востоку от гольца Ко подымалась высокая гора, которой присвоили имя «Далекой». Наконец, близ нашей вершины, но через реку Ко, стоит не менее высокая гольцовая вершина. Ее назвали именем проводника Довери.

Горы, относящиеся ко второй группе гольцовых вершин Коенини, выделялись тремя большими высотами, которые, как это было выяснено нашей экспедицией в

1948 году, поднимаются свыше 1500 метров. Наиболее высокую из них я назвал именем В. К. Арсеньева — неутомимого исследователя гор Сихотэ-Алиня. Вторую, расположенную западнее первой, мы назвали Цогугда, что означает в переводе с удэгейского языка — «Высокая». Еще дальше к западу стоит островершинная гора, названная нами именем Л. С. Берга — бывшего президента Всесоюзного географического общества, моего учителя географии, ныне покойного.

Из характерных особенностей высокогорной растительности обследованных нами высот необходимо отметить, что заросли стланника и микробиоты, прижимаясь к каменистому грунту, направлены нередко вверх по склонам южной и юго-восточной экспозиции. Поэтому надо предполагать, что не только холодные северные и северо-восточные осенние и зимние ветры значительно понижают верхнюю границу леса на ветробойных склонах, способствуя тем самым развитию зарослей кедрового стланника уже в зоне елово-пихтовой тайги, но и длительное действие муссонных юго-восточных ветров на некоторых южных склонах также, видимо, отрицательно сказывается на произрастании леса в данных условиях рельефа и создает благоприятную обстановку для сползания далеко вниз стланника и микробиоты.

На вершинах Цосокбуга и Довери интересным оказался и животный мир субальпийского пояса. Прежде всего я обратил внимание на частые колонии сеноставок, занимающих станции каменистых россыпей. У входов нор часто находились собранные зверьками зимние запасы в виде стебельков различных трав. В зарослях кедрового стланника я вспугнул птичку, которая, судя по ее розовой окраске, по всей вероятности, являлась шуром. В зарослях же стланника иногда показывались кедровки, которые оставляли после себя расклеванные шишки стланника. На полянках каменноберезников еще встречались не покинувшие своих летних местобитаний синехвостки и большеногие коньки.

Заслуживали внимания и насекомые этих вершин и, прежде всего, жуки короеды, повреждающие кедровый стланник. Из них один вид — гольцовый короед или восточный гравер — является характерным обитателем

субальпийского пояса в Сихотэ-Алине. Два других — полиграф тусклый и полиграф северный — относились к широко распространенным таежным видам. На юге Приморья они обитают высоко в горах и развиваются на стволиках кедрового стланника. На севере Сибири и Европы они повреждают сосну. На открытых же гольцах вследствие поздней осени нам ничего не попадалось.

Долго мучившая жажда мешала нам съесть хотя бы крошку хлеба. К концу дня мы настолько проголодались и устали, что при спуске вниз с большим трудом передвигали ноги. На берегу ключа Яниякпани мы заночевали, отойдя лишь на небольшое расстояние от нашего вчерашнего лагеря. Как ни грустно нам было расставаться с вершинами Коенины, не посетив самых высоких из них, все же приходилось на время оставить наши намерения. Ознакомившись с расположением вершин, я утешал себя тем, что скоро снова буду здесь, чтобы окончательно разрешить поставленную перед собою задачу изучения животного мира гор Коенины.

В эту ночь мы спали настолько крепко, что не слышали изюбриного рева. Следующие два дня заняло возвращение к нашему лагерю на речке Хуку, где ожидал нас Мичина. Придерживались мы приблизительно того же маршрута, каким направлялись к гольцам Коенины.

18 сентября мы с радостью встретились с Мичиной и рассказали ему о наших успехах и неудачах. Довери, взявший с собой несколько веточек микробиоты, показал их Мичине и объяснил ему на родном языке всё, что узнал об этом растении. Мичина, также никогда не видевший микробиоты, предложил повезти это интересное растение на стойбище, чтобы познакомить с ним охотников.

Много энергии отняло у нас путешествие в горы Коенины. Три подъема свыше 1000 метров, долгие спуски по крутым склонам, свыше ста километров скитаний по таежному бестропью вконец истощили наши силы.

Почти двое суток мы отдыхали у бата и не могли окончательно преодолеть усталости.

Глава IV

Возвращение

22 сентября мы покинули лагерь на речке Хуку и начали спускаться вниз.

Тайга оделась в осенние наряды. Маньчжурский ясень и амурский бархат совершенно пожелтели. Краснели клены. Пурпуровыми становились виноград и татарский кизильник. Некоторые деревья теряли свою яркую расцветку, украшая листвою лесную подстилку. Малейшее дуновение ветра срывало массу листьев, которые, далеко рассеиваясь, падали на землю или покрывали тихие заводи и протоки лесных рек.

Спуск на бате вниз по быстрым горным речкам представляет не меньшие, а иногда даже большие трудности, чем при подъеме вверх по течению. Река Ко со своими частыми перекатами и заломами как раз и ставила перед нами много препятствий при спуске. Лодку все время приходилось сдерживать шестами, чтобы не дать возможности ей опрокинуться. Особенно опасными были лесные заломы, когда лодку надо было проводить через узкие проходы, часть которых была сделана нами при подъеме вверх. При этом надо было особенно искусно лавировать и точно направлять лодку. В противном случае, повернувшись бортом, она, как правило, у глубоких заломов переворачивается, и все вещи, а то и сама лодка, тонут, теряясь навсегда в лабиринте торчащего из воды плавникового леса. Бывают иногда и несчастные случаи, когда при таких авариях гибнут сидящие в ульмагде люди. Мичина и Довери в особо опас-

ных местах обыкновенно высаживали нас, и мы шли берегом. Батчики усиленно работали шестами, зорко всматривались вперед, и, громкими криками подавая друг другу сигналы, ловко пробирались через труднoproходимые заломы.

Наконец мы вырвались из тисков реки Ко и вышли, как нам казалось, на широкие просторы Катэна. Последний хотя и быстро нес свои воды, но было возможно спокойно сидеть в бате и наблюдать пробегающие берега. Леса и сопки уносились назад. Мигали хорошо видные через прозрачную воду пестрые камешки и галька на дне реки. В синеве неба проплывали маленькие белые облачка.

Мы прощались с чудесными ландшафтами осенней природы.

Проезжая через один довольно длинный, но мелкий пережат, мы увидели несколько крупных рыб, свободно преодолевающих течение реки и стремящихся вверх. Сидевший на руле Довери заметил рыб раньше всех. Мичина схватил острогу, быстро метнул ее и заколол рыбу. Это оказалась крупная самка кеты.

Вскоре перед нами открылась поразительная картина. По всему пространству реки, разрезая спинными плавниками воду, в поисках нерестовых мест в верховьях Катэна и Ко, двигались тысячи лососей. Довери и Мичина за несколько минут набросали в лодку восемнадцать рыб. Только моя убедительная просьба заставила их прекратить охоту.

За пережатом рыба уже не шла таким густым валом.

В течение более двух часов, пока не стемнело, мы могли наблюдать ход кеты.

Сегодня у нас был особенно вкусный ужин. Кроме ухи, Довери и Мичина сварили из кетовой икры кашу, которая считается самым излюбленным кушаньем удэгейцев. Мне больше понравилась уха из свежей жирной кеты, чем каша. Лучшей ухи, казалось, я никогда не пробовал раньше.

Ночь была холодной. Утром земля покрылась инеем. Это был уже не первый, но более значительный осенний утренник.

Мы продолжаем путь вниз по Катэну. Время от вре-

мени останавливаемся, обследуем растительность, и снова ульмагда быстро несет нас, приближая к Хору.

Проезжая близ берега, нам удалось однажды очень близко подойти к самцу изюбря, вышедшему на водопой. Он подошел к тихой заводи Катэна, не заметив нас. Вспугнутый зверь быстро скрылся в чаще леса.

Еще одна прощальная ночёвка на косе Катэна и 25 сентября утром быстрым течением реки нас вынесло в Хор.

Через несколько часов мы прибыли в стойбище Гвасюги. Сюда мы заехали навестить местного учителя и моего хорошего знакомого А. Я. Масленникова. Этот человек, отдавший все свои молодые годы делу просвещения удэгейского народа, много способствовал подъёму советской культуры среди неграмотного ранее населения Хорской долины. Он осуществлял все наиболее трудные этапы строительства коллективной жизни удэгейцев. И сейчас каждый из них, живущий вместо юрты в хороших помещениях и выращивающий прекрасный урожай овощей, тепло вспоминает учителя Масленникова.

Несмотря на свою постоянную перегруженность, А. Я. Масленников глубоко интересовался энтомологией, собирал много насекомых как для школьных коллекций, так и для меня. Его можно считать первым исследователем фауны насекомых Хорской долины.

В школе нас с радостью встретили Анатолий Яковлевич и его жена Лида — дочь нашего проводника Довери. Более двух часов мы провели, беседуя с ними о нашем путешествии в горах Коенины. Как всегда, Анатолий Яковлевич показал мне свои энтомологические находки, среди которых оказались очень интересные виды бабочек. Тепло расставшись с семьей Масленникова, мы зашли еще в дома наших проводников Довери и Мичины, чтобы сфотографировать их вместе с семьями. От Мичины и его жены я получил сделанный для моего сына удэгейский халат и туфли из лосиной кожи и игрушку — маленький бат. В тот же день, после обеда, мы выехали из стойбища Гвасюги. Быстро пронеслись около «Ходов» — большого лесозаготовительного участка на Хору. Вечер застал нас возле большого и глубокого

переката под названием Дукисилини. Плавание по этому перекату, сжатому каменистыми горами, довольно опасно. Высокие валы воды, вздымающиеся значительно выше ульмагды, швыряли ее словно щепку, но в умелых руках нашего кормчего Довери она прорезала волны, ныряла между ними и благополучно вынесла нас на широкий и тихий плес Хора.

Вскоре мы подошли к ключу Ударному и к лесозаготовительному участку того же названия. Здесь нам пришлось заночевать.

Рано утром 28 сентября доехали до с. Бичевого — конечного пункта, до которого доходят все лодки, идущие с верховьев Хора. Отсюда начинается автомобильная трасса.

Мы простились с нашими замечательными таежными спутниками и проводниками Довери и Мичиной, переносившими вместе с нами все радости и трудности таежной жизни. Не более как через час местный лесхоз предоставил нам возможность поехать с попутной грузовой машиной до станции Верино, отстоящей от села Бичевого около восьмидесяти километров.

Шоссейная автомобильная дорога проходила по освоенной, мало облесенной территории. Ничем особенным она не отличалась от других подобных дорог, но осталась навсегда в моей памяти.

Как в начале лета — в июне, когда мы только что направлялись в экспедицию, так и теперь — в конце сентября, с открытых просторов окружающих полей я снова увидел далеко-далеко синеющие на востоке горы Коенини. В июне они заронили во мне мысль проникнуть к их малодоступным вершинам, теперь же, когда я с большими трудностями сумел осуществить первый этап исследования, они, казавшиеся в синей дымке призрачными тенями, еще больше манили к себе свою неизвестностью.

Глава V

Снова в путь

Прошло уже ровно одиннадцать лет, когда я снова, путешествуя в горах среднего Сихотэ-Алиня, смог, наконец, осуществить свою прежнюю мечту — проникнуть к гольцам Коенины. На этот раз руководимая мною экспедиция была снаряжена Дальневосточным филиалом Академии наук СССР в бассейн реки Бикина для изучения животного мира этой совершенно неизвестной в зоологическом отношении территории Приморского края.

Кроме меня и моего лаборанта Д. Г. Кононова, изучавших в основном фауну насекомых и, прежде всего, вредителей леса, в состав экспедиции входил научный сотрудник филиала К. Г. Абрамов, который занимался изучением копытных Приморья и должен был собрать новые данные по биологии сохатого. Наконец, уже на Бикине к экспедиции присоединился местный учитель — любитель природы, хорошо знающий уссурийских птиц Б. К. Шибнев. Он выполнял обязанности коллектора-орнитолога.

К. Г. Абрамов — один из старейших охотоведов Дальнего Востока. Приехав еще сравнительно молодым человеком, он все свои силы и кипучую энергию отдал делу охраны природы нашего края. По его инициативе были организованы крупнейшие заповедники страны — Судзукхинский и Сихотэ-Алинский, в которых он был довольно долгое время директором. Многие годы он прожил в глухой уссурийской тайге. Не одна сотня кило-

метров пройдена им по бесгропью в поисках зверя или для изучения биологии наиболее ценных из них.

Целью его работ в нашей экспедиции было изучение одного из крупнейших млекопитающих — сохатого.

Д. Г. Кононов — уроженец далекого Алтая — нашел себе вторую родину в Приморье и всей душой привязался к его чудесной природе. Несмотря на полученную им техническую специальность, в которой имел достижения, он оставил ее и всецело перешел на энтомологию. Со мной он работает с 1937 года. Овладев искусством фотографирования, хорошо зная растительный и животный мир края, в том числе и изучаемых мною насекомых — вредителей леса, он стал неизменным спутником и помощником во всех моих экспедициях и в повседневной кропотливой научной работе.

22 июня, погрузив всё экспедиционное имущество, мы выехали автомашиной из Владивостока до станции Бурлит, где должны были пересечь на баты (ульмагды) и оттуда начать путешествие вверх по Бикину.

Расстояние от Владивостока до Бурлита свыше пятисот километров нам пришлось ехать около двух дней. Местность у Владивостока всегда поражает путника резко очерченным горным ландшафтом на востоке. Несколько дальше к северу рельеф становится мягче, и слева сразу же бросается в глаза широкая луговая низменность. Это — долина Суифуна, по которой гигантской змеей вьется река и блестят по пойме старицы и озера. Близ Ворошилова-Уссурийского слева от дороги тянется равнина, справа поднимаются невысокие горы, образующие то плато, то небольшие сопки. Шоссейную дорогу по сторонам сопровождали разнотравные, еще некошенные луга и кустарниковые заросли. Всюду цвели желтые красодневы, красные лилии и синие ирисы. Они указывали, что первый, начальный период лета еще не миновал. Наша машина нередко вспугивала стайки даурских скворцов, очевидно, уже покинувших гнезда. Время от времени у дороги показывались парочки рыжеухих овсянок. Они, наоборот, еще прочно были связаны с местами гнездовий. За городом Ворошиловом равнинная низменность еще больше бросалась в глаза. Особенно далеко она уходила на запад. Только чуть-

чуть на горизонте виднелись хребты и сопки пограничных гор.

Проехав реку Лефу, замечаешь, что равнину разделяет ряд сопки и всхолмлений, которые тянутся с востока на запад. Дорога, сделав несколько зигзагов, перерезает этот водораздельчик и снова выбегает на равнину, которая к западу уже непосредственно сливается с Ханкайской низменностью. Всякий раз, когда я проезжаю этими местами Приморья, у меня возникают мысли о древнем, более широком стоянии озера Ханки, и я думаю: не являлись ли лефинско-хорольские всхолмления южными берегами этого, когда-то более обширного озера?

Уже в Спасске нас застал вечер, но мы решили ехать дальше, чтобы сегодня же добраться до курорта «Шмаковка».

Ночью природа продолжала свою, несколько иную жизнь. На свет фар неслись многочисленные бабочки. С дороги часто поднимались какие-то крупные хищные птицы, похожие на сов. По всей вероятности, они охотятся в такое время на перебегающих по голой земле полевок. Вспугнутые светом птицы спокойно отлетали в сторону, как бы подчеркивая, что автомашина для них привычное явление. Отовсюду слышался громкий хор дальневосточных жерлянок. Кажется, нигде не оставалось свободного от этих лягушек места. Они подавали голоса не только из мочажин и озерков, но из придорожных кюветов, кустарниковых зарослей и даже с лугов.

При остановках автомашины мы слышали из соседних тальников пение дроздовидных камышевок, а в высокой полубурьянной растительности всю ночь напролет у дороги пели неугомонные тонкоклювые пестрогрудые камышевки.

К утру мы приехали на курорт. Я занялся осмотром здешних мест. С высокой вышки над берегом Уссури открывался великолепный вид. К югу долина Уссури терялась где-то далеко в горах. К северу и западу она блестела на солнце гладью широких вод. На востоке синели горы. Я остался очень доволен прогулкой.

Тронуться в дальнейший путь мы смогли только после обеда. Дорога повела нас в гору. Вскоре вся до-

лина этой большой реки предстала во всем своем великолепии. Старицы, озера, топи, травяные болота, луга, сама река, тальники и широколиственные леса — все эти местообитания животного мира были представлены здесь в комплексе и широко. Не отрываясь, смотришь на эти просторы, пока дорога, отдаляющаяся от Уссури, не унесет дальше в горы.

Вечером мы проехали реки Иман и Ваку. Простор долин сливающихся здесь рек мне показался необъятным. Ширь их увеличивалась оттого, что все пространство было покрыто луговой растительностью, уходящей далеко-далеко. Луга эти сливались затем с полями и создавали иллюзию степного простора.

Вторая ночь, встретившая нас в автомашине за Иманом, была не менее памятна, чем предыдущая.

Приближалась гроза. В воздухе стояла та особая духота, которая происходит от избытка влаги и которая всегда характерна для уссурийской теплой ночи. Древесные лягушки и жерлянки кричали сильнее. Сотни бабочек летели на свет фар, а охотящиеся за ними козодои и летучие мыши близко подлетали к свету, схватывая в воздухе обильную добычу. В стороне от дороги вспыхивали летающие светлячки.

Начался дождь. Заночевали у знакомых на Губеровской сельскохозяйственной станции.

24 июня мы не могли выехать рано, так как мешал дождь. До 10 часов утра он шел непрерывно. До станции Бурлит — конечной остановки, куда должна доставить нас автомашина, было не более 100—120 километров. Несмотря на испортившуюся дорогу и начинающийся опять дождь, мы все-таки в этот день добрались до места, посетив по пути курорт «Ласточку» и село Пожарское.

В Бурлит мы прибыли днем. Нас встретил приехавший сюда Б. К. Шибнев. По нашей просьбе он заранее нанял два бата и четырех батчиков-удэгейцев из охотничьей артели села Сяин. Они должны были перевезти груз и людей экспедиции до Сяина, отстоящего от Бурлита на 150 километров. В Сяине же мы окончательно сформируем отряд экспедиции для путешествия выше по Бикину.

В Бурлите были сделаны все подготовительные работы для предстоящего плавания в низовьях Бикина. По речке Ханихезе, небольшому левому притоку Бикина, проходящей близ Бурлита, перебросили все вещи на батах до пристани, где останавливаются на реке Бикине все проходящие к железнодорожной станции баты удэгейцев.

Д. Г. Кононов и Б. К. Шибнев отправились к пристани вместе с грузом на батах. Я и К. Г. Абрамов, проводив нашего шофера в обратный рейс, пошли к пристани пешком, которая находится от Бурлита не более чем в трех-четырех километрах. К вечеру все собрались на берегу Бикина. Кроме наших батчиков, здесь находились еще несколько удэгейцев. Всюду слышались их оживленные разговоры на родном языке, переходившие, как мне казалось, в споры. Здесь мы разбили палатки. Погода оставалась неустойчивой. Временами моросил дождь. Спал я плохо. В палатке было сыро и душно.

Глава VI

В низовьях реки Бикина

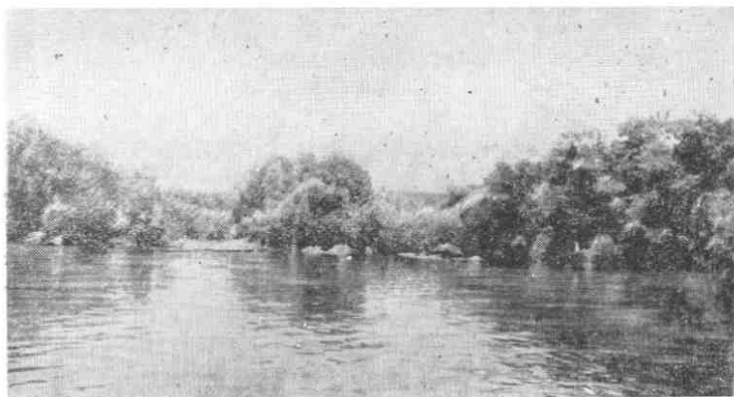
Рано утром 25 июня при благоприятной и, как нам казалось, установившейся погоде наш небольшой отряд тронулся вверх по Бикину. До Сяина нас везут четыре удэгейца. Бат, на котором едем я и Д. Г. Кононов, толкают на шестах удэгейцы Александр Канчуга и Семен Куксунка. Вторым батом, на котором сидят К. Г. Абрамов и Б. К. Шибнев, управляют Милован Пионка и Алексей Суляндига. Наши батчики — народ бывалый. Все они — бывшие солдаты, некоторые из них — участники Отечественной войны.

Объединение распыленных прежде стойбищ преобразующе сказалось на бытовой стороне жизни удэгейцев, сделав их передовыми людьми. Качества новых, советских людей постоянно проявлялись у наших спутников по экспедиции.

Река Бикин в нижнем течении образует много длинных протоков, заводей и островов. Нередко встречаются старицы, которые, потеряв связь с рекой, становятся зарастающими озерами, обильными рыбой. Низкие берега и острова реки были покрыты ивняком, который сейчас стоял затопленным. На более же возвышенных берегах и островах, кроме ив, росли осины и одиночные деревья маньчжурского ясеня и белокорого ильма. Наконец, можно было бы выделить в нижнем течении Бикина и третью группу островов и берегов, которые приподняты еще выше над уровнем реки и во время больших наводнений почти никогда не заливаются. На таких,

правда, довольно редких участках бикинской поймы развиваются многие широколиственные породы уссурийской тайги: липа амурская, орех маньчжурский, калина Саржента, сорбария, некоторые спиреи и другие.

Коренные и островные лесистые берега реки покрыты кизильником, длинные ветви которого часто опускаются до самой воды.

Бикин в нижнем течении.

Лесная растительность низовий Бикина развита в основном ближе к берегам реки, отступая от которых, попадаешь на заболоченные и войниковые луга. На лугах можно встретить группы или одиночные березы и осины. В этом случае ландшафт напоминает картины средне-русских березовых рощ.

Животный мир в нижнем течении Бикина на расстоянии не более двадцати километров, пройденных нами сегодня, оказался довольно разнообразным. Из ивняка часто вылетали цапли — зеленые кваквы. В заводях держались утки косатки и кряковые. У берегов обычно показывались и перелетали кулички перевозчики. Здесь же парочками встречались белые трясогузки; они, вероятно, гнездились в этих условиях.

На песчаных берегах мы часто обнаруживали следы уссурийской черепахи и однажды, вспугнув ее, видели,

как она уходила от нас в воду. Наблюдая неуклюжие движения этого животного, невольно переносишься в ту отдаленную геологическую эпоху, когда наша земля была населена большим числом подобных животных.

Амурская зеленая кваква.

На прилегающих к берегам Бикина сырых лугах и травяных болотах время от времени слышались брачные крики — «блеяние» азиатского бекаса и унылые крики кроншнепов. Здесь же мы поднимали и гнездящегося в этой станции пестрохвостого веретенника.

По невысоким ивовым зарослям звонкими песнями, особенно по ночам, обнаруживали себя дроздовидные камышевки. Нередко вылетали парочки горлинок, гнездящихся здесь же. В более тенистых высокоствольных

лесах обитали сизые дрозды, пеночки, синие соловьи и китайская иволга. Между прочим, по голосу местная популяция последней несколько отличается от ее южных особей.

Мир насекомых также не мог не обратить на себя внимание. У травянистых берегов реки часто летали синие стрекозы лютки-красотки, а у лесистых берегов падали к нам в лодку бабочки пяденицы восточные, гусеницы которых обычно развиваются на некоторых видах тальника и ильме. Многих других бабочек мы ловили чаще всего в тех местах, где растущие по берегам деревья вытягивают низко над водой не только свои ветви, но даже и стволы. Вот здесь-то, под этими «расческами», как называют батчики склонившиеся над рекой деревья, мы и собрали во время нашего путешествия несколько сотен самых различных насекомых.

На ночь нам пришлось остановиться на берегу, густо поросшем высоким вейником. Недалеко от нашего лагеря находился береговой ивняк. Здесь мы впервые организовали ловлю ночных насекомых на фонарь. Среди них особенно разнообразны были бабочки. Наряду с бражниками, совками и пяденицами, мы собрали многие виды огневок и листоверток. В целом я получил довольно полную картину о составе фауны чешуекрылых нижнего Бикина и мог представить их биологические связи с местами их обитания и кормовыми растениями.

На следующий день погода благоприятствовала дальнейшему продвижению к местам исследования. Приближаясь к поселку Красный Перевал (в сорока километрах от Бурлита), я заметил, что ландшафты хотя, в общем, и оставались теми же, что и вчера, но ильмовники с разнообразными широколиственными породами стали встречаться чаще. Однотонные, тянущиеся на большом пространстве по берегам и островам ивовые леса теперь значительно сократились. В связи с этим начали сказываться и некоторые изменения в животном мире. Появились широкороты — красивейшие представители пернатых уссурийской тайги. По затененным протокам днем мы поднимали уток мандаринок, а вечером слышали крики иглоногой совы и совки-сплюшки. Для всех четырех видов птиц необходимо наличие толстых перестой-

ных деревьев, в дуплах которых они устраивают свои гнезда. Все эти условия были налицо в ильмово-широколиственных лесах, старые насаждения которых мы впервые и отметили сегодня.

Проезжая вдоль берегов, мы часто замечали следы черепах, а нередко видели и их самих греющимися на солнышке. Заметив приближение лодки, черепахи убегали в воду. Еще больше их следов было на косе, где мы остановились ночевать. От илистых берегов они вели к песчано-галечниковым, более высоким местам косы. Рассмотрев внимательно последние, я определил, что черепахи где-то неподалеку откладывали яйца. Отыскать их «гнезда» не представляло затруднений. На ровной песчаной поверхности замечались незначительные понижения, на которые вряд ли можно было обратить внимание, если бы к ним не вели следы черепах. Разрывая гнездо, на глубине 15—20 сантиметров я находил до 30—50 шарообразных бледнорозовых, плотно уложенных яиц. По величине яйца достигали полутора сантиметров в диаметре. На небольшом пространстве мы нашли восемь кладок. По рассказам удэгейцев, за последние годы в долине Бикина черепах стало значительно больше. Возможно, что в настоящее время идет расселение их по этой реке к востоку. Яйца черепах вполне съедобны, но удэгейцы не собирают и, как говорили мне, не едят их. Однако приготовленную сегодня яичницу из черепашьих яиц наши батчики вместе с нами кушали охотно.

Сегодня я заметил впервые на Бикине появление бабочек боярышницы и ленточницы Гельмана. Ночью показались светлячки. По сравнению с южным Приморьем, многие виды насекомых на Бикине, очевидно, появляются несколько позднее. Сегодня же, при выдавшейся темной ночи, был обильный лёт бабочек на свет нашего фонаря и на костер. Среди разнообразных видов обращали на себя внимание крупные брамеи, или волнистые павлиноглазки, окрашенные в темнокоричневый цвет со струйчатыми светлыми линиями, и нежноголубые, также крупные, с длинными хвостиками, павлиноглазки-артемиды.

Многочисленные бабочки, особенно последние два

вида, произвели большое впечатление на наших батчиков, которые, заметив как мы с Кононовым с увлечением их собирали, также приняли самое живейшее участие в коллекционировании. Многие виды насекомых не подлетали близко к свету, а держались поодаль от фонаря и костра. Их приходилось ловить сачками, которых у нас теперь явно нехватало. Всем членам экспедиции хотелось испытать свое умение.

27 июня мы еще до обеда подошли к селу Красный Перевал. Оставив на лодках К. Г. Абрамова и батчиков, мы втроем (Кононов, Шибнев и я) направились в экспедицию на марь.

Марь оказалась обширной и сырой, часто переходящей в кочкарниковые топи, покрытые тонколистной осокой. Встречались лесистые рёлки*, которые делили марь на отдельные участки. Из древесных пород на рёлках росли преимущественно березы и осины, иногда встречалась лещина разнолистная и даже монгольский дуб. Поэтому в этих условиях сохранялась обедненная лесная фауна ильмово-широколиственных насаждений долины Бикина.

Здесь мы встретили много своеобразного. В этих местах держались белые аисты, часто пролетали луни, и обычными были дубровник, луговые чеканы и конек. Гнездо последнего с шестью яйцами я нашел на кочке. Из насекомых на мари обращали на себя внимание преимущественно бабочки, из которых одни являлись типичными для этой станции, как, например, сенница ифиза и некоторые виды листоверток, другие же оказывались обычными луговыми видами, как-то: пяденица скóрия, толстоголовка морфей, травянки крамбусы, клетчатая пяденица и желтушка аврора.

28 июня стояла очень хорошая погода. С утра ярко светило солнышко. День был жаркий. Выбраться же из Красного Перевала и ехать дальше мы могли только в 12 часов, так как различные обязанности в сельпо, на почте и в сельсовете отняли у нас много времени.

Выше Красного Перевала Бикин с его берегами и островами в общем виде мало чем отличается от прой-

* Рёлки — вытянутые небольшие возвышения на пизинах.

денного вчера маршрута. Я только заметил, что теперь было больше проток, по одной из которых (узкой, но глубокой) мы и пошли со своими ульмагдами.

Экскурсия на марь.

Для меня всегда представляет большое наслаждение плавать по тихим нешироким протокам. Деревья здесь, нависающие с одного берега на другой, чаще всего образуют сплошные зеленые своды. В этом случае лучи солнца проникают к воде лишь в виде бликов и пятен и создаются условия для обитания животных «тенелюбов». К ним из насекомых относятся многие ручейники, поденки и различные виды сумеречных бабочек, летающих здесь и днем. К берегам затененных протоков ведут выходы нор выдры. Крупные ленки и даже таймени поджидают добычу чаще всего в глубоких протоках, осененных густой лесной растительностью. А сколько по таким протокам прячется утиных и крохалиных выводков!

Время от времени сплошные шатры зелени разрываются на небольшом расстоянии, и тогда в освещенные ярким солнцем продушины собираются, и нередко в

массе, различные светлюбивые насекомые. Особенно многочисленными бывают тогда виды ленточниц, пеструшек, радужниц и некоторых других дневных бабочек. Часто здесь летают крупные с черными пятнами на крыльях амурские ручейники и синие стрекозы лютки-красотки.

Плавание по затененным протокам представляет особую прелесть. У путешественника возникают глубокие эстетические чувства и понимание природы. Он близко наблюдает красоту сочетания воды и леса. В то же время натуралист, наблюдая здесь тесное сожительство животных и растений, скорее проникает в историю сложных взаимоотношений живых организмов. На широком же просторе реки разнообразие связей природы распылено и уловить их труднее.

Не доезжая Верхнего Красного Перевала, мы организовали ночлег на хорошей галечниковой косе. Площадь травянистых берегов Бикина, населенных миллионами комаров и мокреца, теперь значительно сократилась. На косах, где у реки прохладнее и бывает ветерок, их во много раз меньше.

Погода продолжала оставаться отличной, и мы сумели за 29 июня проехать свыше 30 километров. Отсюда на полпути между Олонем и Верхним Красным Перевалом я заметил новые изменения окружающей нас природы. Бикин не делает таких кривунов, какие встречались ниже, течение его становится быстрее, а в некоторых местах нам встречались даже небольшие перекаты. Чаше стали попадаться перенесенные наводнением деревья различных лиственных пород. По некоторым протокам они образовали заломы, которые оказались недоступными для прохода батов. По одной из таких проток нам все-таки удалось пробиться. Для этого в одном случае надо было работать пилой и топором, чтобы сделать проход батам, а в другом — пустые ульямгы перетаскивать через залом, а вещи переносить берегом. Сегодня мы впервые проплыли около высокого горного берега, образующего сопку Лидилазу. До сего времени берега Бикина были низкими, и горы виднелись где-то далеко по сторонам.

Заметные изменения видны на этом переходе и в

фауне и флоре. Часто берега были покрыты широколиственными лесами, уступающими в некоторых местах смешанным кедрово-широколиственным. На крутых склонах Лидилазы росли дубовые леса с черной березой. Меньше стало ивовых зарослей.

В мире животных резко уменьшилось количество черепах. Следы их, исписывающие всюду песчаные и илистые отложения реки ниже по Бикину, теперь появлялись реже. Мало было и черепаших «гнезд».

Сегодня я увидел больших крохалей — обитателей более быстрых горных рек. Редко встречались амурские зеленые кваквы, хотя сегодня Шибнев нашел в тальниках на иве гнездо этой птицы с тремя голубыми яйцами. По величине они были чуть крупнее голубиных.

С появлением смешанных лесов наблюдались поющие высоко на кедрах синие мухоловки. Однажды пришлось видеть, как эта красавица среди пернатых, охотясь за насекомыми, спустилась до самого подлеска и обнаружила себя чудесным оперением. Обыкновенная кукушка — обитательница мелкокося — почти исчезла, и вместо нее мы слышали крики глухой кукушки. Занимая ильмовые сушины, часто стали встречаться ширококороты. С уменьшением тенистых ивовых лесов не стало слышно китайской иволги. Ночью в смешанных и широколиственных лесах теперь очень часто кричали совка-сплюшка, иглоногая сова и уссурийский филин. Перед нами была почти вся разнообразная орнитофауна* уссурийских смешанных лесов.

Чтобы проследить изменение фауны и среди насекомых, я совершил во время остановки батов на обед непродолжительную экскурсию в смешанные широколиственные леса. Эта экскурсия позволила подтвердить, что в связи с изменениями в составе и типах растительности происходят изменения и в мире насекомых. Так, появились многие хвойные усачи и короеды, из бабочек — оранжевые пеструшки Четверикова, уссурийская тополевая ленточница, амурская радужница, непарная перламутровка и многие другие виды.

Эта экскурсия позволила мне установить, что в ши-

* Орнитофауна — фауна птиц.

роколиственных лесах ожидающийся обильный урожай красной смородины был уничтожен гусеницами одной плодовой гусеницы. Гусеницы, выедая ягоду за ягодой, опутывали всю кисть паутиной, на которой задерживались их экскременты. На смородине встречались ягодные клопы, которые также могли способствовать уничтожению ягод в период их более раннего развития.

На следующий день к нашему лагерю, где мы ночевали, рано утром подошла оморочка. На ней сидел удэ-геец Суляндига Байтани, как потом я узнал от своих батчиков. Он был почтальоном села Олонь и сейчас ехал получать почту в Нижнем Красном Перевале, отстоящем от Олоня в 100 километрах. Туда и обратно этот путь Суляндига совершает за 5-6 дней, доставляя почту четыре раза в месяц.

Сегодня мы проехали скалистые берега близ речки Кангулазы. Здесь находится домик лесника Беркина, хорошего знатока бассейна реки Бикина.

От Кангулазы на большом пространстве Бикин течет быстро, причем фарватер реки переходит часто от одного берега к другому. Поэтому нам также приходилось неоднократно пересекать реку, выбирая более удобные для прохода батов берега. Однако не удалось избежать и опасных мест. Приходилось часто проводить баты под нависшими у берега деревьями и их ветвями — проезжать под «расческами», причем это надо было делать не только при движении по Бикину, но и по его двум длинным протокам — Капшанзе и Манзе, которыми мы пробирались сегодня несколько часов. Проезд под «расческами» небезопасен. Как батчики, так и сидящие пассажиры должны следить за тем, чтобы не задеть головой за ствол дерева или не попасть в нависшие ветви, которые могут причинить всякие неприятности. В этом случае приходится чаще всего пригнуться до дна бата или же успевать на ходу бата перелезть через нависшие деревья.

В течение сегодняшнего, тяжелого для переезда дня все-таки удалось произвести несколько интересных наблюдений. На одной мари, подхитившей вплотную к берегу Бикина, нам удалось с Коновым сделать богатые сборы насекомых. Делали мы это в то время, когда все остальные увлеклись сбором съедобной жимолости.

Среди других сборов бабочек здесь же мы нашли маленькую восточносибирскую шашечницу плотину и редкую перламутровку ифигению.

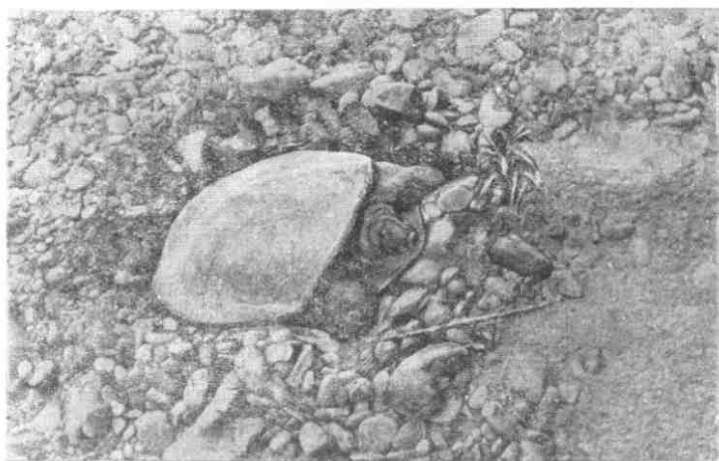
На галечниковой косе, где мы обедали, у самой воды я в массе нашел водяных клопов, относящихся к роду корикса. При попытке приблизиться к ним, они тотчас же отскакивали от берега и, ныряя, приставали к мелким подводным камням. У воды держались типичные береговые жужелицы из родов бембидий, тинников и небрий. Причем один более крупный вид последнего рода днем прятался между галькой, а вечером наблюдался у самой воды. Наконец, упомяну одно маленькое наблюдение в горных смешанных лесах протоки Капшанзы, возле которых проходил наш бат. В 4 часа дня я заметил поднимающуюся от берега протоки крупную пеструю бабочку, которая унеслась вверх, исчезнув в чаще леса. По ее плавному полету и особенностям клетчатого рисунка я, кажется, безошибочно признал в ней носсу уссурийскую — представителя тропического семейства уранид. Первые наблюдения и сборы этой бабочки я сделал впервые в горных смешанных лесах в среднем течении Имана. Интересно отметить, что этот вид нашей фауны, несмотря на его тропическое происхождение, встречается пока что только в более северных частях Приморья и найден еще в низовьях Амура.

Неоднократные наблюдения убеждают меня в том, что одна из самых крупных уссурийских змей — полоз Шренка — имеет в бассейне Гикина две экологические формы. Из них одна (лесная форма) живет преимущественно в тайге. Она хорошо лазает по деревьям, куда взбирается, спасаясь от преследования. В питании этой формы, помимо мелких млекопитающих, имеют еще значение яйца и, наверное, птенцы птиц. Вторая форма — прибрежная. Стацией ее являются берега Бикина и его протоков, где она прячется, главным образом, у заломов плавникового леса и у валежин. Вспугнутая и не успевшая уйти в завалы леса, она нередко бросается в воду и, очень хорошо плавая, уходит на другой берег или забирается под коряги залама. Пищей этой формы являются в основном различные водные и береговые обитатели, как, например, рыбки, лягушки, насекомые и другие.

У меня не было, к сожалению, достаточно свободного времени, чтобы провести дальнейшие и более подробные наблюдения за указанными формами полоза Шренка.

Сегодня мне удалось сделать интересные наблюдения за уссурийской черепахой, откладывающей яйца. Свой лагерь мы раскинули на большой песчано-галечниковой косе. Я пошел осмотреть ее расположение и пособирать в ивняке бабочек.

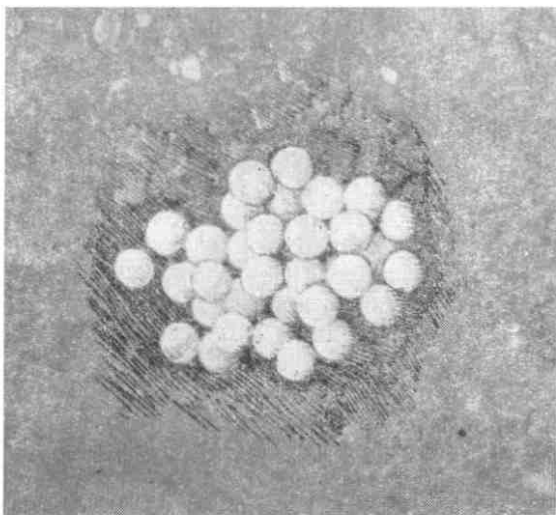
К косе подходила тихая заводь с пологими, высокими

Уссурийская черепаха, откладывающая яйца.

берегами. Здесь были свежие следы черепах, направляющиеся к песчаным полянкам, расположенным среди редких кустарников ив. На одной из таких полянок я совершенно неожиданно заметил неподвижно сидящую черепаху. Подойдя ближе к ней, я увидел, что задняя часть ее туловища и задние ноги были погружены в песок. По конвульсивным движениям, которые производила черепаха, я догадался, что она откладывает яйца. Черепаха не обращала на меня никакого внимания. Когда я подошел совсем близко к ней, животное, хотя и обнаружило некоторое замешательство, все же продолжало оставаться во власти инстинкта. Через несколько минут я пошел в лагерь за Кононовым, чтобы сделать несколь-

ко фотографий столь интересного объекта. Более часа мы вдвоем пробыли около черепахи, фотографируя ее с разных сторон. Вскоре к нам подошли другие товарищи. Мы еще минут двадцать наблюдали за черепахой и громко разговаривали. Потом я увидел, что черепаха, вытащив из песка задние конечности, начала такие движения, по которым можно было догадаться, что она прикатывает яйца и гнездо. В то же время было заметно, что ее голова с клювообразным острием, до сего времени едва высывавшаяся из панцыря, теперь стала

Яйца черепахи.

вытягиваться больше и больше и вместе с шеей достигла четверти длины тела. Длина черепахи равнялась сорока сантиметрам. Затем она моргнула яркзолотистыми глазами (до этого же ее взгляд был как бы застывшим), сделала поворот на четверть круга от центра гнезда и, пробыв в такой позе еще минут пятнадцать, пустилась очень быстрым ходом к заводу. У берега она тотчас же нырнула, и по оставленному следу взмутившейся воды видно было, что черепаха ушла по дну в самую глубо-

кую часть заводи. В это время было уже около девяти часов вечера.

Сегодня вечером у нас в лагере было особенно оживленно. Часто слышался громкий смех Милована. Шибнев и Кононов вели оживленный диспут о совершенных способах препарирования, а из палатки Абрамова, забравшегося туда от мошки еще с вечера, слышалась его любимая песня: «Эй, комроты, даешь пулеметы!» Все уснули очень поздно.

Утром мы направились по протоке, известной под названием Суйтун. Она очень длинная, проходит, главным образом, у коренного берега долины Бикина и, разбиваясь на более мелкие проточки, имеет много спокойных заводей. Наши баты плыли более трех часов. В одном месте на берегу мы заметили земляные валы, имеющие вид незамкнутых кругов, диаметром до шести метров и свыше метра глубиной. По всему было видно, что они представляли собою укрепления и, очевидно, относились к той исторической эпохе, когда не только бохайцам (земледельческому населению края), но и коренным лесным обитателям — тунгусским племенам приходилось вести борьбу с кочевниками-монголами, проникавшими со своими ордами в бассейн Уссури.

Мы снова вышли на реку Бикин, течение которой здесь было еще сильнее. Сегодня нам пришлось преодолеть несколько небольших перекатов. У одного из них возвышалась сопка Бахалаза с обрывистыми, нависающими над рекой скалами. По каменистым утесам лепилась своеобразная растительность: здесь были папоротники многоножки, к продуктам распада скал жались шарообразные котиледоны, цвели очиток живучий и кра-соднев Миддендорфа с крупными венчиками.

За перекатами течение реки стало плавным. С широких плесов Бикина время от времени справа показывался хребет с высокой вершиной Ситухе, у которой хорошо были заметны все глубокие распадки. Всмотриваясь в синеющую панораму гор, у меня яркими воспоминаниями вставали пережитые там в 1943 году трудности путешествия к Ситухе. Вспомнилась ночь на этой вершине, гроза, молитва моего проводника удэгейца — старика Фуляна, который громко кричал: «Серчай не

надо, наша люди худой нету». Этот человек провел долгую жизнь в бикинской тайге и жил в селе Сяине.

По пути к Олоню я заметил, что по Бикину все чаще начинает встречаться вывал береговых деревьев. Всё это — следы долгой эрозионной деятельности реки, проявляющейся как в постепенной, из года в год, так и в более быстрой работе воды в периоды наводнений. В самом нижнем течении Бикина заломы плавникового леса, завалы деревьев по протокам и одиночно раскинутые по косам и отмелям деревья-вывалы наблюдаются довольно редко. В настоящее время мое внимание привлекали последние деревья. Они могут быть разделены на три группы. К первой относятся те из них, которые недавно лишь упали в воду и не потеряли еще корневых связей с прежними местами произрастания. Они обыкновенно продолжают расти. Ко второй группе принадлежат деревья, которые подмыты водой раньше и которые последним наводнением были отторгнуты от берега и перенесены куда-нибудь на косу или отмель.

Чаще всего такие деревья были уже мертвыми. Большая вода разнесла их по реке в разных направлениях, обнажила корневую систему, и в связи с этим усохли их кроны. Только в известных случаях некоторые из деревьев этой группы попадали в более благоприятные условия, переносились водой и, застряв где-либо на отмели, еще могли расти непродолжительное время.

Наконец, третью группу водовальных плавающих деревьев образуют те лесины, которые перенесли уже не одно наводнение и вследствие этого от их кроны почти ничего не осталось, а от корней сохранились лишь стержень да боковые толстые лапы.

Надо сказать, что все приведенные группы водовальных деревьев по своему происхождению представляют один тип. Только в зависимости от породы дерева и под воздействием воды они дают лишь фазы постепенного разрушения. Интересно отметить, что плавающие водовальные деревья переносят с собой не только их обитателей — различных беспозвоночных животных (насекомых, червей, улиток), но захватывают иногда змей и млекопитающих. Какова фауна этих плавающих островов и какова ее дальнейшая судьба, я расскажу ниже.

Вблизи Олоня я заметил, что к берегам реки все чаще стали подходить кедрово-широколиственные леса, к которым обычно примешиваются сибирская ель, а иногда и белокорая пихта. Аянская ель, как более горное дерево, пока еще не встречалась в этих кедровниках. Из широколиственных пород здесь были представлены почти все разнообразные виды южных районов уссурийской тайги: клены моно и зеленокорый, калины Саржента и буреинская, жимолости Рупрехта и Маака, бересклеты малоцветковый и крылатый, а из лиан — виноград, лимонник и актинидия коломикта. Я не говорю уже о высокоствольных деревьях — ильме белокором, липах маньчжурской и ребристой или желтой березе, которые являются постоянной принадлежностью смешанного уссурийского леса.

Во всем разнообразии предстала теперь перед нами и уссурийская фауна этих лесов. Непродолжительная экскурсия позволила нам собрать здесь многие виды короедов, повреждающих кедр, ильм, клены и маньчжурскую лещину. Особенно разнообразны из бабочек были нимфалиды из родов ленточниц, пеструшек и радужниц. Всё это говорило о том, что период летнего расцвета энтомофауны тайги уже начинался.

Около самого берега я увидел какие-то накопы в виде двух холмиков. По рассказам наших батчиков, накопы были сделаны выдрой.

Сегодня я наблюдал куликов перевозчиков, гнездящихся у берегов Бикина. Вид этот откладывает семь-восемь пестрых яиц цвета окружающей гальки в углубление между мелкими камешками.

Чем ближе к Олоню, тем всё чаще и чаще встречались нам выводки крохалей и кряковых уток. Километрах в двадцати от селения потянулись тенистые чозениевые леса, в которых иногда слышались крики иволги. Эта птица, обычная в низовьях Бикина, здесь становится сравнительно редкой. Близ Олоня начал встречаться ленок, а по рассказам батчиков должен попадаться и хариус. Сом, обитатель более спокойных и теплых вод, не доходит до Олоня, а сазан оказывается очень редким.

Сегодня ночью мы с Кононовым услышали у протоки странные звуки, напоминающие свист коршуна. По сло-

вам наших батчиков удэгейцев, они относились к крикам птенцов рыбного филина, которых он учит ловить рыбу. Нам очень хотелось понаблюдать за этим интересным видом пернатых. Несколько раз мы тихо подкрадывались, подолгу таились в укрытиях, но птицы, очевидно, чувствовали наше присутствие и незаметно улетали все дальше по протоке. Разочарованные, мы поздно ночью вернулись в лагерь.

Утром 2 июля погода продолжала оставаться хорошей и позволила нам быстро продолжать путешествие. Это было особенно важно для нас, так как мы хотели во что бы то ни стало попасть на гольцы в двадцатых числах июля. В это время на них наблюдается полный расцвет природы. Ехать нам предстояло еще долго. Условия плавания по Бикину выше Сяина нам были плохо известны.

Олонь приближался. У берегов начали попадаться ловушки для рыб. Они были похожи на «морды», но только с отводами и загородками из сети.

Местные жители в Олоне встретили нас хорошо, долго беседовали с нами по самым различным вопросам, интересовались нашей работой. Узнав, что у нас есть фотоаппарат, они приходили к нам с семьями фотографироваться.

Население Олоня — пример огромного сдвига в преобразовании быта и хозяйства удэгейского народа за годы советской власти. Значительные изменения произошли в культурной жизни удэгейцев. Все семьи живут в добротных деревянных домах, в которых имеются плиты для варки пищи. Спят на койках. Книги и газеты я встретил не только у председателя сельсовета, учителя и начальника почты, но и у многих рядовых колхозников. В поселке есть хорошая школа, в которой, как мне говорил учитель, обучаются все удэгейские дети школьного возраста. Жители Олоня ведут коллективное хозяйство, имеют коров и огороды. Большинство работает на подсобном хозяйстве местной охотничьей артели, объединяющей как жителей Олоня, так и соседнего поселка Сяин. Весной и летом артель занимается овощным хозяйством и животноводством. Зимой основная часть мужского населения уходит на охоту в тайгу.

Нам недолго довелось пробыть в Олоне. В тот же день, хотя и поздно, мы выехали по направлению к Сяину, но, не достигнув его, заночевали на большой косе, имеющей много илистых, низких берегов. Фауна здешних мест довольно богата и в той или иной степени связана с рекой. На свежих береговых отложениях хорошо были заметны следы черного медведя, барсука, колонка, изюбря, маньчжурского зайца и даже белки, а присутствие птиц всюду отмечалось отпечатками лап серой цапли и черного аиста, различных уток и куликов.

Ранним утром я провел наблюдения за мелкими животными, обитающими на косах близ воды. Прежде всего, я нашел мелких жужелиц — тинников, бембидий и небрий. Ловить их было довольно трудно, так как они, показавшись на гальке, моментально скрывались между камнями. Спасаясь, некоторые виды бембидий бросались в воду, по которой они могли продолжительное время плавать, а затем снимались и улетали. То же самое делали и береговые пауки, из которых один вид, оставаясь на поверхности воды пассивным, относится течением реки и тем самым спасается от преследования. Другой же вид, уходя в воду, отлично бежит по ее поверхности, как это делают клопы водомеры.

Сегодня недалеко от Сяина мы заметили табун крохалей, в котором на одного старика-вожака приходилось свыше сорока птенцов-пуховичков. По наблюдению удгейцев, крохали очень дружные и общительные птицы. Нескольким самок их могут откладывать яйца в одно гнездо. Насиживает же яйца обыкновенно какая-либо одна птица. Но бывает и так, что выводок оказывается с двумя вожаками. Иногда случается, что один выводок теряет мать, и тогда оставшиеся сироты-птенцы принимаются в табун другой матери.

Сегодня же мне удалось провести интересные наблюдения.

Я уже неоднократно убеждался, как много интересного можно подметить в жизни леса, когда оказываешься наедине с природой, и особенно в том случае, когда наблюдения ведутся часами из какого-нибудь убежища или когда, открыто затаившись, подолгу всматриваешься в окружающий мир животных.

Во время энтомологической экскурсии мне довелось быть свидетелем нескольких интересных явлений. Проходя берегом горного ручья, текущего в Бикин, я увидел огромное свежее-водопадное (подмытое водой) дерево кедра. Оно перекинулось мостом через довольно широкий ручей и далеко протянулось на другой берег. Для энтомолога такие деревья представляют большой интерес потому, что на них, как на приманку, слетаются различные виды насекомых — дровосеки, златки, короеды, — повреждающие хвойные деревья.

Я стал осматривать упавший кедр, собрал ряд вредителей, но вскоре заметил, что многие насекомые, бегавшие до того по коре дерева, исчезли. Вспугнутые моим присутствием, одни из них, как бронзовая хвойная златка, пятнистый и черный дровосеки, попадали на землю, а другие, как серый дровосек и дровосек рагий, прижались к расселинам коры, или перешли на нижнюю сторону ствола. Приостановилась даже активность короедов.

Забравшись в среднюю, самую густую часть кроны, я сел на ствол дерева и, не сходя с места, оставался в таком затаенном состоянии очень долгое время. Минут через десять — пятнадцать началось вновь оживление насекомых: довольно часто стали пробегать самки серых длинноусых дровосеков, отличающихся длинными яйцекладами. Оказывается, они пробегали в поисках отверстий, сделанных короедами, чтобы отложить в них яички. Причем в каждое отверстие, как я потом выяснил, они откладывали лишь по одному яичку. У других дровосеков я наблюдал здесь же откладку яичек в «насечки», т. е. в специально сделанные самкой прогрызы на поверхности коры.

Несколько позднее начали подлетать к стволу кедра более мелкие дровосеки — короткокрылый и фиолетовый. Привлекаемые смоляным запахом, они летели беспрерывно. Обильный их лёт привлек, в свою очередь, хищных мух — ктырей. Последние схватывали цепкими лапками летящих дровосеков, садились здесь же на ветки кедра и умерщвляли жертвы. Ктыри отдавали предпочтение вяло летающим короткокрылым дровосекам. Если только вокруг меня эти соколы из мира членистоногих наблюдались довольно часто, то можно предста-

вить, сколько их в целом в тайге ведет ежечасно свою охоту за вредными лесными насекомыми.

Еще больше мое внимание привлекла жизнь шестизубого короеда — этого опаснейшего вредителя кедра. Повреждения его виднелись всюду по стволу дерева, их легко было заметить по небольшим холмикам буровой муки, которую короеды выбрасывают из своих ходов наружу через специально сделанные для этого отверстия. Жуки шестизубого короеда не только работали под корою, но и часто пробегали по стволу. За ними охотились сравнительно крупные хищные жуки — щитовидки. Часто можно было наблюдать, как они схватывали короедов и, удерживая их передними лапками, начинали постепенно разрывать на части. Остатки съеденных короедов — лапки и кусочки надкрылий — не пропадали, а тотчас же подхватывались снующими всюду по стволу муравьями.

Мои наблюдения за короедами прервались пробегающей по стволу белкой, которая на расстоянии не больше метра от меня остановилась, схватила большого черного дровосека и начала разделяться с ним так же, как она поступает с кедровой шишкой. Наблюдая за белкой, я неожиданно услышал всплеск воды; посмотрев вниз по ключу, откуда доносились эти звуки, я увидел что барсук зашел в ручей, выпил несколько глотков воды, а потом спокойно переплыл ручей, который слегка сбивал его течением. Выбравшись на берег, он отряхнулся и вскоре исчез в чаще леса.

Продолжая свои наблюдения за насекомыми, я подметил еще одно интересное явление. У лётных отверстий ходов шестизубого короеда в большом количестве держались мелкие жучки — короткокрылы или стафилиниды. Время от времени к ходам подлетали и более крупные желтые с черными пятнышками жуки блестянки и клопики литокорисы. Те и другие, не обращая внимания на армию многочисленных стафилинид, быстро ныряли в ходы короедов и оставались там продолжительное время или же вовсе не показывались. Уже позднее, заканчивая свои наблюдения, я вскрыл ходы шестизубого короеда и нашел в них как в массе бегающих мелких короткокрылов, так и блестянок и клопиков литокорисов.

В связи с пребыванием в ходах всех названных гостей оказалось, что отложенные кородами яички, а иногда и вылупившиеся маленькие их личинки, были уничтожены более чем на 50 процентов. Несомненно, все указанные посетители ходов шестизубого кородея являются его активными хищниками и незримыми друзьями человека в борьбе за сохранение леса.

Третьего июля, в полдень мы подошли к поселку Сяин, где жители-удэгейцы были к нам не менее внимательны, чем население в Олоне. Поселок Сяин еще более обширный, чем Олонь. Здесь имеются школа-семилетка, сельсовет и контора охотпромысловой артели. В Сяине мы простояли только сутки и за это время хорошо познакомились почти со всеми жителями. Д. Г. Кононову пришлось в Сяине пустить в расход не одну пленку «ФЭДа», чтобы удовлетворить желания большинства жителей поселка.

Сяин в настоящее время — это уже не то, что было даже десять лет назад. Развитие овощеводства и животноводства стало теперь неслучайным среди удэгейского населения. Это, конечно, ни в какой степени не ограничивает и занятия охотой, которой многие жители уделяют не меньше времени, чем раньше. Более того, принципы коллективизма в занятии охотой дали населению большие возможности реализовать продукты на более справедливых началах и получать различные предметы питания и промтовары.

Широко внедряется и культура среди удэгейского населения Сяина. Вся молодежь стремится к образованию. Многие, окончив семилетку в своем поселке, едут продолжать образование в различные города Приморья. Сейчас здесь широко распространена и физкультура. Как в Сяине, так и в Олоне я видел содержащиеся в хорошем состоянии и постоянно работающие волейбольные и футбольные площадки. Во время нашего пребывания все время шли разговоры о предполагающихся в ближайшие дни футбольных соревнованиях между командами Сяина и Олоня. Двое из взрослого населения Сяина окончили в Ленинграде Институт народов Севера. Многие мужчины Сяина в период Великой Отечественной войны участвовали в борьбе с немецким

фашизмом и получили за боевые отличия ордена и медали. Сяин — это культурный центр бикинских удэгейцев. Большой этап в переделке всего быта и экономики этого обреченного в дореволюционное время на вымирание народа уже пройден. Теперь открываются перед ним новые, еще более широкие перспективы повышения культуры и дальнейшего прогресса.

Сегодня я навестил Фуляна — моего старого проводника. Он состарился, но, живя у своего племянника, помогает ему вести домашние работы. Жаловался на плохое зрение, которое мешает ходить далеко в тайгу и рыбачить. Вспомнили мы наш поход по ключу Мангубяса-ни к сопке Ситухе, подъем на нее, ночёвки в тайге. Все детали похода он отлично помнил, и по его ответам я понял, что он скучает по тайге.

В Сяине все обслуживавшие до сего времени нас батчики должны были выполнять какие-то работы по артели. Как ни жаль было расставаться с ними, но пришлось согласиться с тем, что нам дадут не менее хорошую смену. Действительно, благодаря любезности председателя местного сельсовета М. Канчуги и председателя охотпромысловой артели Мунова мы получили уже сегодня четырех хороших батчиков и, кроме того, нам обещали выделить еще проводника, бывшего солдата и орденосца Сатима Геонку, которого сейчас на селе не было. Он уехал вверх по Бикину, но на днях должен вернуться и догнать нас на оморочке.

В состав наших батчиков теперь вошли Егор Пионка и его сын Надига, Дмитрий Канчуга и из русских — Володя Ульянов, сын местного лесообъездчика. Егору Пионка было более шестидесяти лет, но он отличался крепким здоровьем и хорошо водил баты. Остальные трое были молоды. Но, несмотря на это, все они, и особенно Дмитрий Канчуга и Володя Ульянов, отличались ловкостью при хождении на бате, были хорошими охотниками и умели ловить рыбу. С детства живя на Бикине, они уже давно научились этому искусству у своих стариков. Все наши батчики отличались исполнительностью, трудолюбием и любили жизнь среди природы.

Глава VII

От Сяина до реки Тунгуз

После обеда мы покинули гостеприимный Сяин.

Недалеко от устья притока Бикина — речки Модигу было заметно, что к самому берегу подходит обширная марь со сфагновым мхом, поросшая клюквой и голубицей. Из деревьев на мари сохранились редкие карликовые лиственницы, которые чаще всего имели сухие вершины. Как показали наши исследования, эти деревья были заселены двумя видами короедов: лиственничным заболонником, живущим на более пологих частях стволов, и крифалом лиственничным, развивающимся на тонких веточках. Большой интерес представляла фауна бабочек этой мари, которые биологически были связаны с растениями, приуроченными только к данным местам обитания. К таковым, например, относились: сибирская голубянка и пяденицы ариханна и тимандра, гусеницы которых питаются листьями голубицы.

Интересно отметить, что обследованная нами марь была сухая и у берега Бикина от нее отваливались большие куски сфагновых подушек торфа. По всей вероятности, эта марь раньше отстояла далеко от берега, но впоследствии река, размыв приустьевую часть долины, подошла к краю мари и продолжала свою разрушительную работу. В результате этого произошло естественное дренирование мари — ее осушение, а затем постепенное разрушение. Очевидно, уже давно пласты сфагнового торфа мари сползают здесь по крутым берегам реки и подхватываются течением. Ниже по Бикину на

галечниковых косах я еще раньше видел принесенные рекой большие окатанные куски торфа. Происхождение их для меня теперь стало вполне ясным.

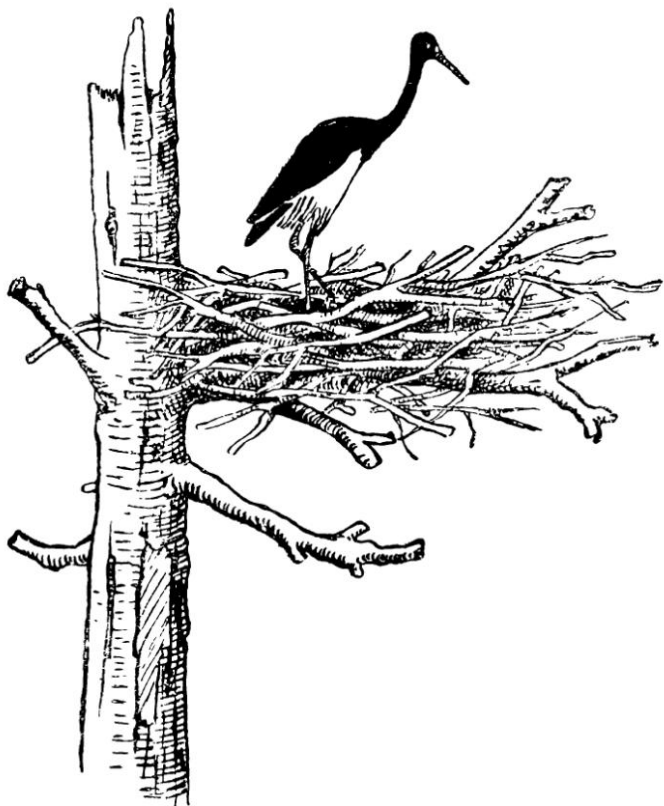
От сухой мари вверх по Бикину мы проехали не более десяти километров, миновали устье речки Дантигу и подошли к высокой сопке Тахало. У подножия ее справа в Бикин впадает река того же названия. Приток имеет до 60 километров длины. Склоны сопки Тахало покрыты хорошими кедрово-широколиственными лесами, в которых мы произвели непродолжительные энтомологические исследования. Между прочим, среди других обычных видов бабочек были найдены южные и редкие в этих лесах пяденица крестофия и агаристиды цалисса. Последняя является представителем тропического семейства чешуекрылых, из которых в Приморском крае встречаются только два вида и оба на крайнем юге. Пяденица же крестофия на юге развивается за счет крупноплодной актинидии аргуты; здесь же из лиан этого рода осталась более северная — актинидия коломикта, на которой, видимо, и живет ее гусеница. Из интересных растений на сопке Тахало, как говорил наш батчик Егор Пионка, растет и корень женьшень. Раньше его здесь собирали в большом количестве.

Ночёвку сегодня мы организовали чуть ниже сопки Тахало, на просторной сухой косе. Вечером, воспользовавшись темнотой, сделали первую попытку охоты на рыбу с острогой. По тихим протокам и глухим заводям плавали до 12 часов ночи и закололи шесть больших ленков, одного хариуса и трех чебаков. Мои спутники считали эту охоту малоудачной.

5 июля с самого раннего утра погода начала портиться. В 8—10 километрах от места ночлега нас застал дождь. Пришлось на первой же косе остановиться и ждать улучшения погоды. Вблизи нашего лагеря, ниже по Бикину, поднималась гора Вамбаза, около которой мы проехали утром, а впереди виднелась гора Богодынга. Ее вершину начали застилать облака.

За Сяином стало заметно сужение русла реки. Бикин здесь образует меньше проток, и к берегам его все чаще и чаще подходят горы. В приречных лесах исчезла иволга. Вместо белого аиста, все чаще стал попадаться

черный, не было слышно голоса обыкновенной кукушки, зато повсюду встречалась глухая кукушка, а в горных кедрово-широколиственных лесах — и ширококрылая кукушка. По Бикину и его притокам обитали часто выводки крохалей. На марях гнездились журавли и крупные кулики — большие кроншнепы.

Черный аист у гнезда.

Вечером и ночью погода продолжала оставаться ненастной. Мелкий дождь время от времени прекращался, и тогда густой туман застилал окружающие горы, лес и острова на реке. Теплая, перенасыщенная влагой атмо-

сфера способствовала большой активности многочисленных комаров и мокреца. Тяжелая была эта ночь. Неизвестно какими путями проникали полчища этих паразитов к нам в палатку, которая имела брезентовое дно и плотно закрывалась у входа. Никто из нас не мог уснуть хотя бы на минуту. Только к 11 часам следующего дня погода улучшилась. Поредели облака. Можно было ждать появления солнышка. Вскоре мы начали собираться в дальнейший путь.

Слева у реки, близ впадения в нее речки Амбы, располагается ряд небольших сопок, известных под названием Бейчинзе, а с правой стороны поднимается сопка Джеждой. По пути нашего следования мы посетили горы на обоих берегах Бикина. Я впервые заметил здесь появление аянской ели, которая вместе с другими породами уссурийской тайги росла в кедрово-широколиственных лесах. В условиях северных распадков наблюдалось, что аянская ель вместе с белокорой пихтой выступали доминирующими породами в насаждении. В то же время в таких лесах кедр встречался довольно редко и обыкновенно огромных размеров. Подроста не было, в то время как ель и пихта в подлеске давали богатое возобновление. Кроме того, в этих лесах часто попадались вывал и сухостой перестойных деревьев кедра. Смешанная уссурийская тайга в этих частях долины Бикина хотя и оставалась богатой растительной формацией, но все больше и больше ее теснили хвойные древесные породы.

По пути в горы мы вели также наблюдения над животными и растительностью долинных широколиственных лесов и ивняка. Большой интерес представляла смена древесных зарослей на косах, возникших в различное время. На только что вышедших из-под воды отложениях развивались густые щетки ивняка первого возраста. Он имел свою характерную фауну. Из насекомых в этих зарослях живут листогрызы блошаки, слоник зеленушка и древесная кобылка. Кроме того, на песчаной почве в этих ивовых зарослях ютятся несколько видов мелких жуужелиц, муравьи и некоторые другие насекомые. Пройдут годы, и если за это время не произойдет размыва косы и уничтожения ивовых зарослей со всеми их животными обитателями, то ивняк окрепнет,

превратится в молодые деревца, для которых наводнения будут уже не так страшны. Вода, затопляя заросли, не сможет оказать разрушительного действия на почву, связанную довольно прочно корнями. О том, что заросли благополучно переносят наводнение, говорят оставленные на деревцах «завитки» из различного лесного мусора, переносимого водой и задерживающегося на стволиках поросли.

По мере развития ивовых зарослей, в них обогащается и состав животного мира. На листьях развиваются не только гусеницы мелких бабочек, как макарна и эпионе, но и более крупных видов, как, например, слепятого бражника. Из жуков же встречаются тополевыи скрытохоботник, повреждающий стволы ив, и ольховый листогрыз. По мере развития ивовых зарослей в настоящие тальниковые леса, происходит постепенно и смена животного населения.

В целом формирование ивовых лесов от их начальной стадии (молодой высыпки мелких прутьев на недавно возникшей косе) и до зрелого ценоза все время находится под воздействием реки и, прежде всего, такого сильного ее фактора, как наводнения. Потому все приспособления у растений и у животных, образующих ценозы ивняка, резко отражают влияние той среды, в которой протекает его развитие. В качестве примеров таких адаптаций* можно привести хотя бы следующие: большая гибкость стволков ив, противодействующих напору вод; кучное, а не одиночное или рассеянное заселение ивами свободных молодых кос, в значительной степени обеспечивающее сохранение зарослей от разрушительного действия воды; способность животных, обитающих в ивняке, хорошо плавать или, в периоды наводнений, прочно удерживаться на верхних, незатопляемых ветках, и так далее.

В эту же экскурсию я мог наблюдать различные переходы от чистого ивняка до богатых различными листовыми породами умеренных лесов. На всех долинных лесах, подвергающихся в той или иной степени затоплению, лежит отпечаток их общего процесса развития.

* А д а п т а ц и я — приспособление.

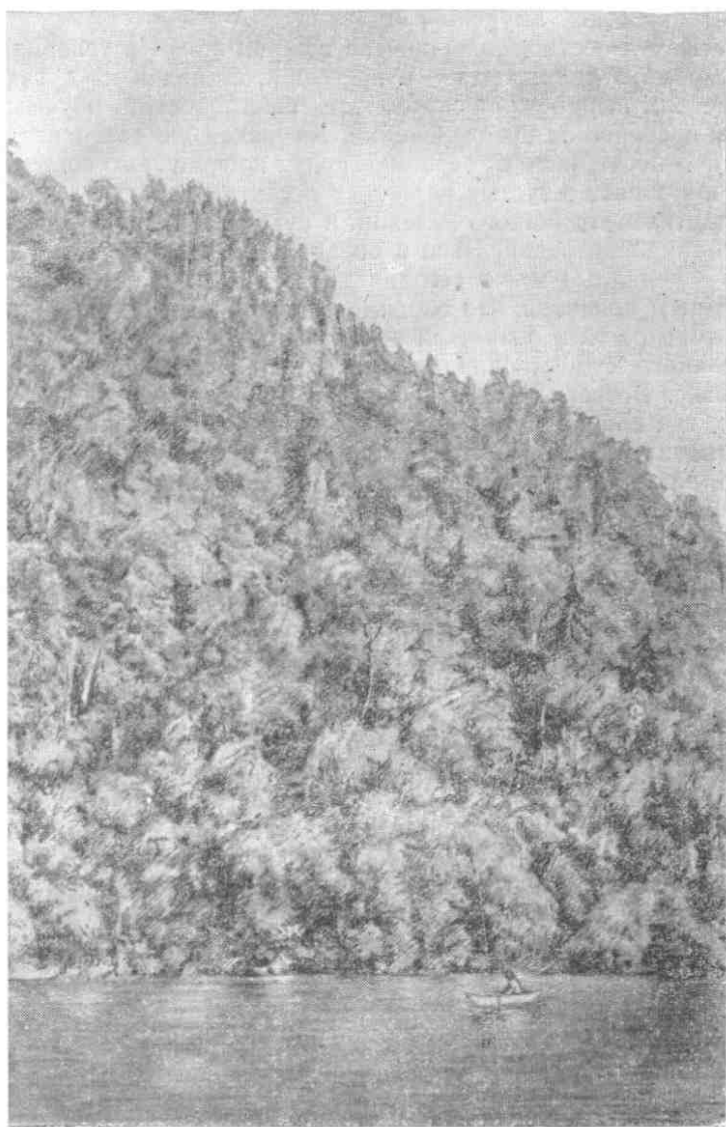
По возвращении в лагерь я заметил, что Егор Пионка и его сын Надига с большим интересом наблюдали как ловятся сачками насекомые. Они даже проявили желание помочь нам в этом. При чем Надига вместе со мною очень ловко вылавливал у берега Бикина клопов из семейства кориксид. Егор же, вооружившись сачком, очень внимательно, хотя и несколько комично, бегал, гоняясь за быстро летающими пестрыми радужницами. Поймав бабочку, он с радостной улыбкой подносил мне или Кононову сачок с добычей.

Пройдя по Бикину в этот день еще километров десять, мы на ночь остановились недалеко от устья реки Амбы, впадающей в Бикин справа. Здесь же, на другом берегу, перед нами поднималась сопка Сифантай. На речной косе мы встретили двух охотников из Сяина — Зинзая Пионку и Сатима Геонку. Последнего хорошо знал К. Г. Абрамов. В прошлые годы он ходил с ним на реку Аргу. Его нам рекомендовали в проводники на гольцы Лаобейлазы, или Коенини. Мы долго говорили с Сатимой Геонкой, и я понял, что он хорошо знает тайгу. Я передал ему всё, о чем договорился в отношении его в Сяине. Он охотно согласился сопровождать нас на гольцы, но условился со мной, что ему нужно побывать в Сяине и сделать там все необходимое; через несколько дней он обещал догнать нас на оморочке у реки Гангату.

На другой день рано утром охотники направились в Сяин. С ними я послал председателю удэгейской охотпромысловой артели письмо, в котором еще раз убедительно просил его выделить для экспедиции проводника Сатима Геонку.

7 июля утром мы решили сделать небольшую экскурсию вверх по реке Амба. Недалеко от устья нам встретились обширные площади кедрово-еловых лесов. Вверх по Амбе на бате проезжать довольно трудно. На оморочке же можно было пробраться еще километров восемь—десять. Речка эта, видимо, была очень богата самой разнообразной рыбой. Нам часто встречались ленки, которые уплывали в сторону от бата. Некоторые из них стали нашей добычей.

Возвращаясь назад, близ устья реки Амбы мне

Горные кедрово-широколиственные леса в среднем течении Бикина.

удалось сделать интересные наблюдения за ящерицей — долгохвосткой амурской.

Как известно, большинство ящериц живет в условиях открытого ландшафта — в пустынях, степях и на лугах, где они выработали способность быстро бегать по земле, спасаясь от преследований. Амурская же долгохвостка, относящаяся к особому роду ящериц юго-востока Азии, живет в густых долинных лесах. Обитая на лесной подстилке, где много валежин и сухого отпада деревьев, ей трудно передвигаться с большой быстротой.

Сделанные мною сегодня наблюдения за этим животным показали, что оно имеет своеобразные привычки, которые могли развиться только при условии продолжительного существования данного вида в лесной обстановке. Встретив долгохвостку на широкой лесной поляне, где она не могла найти убежища, чтобы скрыться, я заметил, что она быстро забралась по стволу небольшого, растущего здесь же ильма. Вблизи вершины деревца долгохвостка перешла на тонкие ветки и тотчас же прекратила все движения. При этом она удерживалась на ветке не только при помощи своих лапок, но и прочно, в несколько оборотов, охватила ветку хвостом. Опираясь на последний, она вытянула вверх все свое туловище и высматривала: не преследует ли кто ее.

Понаблюдав некоторое время, я слегка побеспокоил ее тонким прутиком и потряс деревцо. Определив опасность, она сделала почти неуловимый для глаза прыжок и снова застыла в прежней позе на тонкой, расположенной ниже ветке. Зеленовато-серая окраска ящерицы, сливавшаяся с общим фоном листвы и веток, заставила меня долго искать ее. Мне хотелось довести наблюдения до конца. Еще несколько раз я тревожил ящерицу, и она делала точно такие же прыжки и позы, как и в первый раз, постепенно перемещаясь вниз по стволу дерева. При этом ее поразительно точные, как будто заранее рассчитанные прыжки, всегда позволяли моментально принимать позу и прочно удерживаться на ветках при помощи хвоста.

Наконец, обеспокоенная мною и на нижних ветках, долгохвостка, убедившись, что на этот раз ей не помогут повадки древесного образа жизни, сделала прыжок

на землю и, спасаясь от преследования, начала проявлять уже другие, наземные привычки.

У скал Сифантая наши батчики подвезли нас к каменистому уступу. На нем еще до настоящего времени сохранилась маленькая кумирня, построенная, очевидно, в годы пребывания в крае китайцев-буддистов.

Вверх по Бикину, от реки Амбы и до реки Метакхезы, течение было быстрым, часто на пути встречались перекаты. Заломы, перегораживающие реку, являлись также немалым препятствием. Поэтому мы направились в обход по протоке Окзано. Нам много пришлось потратить времени, чтобы выбраться из этой протоки. Несколько раз приходилось делать проход для батов, а два раза, разгрузив вещи, перетаскивать баты. Недаром удэгейцы и дали название этой протоке «Окзано», что значит Чертова. Выше по Бикину мы прошли еще вторую, более короткую протоку и миновали устье речки Ульми. Здесь нас неожиданно захватил такой проливной дождь, что в несколько минут вымочил до нитки.

Как в этот день, так и раньше на берегу нам часто встречались палатки. Они принадлежали собирателям местной пробки. Палатки обыкновенно располагаются в широколиственных долинных лесах, богатых пробковым деревом — амурским бархатом. Собранная пробковая кора укладывается штабелями недалеко от палатки. Поэтому «кородеры», как называл их Володя, устраивают свой табор не на косах, откуда кору и палатки всегда может легко унести водой, а рядом с местом заготовок.

Я вспомнил как начиналось на Дальнем Востоке в самых незначительных масштабах развитие этого промысла и увидел теперь как за короткий срок это предприятие получило столь широкое развитие.

Меня интересовало, как реагируют деревья амурского бархата на снятие с них коры. После краткого осмотра я установил, что кора снимается правильно, дереву не причиняется вреда. Несколько деревьев со снятым пробковым слоем продолжали хорошо расти, и на их стволах начинал нарастать новый слой пробки.

Как ниже по Бикину, так и между реками Амба и Метакхеза мне пришлось наблюдать много крупных, вывороченных у берегов деревьев различных пород, зане-

сенных во время наводнений на отмели. Одни из них, очевидно, долго плавшие по реке, уже не имели у корней почвы, а сами корни выступали над водой в виде сухих остовов. Другие же, не испытывавшие больших встрясок при плавании, или же перенесенные водой лишь на небольшие расстояния, сохранили прикорневые участки почвы с бывшими на них растениями. Несомненно, что большинство прикорневых растений на таких временно осевших на отмелях водовальных деревьях попало сюда вместе с деревом, которое при падении в воду захватило вместе с корнями и обитающие у его подножья растения.

Меня заинтересовали эти плавающие водовальные деревья с сохранившимися на них живыми растениями. Я полагал, что на них должны быть и некоторые мелкие животные, которые или остались с тех пор как дерево было подмыто и подхвачено течением воды, или же попали сюда позднее в виде «переселенцев» из окружающих стаций. Мне довелось обследовать большое число плавающих водовальных деревьев в различное время их образования, и я установил, что они несут с собой своеобразный мирок жизни. В первые моменты существования плавающих водовальных деревьев, что бывает в периоды наводнений, на них могут попасть из животных даже такие виды позвоночных животных, как бурундуки, землеройки, полевки, змеи и ящерицы. Из насекомых, обитающих на почве, на водовальные деревья обычно попадают крупные жужелицы карабусы, более мелкие береговые жужелицы из родов небрия и бембидия, муравьи и различные более мелкие бескрылые насекомые и пауки, встречающиеся часто на небольшом участке лесной почвы. Кроме того, водовальное дерево захватывает с собой и огромное число насекомых и других беспозвоночных, живущих на стволе в расселинах коры и среди лишайников, а также много листогрызущих насекомых. Конечно, нельзя понимать, что все названные животные обязательно будут встречены на одном и том же дереве. Обычно позвоночные попадают редко и всегда одиночными особями. Насекомых же и других беспозвоночных на свежеводовальных деревьях, как правило, всегда можно встретить в достаточном количестве,

но по видовому составу они также могут отличаться. Это относится, прежде всего, к группе листогрызущих насекомых, когда мы будем их сравнивать, собирая на различных породах водовальных деревьев. И вот весь этот комплекс лесных обитателей, подхваченный водой вместе с водовальным деревом, несется быстрым течением реки. На перекатах многие из животных могут быть смыты водой и погибнуть. Некоторые из них, оторванные от привычных условий, могут легко оказаться добычей хищников и насекомоядных птиц. Наконец, большое число видов, будучи невольными переселенцами, просто не вынесет новых, резко изменившихся для них условий существования и начнет вымирать.

Пройдет несколько дней, прекратится наводнение, начнет спадать вода в реке. В связи с этим и плавающие ранее водовальные деревья, вместе с сохранившимися на них животными и растениями, задержатся на отмелях, косах или забьются в протоки и образуют непроходимые для лодок заломы или торосы. Часто большие скопления как более мелкого плавникового леса, так и огромных водовальных деревьев образуются у берегов рек на косах и на заливаемых островах.

Что же произойдет с теми животными, которые остались на водовальных плавающих деревьях после наводнения? Наши исследования показали, что позвоночные — зайцы, змеи, белки, бурундуки, землеройки и полевки — обыкновенно покидают такие водовальные деревья, безразлично, где бы последние ни остановились: у берега ли реки или на отмели, окруженной со всех сторон водой, и нередко на большом расстоянии от берега. Нам приходилось наблюдать, как спустя несколько дней после наводнения названные животные чаще всего пускались вплавь в поисках берегов, и только некоторые из них еще продолжали задерживаться до какого-то более благоприятного момента для того, чтобы затем перейти все же на берег.

Про некоторых животных (например, змей, белок, бурундуков) можно сказать, что они хотя и могут плавать, но, видимо, никогда не пускаются в плавание для того, чтобы выбраться к берегу. Боязнь быстрой воды, могущей потопить животных, заставляет, очевидно, их

держаться на плавающих водовальных деревьях до прекращения наводнения. Что же касается беспозвоночных «путешественников», то их судьба складывается несколько по-иному. Основная масса листогрызущих насекомых и насекомых, живущих на стволах деревьев, бывает уничтожена водой, так как ветви с листьями и кора (их важнейшие местообитания) подвергаются почти полному разрушению. Только случайно могут сохраниться отдельные их особи, например, личинки усачей или златок, под участками коры или гусеницы бабочек, живущие внутри веточек (вредливая древесница, вершинная огневка кедра).

Из обитателей почвы и лесной подстилки также остаются в живых лишь немногие виды. Если в корневой системе водовального плавающего дерева сохранятся, благодаря прочной дернине травянистой растительности, участки почвенного слоя, то в них можно после наводнения обнаружить муравьев, многоножек, некоторых бескрылых насекомых, а из жуков — бембидий и небрий. Впрочем, последние летают и могли заселить «остров» вторично. Вообще же степень сохранности числа видов и количество их особей на водовальных деревьях, представляющих своего рода острова, зависят от того, насколько сильно каждое из таких деревьев испытало действие воды. Если плавающее дерево во время передвижения лишится полностью коры и кроны, а от корней останутся лишь отдельные, торчащие остовы, без следа почвы, то оно окажется совершенно безжизненным «островом». Если же в силу ряда благоприятных условий осевшее на отмели водовальное дерево будет иметь хорошо сохранившиеся корни с остатками запавшей между ними лесной почвы, а также уцелевшие части кроны и кору, то на таком дереве-«острове» можно будет найти достаточно много живых организмов, перенесших наводнение. Между этими крайними деревьями можно найти и все переходные степени сохранности на них после наводнения обитателей животных и растений. Очень интересна дальнейшая судьба обитателей этих водовальных деревьев, ставших теперь более или менее постоянными «островами». Большинство из них постепенно теряет свои компоненты и превращается в без-

жизненные. Только разве находят на них временную остановку пролетающие птицы и насекомые. Некоторые же из этих «островов», представляющие огромные корчи отмирающих в воде деревьев, еще долго остаются обитаемыми некоторыми животными и растениями. При этом на них чаще всего поселяются новые пришельцы, среди которых оказываются не только мелкие насекомые (короеды, усачи, жужелицы и другие), но и некоторые береговые птицы. Особенно памятен был один из таких «островов» близ реки Метакезы, образованный гигантским водовальным тополем. На нем развивалась растительность, и кроме довольно разнообразной фауны насекомых, я нашел на высоко поднимающихся корнях гнездящуюся парочку горных трясогузок. Как долго будет существовать этот «автономный» уголок жизни — покажет новое наводнение.

Все только что сказанное о водовальных деревьях на Бикине является лишь очень кратким изложением тех явлений из жизни животного мира нашего края, которые таят в себе еще очень много неразгаданного и которые еще долго будут привлекать к себе исследователей-натуралистов.

Возле устья речки Метакезы, правого притока Бикина, мы несколько раз замечали зайцев, выбегающих на полянки ивняковых зарослей. Как и в других частях Приморья, эта стадия для них является летом постоянной. Уже близко к вечеру, когда наши баты причалили к берегу для ночлега, с ближайших горных склонов я услышал, уже не в первый раз, голос ширококрылой кукушки. Этот голос, как известно орнитологам, совершенно не похож на другие голоса уссурийских кукушек. Его можно было бы передать звуками «живичии». Этот вид кукушки является южным и распространен еще в Китае и в Индии. В Приморском крае эта кукушка живет на Бикине в горных смешанных лесах и чаще всего держится по многочисленным распадкам, там, где густая растительность.

Интересно отметить то, что когда едешь по Бикину в окружении лишь долинных лиственных или даже смешанных лесов, никогда не слышишь криков этой кукушки. В том же случае, когда подъезжаешь к крутым

или скальным берегам Бикина, на которых развиваются обыкновенно горные, кедрово-широколиственные леса, то тотчас же кто-нибудь из нас обязательно улавливает знакомый теперь нам голос. Птица эта очень скрытная. Сегодня ни я, ни Шибнев как ни старались, ориентируясь на крики, подойти к кукушке, ее увидеть не могли.

На следующее утро недалеко от устья Метакезы я посетил заброшенные поля. На огромной территории находились в цвету иван-чай и одичавший лук, росший среди полусорной растительности. Лук стал очень мелким и напоминал своих диких сородичей. Из насекомых на бывших когда-то полях я собрал кукурузного мотылька и жука шпанку, которые известны как серьезные вредители сельского хозяйства в Приморье. Первый вредит преимущественно кукурузе. Гусеница его выедает початки и стебель. Второй — повреждает картофель. В данных условиях кукурузный мотылек развивался на сорных растениях, а жуки шпанки держались на дикой вике и почти объели ее листья.

При возвращении к лагерю мы заметили, что началось массовое цветение амурской сирени. Все долинские леса, казалось, превратились в цветущие сады. Особенно красивы были берега Бикина и его притоков. Большие кисти сирени склонялись над водой, отражались в тихих заводях и создавали картины поразительной красоты. Разве только в период цветения черемухи можно наблюдать такой чудесный ландшафт, какой создает пора цветения амурской сирени.

Для натуралистов-энтомологов цветение амурской сирени особенно знаменательно. К этому времени развитие фауны насекомых в Приморье достигает наибольшего расцвета. Вряд ли есть еще где-либо в нашей обширной стране такие уголки лесной природы, в которых биение жизни насекомых проявлялось бы в это время в столь большом разнообразии красок! Забывая об еде и отдыхе, можно теперь целыми днями бродить с сачком в руках по уссурийской тайге, охотясь за насекомыми, и все же будешь испытывать понятное для энтомолога чувство, что ты многого еще не увидел. Перебирая в памяти впечатления дня, насыщенного собы-

тиями, представляешь более ясно, как много остается еще непознанного нами в мире насекомых.

Но вот вслед за жарким днем наступает теплый вечер, а затем и душная июльская ночь. До отдыха ли в это время энтомологу? Сборы на цветах сирени и ловля на свет в течение нескольких часов могут дать сотни самых разнообразных насекомых.

Здесь, на Бикине, в эти дни расцвета жизни мира насекомых, продолжающегося до конца июля, мы с Кононовым не упускали ни одного хорошего дня и темной, благоприятной для лёта бабочек ночи, чтобы не посетить все интересные леса и не собрать в них насекомых. Сегодня вечером у ключа Катэн, где мы остановились на ночь, был очень хороший лёт бабочек на цветы сирени. Кроме различных видов совок и пядениц, мы собирали целый ряд бражников и многочисленных огневок, листоверток и других молевидных мелких бабочек. Вообще ловля бабочек на цветах, используемая недостаточно еще энтомологами, часто бывает очень продуктивной и, кроме того, помогает часто расшифровать биологию того или другого вида. Так, во многих случаях бабочки, опыляющие то или другое растение, нередко откладывают на него яички, а развившиеся позднее гусеницы питаются листьями этого растения. Например, цветы сирени обыкновенно посещают бражники Штрекера, Танкре и Янковского, гусеницы которых развиваются как на сирени, так и на ясене.

В этот день К. Г. Абрамов вместе с Егором Пионка вечером направились на оморочке выследить сохатых, провести за ними наблюдения и, если возможно, отстрелять одного из них для научных целей. Увидеть лосей им не удалось, но следы животных показывали, что даже летом они водятся в этих частях среднего течения Бикина. Ключ Катэн и пережат того же наименования расположены приблизительно против тех мест, где я со своими спутниками проходил еще в 1937 году, чтобы попасть на гольцы Коенини, но со стороны реки Хора. Я с радостью вспомнил о них и рассказал своим товарищам, насколько тяжело было прошлое путешествие.

9 июля, благополучно миновав пережат Катэна, мы тронулись выше. Погода начала ухудшаться. Весь день

дул сильный ветер. Впрочем, он принес нам и некоторое облегчение. Весь гнус, не только мелкий, но также мошка и комары, относился сильным течением воздуха. Мы сняли сетки и вздохнули свободно.

Отъехав недалеко от лагеря, Дмитрий Канчуга, стоявший на носу нашего бата, заметил плывущего через неширокий залив колонка. Мы стали наблюдать, что будет делать этот маленький хищник? Переплыв, он вышел на галечниковую косу и не торопясь пошел невядалеке от берега. Вскоре показались два куличка перевозчика и желтая трясогузка. Налетая на колонка, они хотели его ущипнуть. Атаки птичек заставили его лишь слегка ускорить движение. Заметив нас, колонок, видимо, сообразил о более серьезной опасности и пустился бежать, чтобы спрятаться между выброшенными водой большими корчами. Очень долго мы искали зверька и, наконец, обнаружили его у корней одной корчи, но добыть так и не сумели. Он ушел от нас. Надо полагать, что колонок у берегов реки отыскивает гнезда и разоряет их. В связи с этим у некоторых птиц, и прежде всего у куликов перевозчиков и трясогузок, живущих в данных условиях, могла выработаться взаимопомощь защитных привычек против своего врага. Вот почему они и атаковали хищника.

За ключом Катэн мы недолго ехали по Бикину и свернули в протоку Гундюгу, из которой затем направились другой, еще более длинной протокой Гадеги. Свернув в эти рукава Бикина, мы надеялись провести здесь баты более спокойно, но оказалось не так. Начиная от Катэна, бикинская долина становится более узкой. Вследствие этого не только сам Бикин, но и все его протоки в этих местах текут значительно быстрее. Поэтому плавание по ним отняло не мало сил у наших батчиков. Забравшись по длинной протоке Гадеги очень далеко вверх, мы обнаружили, что она разделилась на три неширокие протоки и тем самым принесла нам ряд новых неприятностей. Не однажды спешившись на берегу, мы тянули баты по мели или прорубали для них проходы через завалы принесенного сюда леса. Правда, есть и не мало своеобразной прелести пробираться через такие глухие протоки. Зеленые своды сомкнувшегося

вверху полога никем не тронутого леса, низко нависающие над водой стволы береговых деревьев и проходящие под ними наши ульмагды, непуганные выводки крохалей и часто встречающиеся здесь ленки — все это не только заставляло забывать трудности, но скорее даже видеть в них непременно дополнение к нашей скитальческой жизни.

В связи с довольно выраженным горным характером местности от ключа Катэна и до реки Тунгуз, произошли и более заметные изменения в мире животных и растений. Сократились площади уремных ильмово-широколиственных лесов, в которых маньчжурский орех, с его красивыми крупными листьями, теперь стал редким, исчезли жимолость Маака и кустарник из семейства аралиевых — акантопанакс. Зато чаще в долинах стали встречаться кедрово-широколиственные леса. С гор, по глубоким распадкам, нередко к самому берегу Бикина подступала елово-кедровая тайга. Из животных уже давно не стало амурской кваквы, иволги, китайского скворца и черепахи. Их распространение к востоку проходит у Сяина или чуть выше по Бикину. Теперь я уже не вижу белых аистов и не слышу голоса обыкновенной кукушки. Меньше становится ширококотов, сизых дроздов и японских пеночек. Черный медведь постепенно вытесняется бурым. В хвойной тайге обитали сохатый и кабарга, а из птиц — кедровка и корольковидная пеночка.

Еще большее число видов насекомых, являющихся типичными долинными обитателями, также не доходит до Катэна — Тунгуза или оказывается редкими в этих частях среднего Бикина. К таковым из бабочек относятся, например, великолепная пяденица, ореховая хохлатка, пеструшка Радде, а из жуков — светлячки, жужелицы коптолябрусы, короеды Бергера и Холодковского и другие. В то же время насекомые, по условиям обитания связанные обыкновенно с еловой тайгой или с елово-кедровыми лесами, начинают уже появляться у Катэна — Тунгуза, а дальше к востоку они становятся обычными видами и в горных долинах. Из них можно указать на бабочек бархатниц — аянскую и Седакова. ленточницу Гомера, дымчатую еловую пяденицу, а из

жуков — на фиолетовую небрию, черного елового дровосека и на некоторых таяжных короедов и слоников.

Только к вечеру мы, наконец, выбрались из протоки и вскоре остановились на ночь на большой галечниковой косе. Против нашего лагеря, на левом берегу Бикина возвышалась довольно высокая сопка Сагеси, покрытая до самой вершины смешанными лесами.

10 июля я проснулся рано и решил детально обследовать фауну галечниковой косы. Начиная от самого берега реки и до наиболее высоких точек косы, я наблюдал изменения в составе животного населения. Близ пологого берега, где обычно сказывается волноприбойное действие реки и над затопленной галькой выступают лишь отдельные, более крупные камни, обитают рыбки — бычок подкаменщик, сибирский голец и личинки пескороек, или миног, которые держатся между камешками на глубине 1—3 сантиметра. Вместе с ними нередко встречался речной рачок. Из насекомых в этих же условиях я находил личинок веснянок и поленок, мелких водолюбов и клопов скорпионов и кориксов. Из собственно прибрежных обитателей здесь встречались некоторые небрии и бембидии, которые попадались на выступающих над водой более крупных камешках гальки. Эту береговую полосу можно было бы назвать переходной зоной между наземной и водной фаунами. Следующую за ней зону, в виде узкого окаймления у воды, образует пояс увлажненной гальки с одиночно встречающимися здесь жужелицами бембидиями и небриями. Среди них я заметил и жужелицу тинника. Третья зона сухой гальки, заливаемая водой только в периоды больших разливов реки, по пространству является довольно обширной. В ней сосредоточена основная масса галечниковых жужелиц небрий и бембидий, часты короткокрылы или стафилины и некоторые виды муравьев.

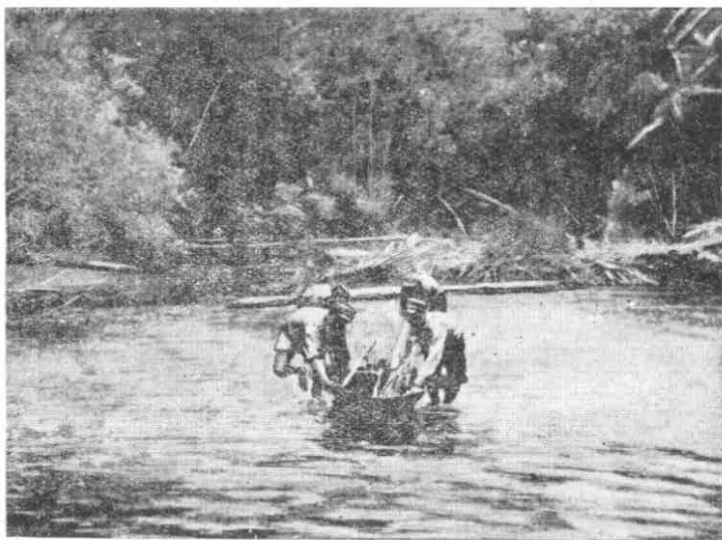
Четвертую зону образуют песчано-галечниковые отложения реки, которые обыкновенно граничат уже с зарослями молодых порослей ивняка. На них можно увидеть и развитие травянистой растительности, но не в виде сплошного покрова, а лишь одиночными особями или куртинками. Здесь также своя фауна. В значительно меньшем количестве живут бембидии и небрии, но

обычны скакуны и делающие на песке воронки муравьиные львы; не редки приуроченные к таким станциям щелкуны, более часты муравьи, попадают даже травоядные усачи — амурская агапантия и дровосек Геблера. Последние только и могут проникать далеко в тайгу открытыми берегами рек. Фауна названных полос или прибрежных зон реки представляет большой интерес в том отношении, что она подвергается частым воздействиям затопления и складывается из специфической группы видов, которые заселяют вновь возникающие свободные ниши в природе. Только что приведенный комплекс животных и описанная выше фауна плавающих водовальных деревьев и фауна ивовых зарослей позволяют вполне ясно наблюдать, как происходят в природе динамические смены ценозов от их зарождения и до полного распада. Натуралистам предстоит еще много работы, чтобы окончательно разрешить проблему эволюции экологических групп животных и растений, образующихся под воздействием колебания уровня вод горных уссурийских рек.

В тот же день мы миновали ключ Маммубасами и вошли в длинную протоку Сундингу, в которую впадает речка того же названия. Более чем половину дня мы плыли по этой протоке. На большом протяжении вода в ней течет тихо, но затем, разделившись на несколько более мелких протоков, она становится быстрой и мелодоступной для прохода батов. Не только быстрота течения, заставлявшая все время держать на шестах лодки, но и частые заломы причиняли нам здесь не мало работы. Часто мы прорубали или пропиливали проходы в заломах, а в двух местах протока была так сильно завалена лесом, что пришлось разгружать баты и тащить их волоком не менее пятидесяти метров через тайгу, прорубая для этого дорогу и делая на ней настил из деревьев.

После довольно долгих и тяжелых работ экспедиция, наконец, выбралась из Сундингу на Бикин и оказалась у небольшой речки Хайлу. На ближней косе был сделан непродолжительный отдых. Воспользовавшись им, я и Кононов отправились в ближайший елово-кедровый лес. Наряду с многочисленными, летающими у берега Бикина,

ильмовой радужницей и барбарисовой белянкой нам удалось собрать следующие северные виды бабочек: пухоспинку бурую, пяденицу венузию и цидарию березолистную. Все это лишний раз указывало на то, что даже в долинных лесах начался процесс преобразования в сторону все возрастающего участия в них бореальных видов.

Перетаскивание бата через мель.

После обеденного отдыха мы проехали по Бикину еще до десяти километров и остановились близ реки Тунгуз. Начавшая портиться еще днем погода к вечеру исправилась. Когда с веселым шумом все принялись за разбивку лагеря, на западе ярко пылал закат, красиво освещая прощальными лучами вершины долинных лесов. С наступлением темноты в небе зажглись тысячи звезд, и вскоре из-за дальних южных сопok выплыла полная луна. Изредка в темной чаще тайги искрились светлячки. Ночь была теплая и тихая. Только время от времени этот покой нарушался криками совки-сплюшки да едва слышным говором людей нашего лагеря.

Глава VIII

Вверх по Бикину вокруг переката Часа-Гуйани

Нам необходимо было торопиться. Приближалась середина лета, а посетить гольцы мы должны были во что бы то ни стало в последней декаде этого месяца. В противном случае мы многого уже не найдем; целый ряд характерных видов растений и насекомых закончит цикл своего развития и исчезнет до будущего года. Это понимали все батчики и напряженно работали. Наши ульямагды проходили в день до тридцати и более километров.

Сегодня я снова заметил, что горы начинают сжимать долину Бикина еще больше. В некоторых местах они подступают вплотную к берегу реки. От этого вся местность приобретает ясно выраженный альпийский характер. Бикин здесь становится шумливым и быстрым, с частыми, хотя и небольшими, перекатами. Плавание здесь довольно затруднено. Поэтому, чтобы миновать большую часть этого участка реки, мы направились протокой Яна, которая оказалась не только тихой, но представляла для нас и много интересного.

Ильм, черемуха и амурская сирень, растущие по обоим берегам протоки, образовали над водой сплошные шатры. Лишь иногда в пологе этого свода показывались отдушины, через которые лучи солнца могли проникать до самой воды и освещать лесную чащу протоки. Если на широких просторах реки Бикина часто наблюдались выводки уток каменушек и крохалей, быстро убегающих от нас по воде, то по протоке Яна встречались обычно

красивые утки мандаринки — типичные обитатели глухих лесных речек. Вспугнутые нами, старые утки поднимались и, следуя всем изгибам протоки, вскоре исчезали из глаз. Маленькие же утята обыкновенно рассыпались по воде и затаивались у прибрежной растительности до тех пор, пока мать снова не покажется вблизи и не подаст им сигнала о миновании опасности.

У более высоких берегов протоки мы видели свежие выходы нор выдры. Начинаясь низко, норы круто уходили ввѣрх и поэтому были недоступны для воды.

На мелководье часто показывались крупные ленки, из которых несколько экземпляров было заколото острой нашего батчика Дмитрия Канчуги.

Через непродолжительное время Яна вывела нас снова на широкий Бикин. Жаль было расставаться с ее красивыми берегами и плавным течением. Бикин хотя и не казался теперь таким шумным, каким мы оставили его ниже, но все же пробираться у его правых низких берегов под нависшими над водой ветвями и стволами деревьев представляло не мало хлопот для батчиков. Поэтому мы решили пересечь реку и следовать вдоль другого, более доступного берега.

Во время переправы я заметил впереди, несколько ниже нашего бата, сбиваемый течением какой-то неясный для меня предмет. Острый глаз нашего проводника Дмитрия Канчуги сразу определил, что это белка. Вскоре бат приблизился к ней, и я увидел, что она неплохо плавает. В этом случае ей очень хорошо помогает хвост, поднятый над водой вверх с растопыренными в разные стороны волосами; он служит своего рода парусом и значительно помогает зверьку переправляться через быстрые горные реки.

Сегодняшний поздний привал на обед мы сделали у высокой сопки Касанда, расположенной на правом берегу Бикина. Беглая экскурсия в елово-кедровый лес, покрывающий склоны горы, а также в приречные долинные леса показала, что, несмотря на большое разнообразие уссурийской фауны, здесь еще сильнее сказывается присутствие северных представителей. Из последних особенно часто встречалась бабочка аянская бархатница, которая настойчиво держалась даже у нашего табо-

ра, пытаясь все время садиться на вспотевшие руки и спины людей.

После обеда нам удалось проехать еще километров десять. Поздно вечером мы остановились на ночлег у местечка Амигда, что в переводе с удэгейского языка означает «тополевый лес».

Плывущая белка.

Ночь была тихая и темная. Слышался неумолчный говор Бикина, да временами из леса доносились негромкие крики совки-сплюшки. В эту ночь я ни разу не наблюдал летающих светлячков. Очевидно, они уже не проникают сюда.

На следующий день в полуденные часы с широкого плеса реки мы неожиданно увидели несколько высоких сопок. Среди бесконечного моря лесов они выделялись своими голыми вершинами и склонами каменистых осыпей. Чтобы лучше ориентироваться в новой обстановке, мы подъехали к галечниковой косе и, остановив ульмагду, начали разбираться в окружающем. Я определил, а наши батчики Володя Ульянов и Дмитрий Канчуга, уже бывавшие здесь раньше, подтвердили, что высоты относились к той гольцовой группе вершин, которые известны у хорских удэгейцев под именем Коенини (белые горы), а у бикинских удэгейцев — под названием Лаобейлазы

(скалистые горы). Проникнуть тайгой до этого отдаленного горного узла и являлось основной целью нашего путешествия.

Не более получаса мы могли наслаждаться видом этих горных далей. С запада показались облака, которые, быстро перемещаясь по Хорско-Бикинскому водоразделу, начали надвигаться на вершины Коенини. Превратившись вскоре в темные тучи, они разразились там сильным грозовым дождем. Оттуда все время доносился гром и вспыхивали молнии.

Кончился широкий плес Бикина, и снова начались его кривуны и протоки, с которых даже в хорошую погоду никогда не увидишь вершин Коенини.

К вечеру наши ульмагды остановились на левом берегу Бикина, недалеко от устья реки Гангату, сбегаящей с южных склонов Коенини. Выбрав хорошую галечниковую косу, мы приступили к разбивке лагеря и приготовлению ужина. Володя тем временем отправился на оморочке к противоположному берегу Бикина осмотреть местность и поохотиться. Вернувшись к сумеркам, он привез двух уток и несколько крупных ленков. По его словам, недалеко от нас, на другом берегу, находится длинная, бывшая когда-то протокой заводь, богатая рыбой.

Наскоро закусив, мы решили в ночь отправиться «лучить» (охотиться с острогой). Нам необходимо было поймать побольше рыбы, чтобы уже завтра начать коптить ее впрок. Такой запас надо было сделать заранее для похода на вершины Коенини.

Для ночной охоты с острогой впереди ульмагды, перед «козырьком», устанавливается двухметровое древко, увенчанное проволоочной сетчатой чашей, в которой зажигаются кедровые смоляки. Все это было у нас приготовлено. Часов в одиннадцать вечера, когда при облачном небе ночь была особенно темной, мы переехали через Бикин и направились в ту заводь, о которой рассказывал Володя.

Четверо участников охоты расположились на длинной ульмагде так: Володя — впереди, он следил за огнем, все время поддерживая его; Дмитрий Канчуга — на «козырьке» с острогой, он выслеживал рыбу; Кононов

сидел у кормы и направлял ульмагду; я расположился посредине и наблюдал за всем происходящим вокруг.

Свет огня рассеивался далеко вокруг и при движении ульмагды создавал чудесные, незабываемые картины. Береговые леса как бы перемещались, превращаясь в сказочные видения. Время от времени вспугнутый в чаще зверь почти бесшумно скрывался вглубь леса. Всюду летали и падали в воду тысячи бабочек, за которыми в разных направлениях сновали летучие мыши и козодои.

В воде, пронизанной светом от поверхности до самого дна, виднелись подводные леса и луга; они иногда уступали место участкам открытого пространства, на которых обычно держалась крупная рыба. Подавленная светом, она или стояла совершенно спокойно или же, слегка передвигаясь, уходила в чащи подводной растительности. Потревоженные, ночующие у берегов утята начинали нырять, и было хорошо заметно, как они уходили под лодку и направлялись к другому берегу протоки.

Тишина ночи лишь иногда нарушалась всплескиванием пойманной рыбы да чуть слышными звуками старых уток крохалей, которые как будто терялись в своих привычных повадках и, настороженные, оставались в прибрежных зарослях.

Эта ночь так очаровала нас, что нам долго не хотелось покидать чудесной заводи.

Мы вернулись с богатой добычей к палаткам незадолго до рассвета.

Утром к нашему лагерю на оморочке подъехал Сати-ма Геонка. Он привез мне письмо, на конверте которого был написан такой адрес: район Бикина, неизвестный табор экспедиции Академии наук, начальнику экспедиции т. Куренцову. В записочке говорилось: «Здравствуйте т. Куренцов! Горячий привет всем участникам экспедиции. Вашу просьбу выполняю и посылаю в ваше распоряжение т. Геонку С. до конца работы. С попутчиками сообщите пути вашего движения. С приветом Мунов. 8. VI. 48 г. Сяин».

Как приятно было читать эту коротенькую записочку председателя удэгейской артели! Она была полна сочув-

ствия к нашей экспедиции. Теперь я уже определенно знал, что при походе на Коенины мы будем иметь опытного проводника.

День тринадцатого июля оказался для нас богатым событиями. Наша экспедиция разделилась на два отряда. К. Г. Абрамов с батчиками Егором и Надигой Пионка отправились вверх по Бикину. Они доедут до местечка Улунга. Оттуда К. Г. Абрамов направится к хребту Сихотэ-Алинь и проведет там наблюдения над сохатыми. По пути же к Улунге он должен отстрелять одного сохатого для питания экспедиции. Некоторое количество вареного или сушеного сохатиного мяса мы хотели взять с собой в экскурсию на Лаобейлазу. Для этого в помощь Константину Георгиевичу я отправил вместе с ним сегодня и Сатиму, чтобы тот в течение двух-трех дней сделал всю подготовительную работу и 15 или 16 июля подъехал на оморочке к Горелой сопке. К этому времени к ней должны были прибыть и остальные участники экспедиции.

В лагере же у реки Гангату мы должны были задержаться еще два дня, чтобы за это время сделать достаточный запас копченой рыбы для экскурсии на гольцовые горы.

Стоит коротко рассказать о том, как в таежных условиях коптится рыба. Для этого вырубается четыре высоких (до 2,5—3 метров) шеста, которые связываются у вершин, а затем расставляются так, что образуют как бы ребра четырехгранной пирамиды. В полуметре или немного выше над землей к такой пирамиде ильмовой или тальниковой мочалой привязываются с двух сторон две жерди, на которые в ряд укладываются на расстоянии 5—7 сантиметров друг от друга сырые ивовые прутья. Вот и все сооружение такой таежной коптилки. Предназначенная для копчения рыба разрезается на продольные пласты, слегка присаливается, а затем размещается на помосте коптилки. Под помостом раскладывается костер, дающий много дыма. Подогревая и пропитывая дымом положенную рыбу, такой костер и вялит и коптит ее. Для копчения пластов крупной рыбы затрачивается не более дня. Пласты же более мелкой рыбы бывают готовы и раньше. Наш способ копчения

рыбы можно было бы назвать способом горячего копчения. Другой способ — холодного копчения, как известно, заключается в том, что через продукт копчения проходит лишь охлажденный дым. Для копчения мы брали только ленков. Они в изобилии водятся в среднем течении Бикина. Ловились ленки и днем, но особенно хорошо — ночью.

Проводив Абрамова и Сатиму вверх по Бикину и оставив Шибнева и Володю в лагере коптить рыбу, мы с Кононовым и Дмитрием Канчугой переехали на противоположный берег реки для обследования густых и высоких зарослей вейника. Растение это представляет тот интерес, что оно тотчас же занимает все образовавшиеся в тайге пустые пространства. Возникают же такие не занятые растительностью участки в результате пожаров, ветровалов, буреломов и больших наводнений, уничтожающих прежний травяной покров в лесу.

В данном случае безлесный пустырь, покрытый вейником, образовался под действием сильного, но не распространившегося широко пожара и последующего затем смыва растительности во время большого наводнения. Следы проявления этих факторов наблюдались в виде обгорелых, упавших деревьев и ряда сообщавшихся с тальвегом Бикина, теперь уже пересохших, проток и небольших рукавов и промоин. При условии открытой местности, вейник здесь не только достигал размеров выше человеческого роста, но и образовывал настолько густые заросли, что пройти через них не было никакой возможности. Это густое болышетравие напомнило мне заросли бамбука, которые я наблюдал во время путешествия на Южном Сахалине в 1947 году. Как и там, мы могли здесь пробираться, предварительно раздвигая палкой травянистую чашу. Для продвижения в этих зарослях мы нередко прибегали, как и на Южном Сахалине, к способу, известному путешественникам по Новой Гвинее. Мы переступали по утоптанному заранее месту, образованному от нарочитого падения одного или двух из нас на густую заросль вейника.

Так же как и однообразная растительность вейниковых зарослей, животный мир был здесь относительно беден. Только иногда хорошо заметные следы указывали,

Копчение рыбы.

что заросли посещает медведь и то, видимо, ночью. Во время экскурсии мы несколько раз использовали такие следы «мишки», чтобы проникнуть в различные уголки вейниковых зарослей. Из насекомых попадались здесь лишь некоторые виды бабочек, как глазчатый амурский сатир, толстоголовка морфей и мелкие перламутровки. Все эти виды свойственны лугам. Сегодня мне удалось подметить полное отсутствие лесовозобновления на вейниковых зарослях. Надо думать, что мощное развитие травянистой массы в этих зарослях подавляет развитие всходов древесной растительности. Очевидно, пройдет несколько лет, прежде чем вейник перестанет быть конкурентом леса, и тогда он постепенно уступит место древесным насаждениям.

Утром 14 июля я и Кононов пошли обследовать долинные леса. Пройдя вглубь леса, недалеко от лагеря мы увидели довольно широкую протоку, которая уходила неизвестно куда вверх и вниз по долине Бикина. Чтобы осмотреть большие площади леса, мы разделились: я пошел вверх по протоке, а Кононов вниз. Меня очень привлекали короеды, развивающиеся на усыхающих ветках татарского кизильника. Они поселялись чаще всего на тех кустарниках, которые были угнетены действиями наводнений или были поломаны черным медведем, лакомившимся ягодами этого растения в прошлом году.

Привлекли мое внимание и илистые берега протоки. Помимо различных насекомых, которые часто вылетали на эти открытые пространства, я здесь наблюдал многочисленные следы различных птиц и зверей. Здесь проходили изюбри и кабаны, оставил отпечатки своих крупных лап медведь, заметны были прыжки зайцев, следы черных аистов и различных куликов. Прошло уже около трех часов, как я занимался наблюдениями. По времени я должен был возвращаться к лагерю. Совершенно неожиданно я увидел вдруг быстро идущего ко мне Коконова. Окончив работу, он не пошел к лагерю, а поспешил поделиться со мною очень интересными наблюдениями, которые ему удалось сделать во время своей непродолжительной экскурсии. Вот его рассказ: «Пробираясь осторожно береговыми зарослями протоки, я заметил небольшого, плывущего через протоку зверь-

ка. Чтобы лучше рассмотреть его, я быстро обошел стороной протоку, а потом, скрываясь, от дерева к дереву, снова подошел к берегу и увидел следующую картину. Через протоку плыл колонок, на спине которого сидели два маленьких его детеныша. Впереди пловцов находился небольшой островок, заросший ивняком и травами, в зарослях которого и скрылись зверьки. Я очень сожалел, что все кончилось быстро и много осталось для меня неясного. Тем не менее я решил остаться без движения на прежнем месте и посмотреть не произойдет ли еще что-нибудь дальше. Трудно было допустить, чтобы колониха могла долго задержаться на маленьком островке, где для нее и добычи-то, наверное, не было. Действительно, не прошло и десяти минут, как я снова увидел ту же колониху, плывущую теперь уже от островка к противоположному от меня берегу протоки. На ее спине также сидели два колоненка, а откуда-то взявшийся третий, очевидно, более сильный и смелый, плыл рядом с матерью. Расстояние от островка до берега было не более 4—5 метров. Зверьки быстро переплыли это пространство, и колонята, прыгнув со спины матери, вместе с ней начали взбираться по крутому берегу и вскоре скрылись в лесной чаще.

Загадочным оставалось появление третьего колонка. Это еще больше заставило меня продолжить наблюдения и проследить за разворачивающимися интересными явлениями. Вскоре у берега появилась та же заботливая мать-колониха. Осматриваясь вокруг, она направилась к воде, а затем поплыла по направлению к островку. Она вернулась, оказывается, на островок затем, чтобы взять на нем еще двух оставшихся там детенышей. Так же, как и первых, она перенесла их на спине вплавь и, скрывшись на берегу с ними, уже не показывалась больше. Для меня теперь стало ясно, что колониха переносила своих детенышей с одного берега на другой в два, а может быть, и в три приема и постепенно — сперва на островок, а потом уже на противоположный берег».

Таковы были интересные наблюдения Кононова. Известно, что в середине лета колониха водит уже подросших детенышей на охоту и часто кочует с ними у берегов рек, заваленных буреломником. Здесь ей легко пря-

таться со своей семьей, и здесь же она всегда вдоволь находит добычу в виде мышевидных грызунов и птичьих гнезд.

Причины, заставившие семью колонков перебраться на другой берег, вероятно, надо искать в потребностях новых участков для охоты. Может быть, в этом отношении были отчасти повинны и люди нашей экспедиции, которые прожили почти три дня недалеко от тех мест, где проходила кочевка семьи колонка.

К обеду мы вернулись довольные своей экскурсией.

Володя и Дмитрий, ловившие рыбу чуть ниже нашего лагеря, недалеко от устья реки Гангату, нашли место, с которого хорошо видна Лаобейлаза. Когда они вернулись и рассказали мне об этом, я вместе с ними тотчас же поехал посмотреть на горы.

Было уже часов семь вечера. Мы спустились по Бикину не более километра и причалили у небольшой отмели, на которой остановилось принесенное во время наводнения огромное плавающее дерево тополя Максимовича. Отсюда, при хорошей солнечной погоде, перед нами далеко в сторону от правого берега Бикина открылись высоко поднятые вершины гольца Лаобейлазы. При заходящих, но еще очень ярких, лучах солнца резко выделялась наибольшая вершина с выступающей грядой скал и ползущими от них каменистыми осыпями. Насколько было возможно, я попытался разобраться в падях, начинающихся у этих далеких высот, и наметить пути подхода к Лаобейлазе. Трудно было оторваться от красивых горных вершин. Они влекли к себе своею неизвестностью. Только угасающий день закрыл от нас их далекие силуэты. Вершины потонули в беспредельных просторах тайги, объятый темнотой наступающей ночи. К лагерю мы вернулись уже поздно.

15 июля утром, после двухдневного пребывания близ реки Гангату, мы выехали. У нас теперь была сделана вся основная подготовка для похода в горы.

По мнению Сатимы, идти к Лаобейлазе лучше всего от так называемой Горелой сопки, стоящей над берегом Бикина, километрах в пятнадцати выше нашего последнего лагеря. Расстояние это при условиях хорошего плавания нетрудно пройти и против воды в течение

5—7 часов. Нам же пришлось потратить на него весь день. Главные препятствия во время этого плавания заключались в том, что Бикин здесь образует один из самых длинных и бурных перекатов, известный у удэгейцев под названием Часа-Гуйани. Подниматься по этому перекату на лодках совершенно невозможно. Поэтому, чтобы миновать его, надо идти в объезд по протоке, которая, как мы думали, единственная в этой части Бикина. Она и поставила перед нами ряд затруднений. Протоки еще не было видно, но до нашего слуха доносился сильный гул водопада. Мне хотелось подъехать поближе и посмотреть, что представляет собой названный перекат по сравнению с другими, также очень мощными перекатами Дукисилини на реке Хор, Каменным и Юрасовским — на Имане, через которые я проходил в прошлые годы. Однако за недостатком времени я отказал себе в этом удовольствии и решил при возвращении из путешествия прямо по перекату спуститься на ульмагдах и более тщательно осмотреть его.

Первые километры протока оказалась довольно покойной, хотя глубина ее достигала двух — двух с половиной метров и плавание по ней на шестах представляло некоторое затруднение. Еще выше вода в ней бежала быстрее, а в некоторых местах протока была настолько завалена плавниковым лесом, что оставался лишь узкий проход, в котором нельзя было развернуться лодке. Наши батчики продвигали ульмагду вперед с помощью остроги, которую вонзали в мертвые лесины береговсго залома. Все же остальные, сидевшие в лодке, одновременно хватались руками за всякие предметы: ветки, корчи, нависающие над водой стволы и прочее и тем самым помогали батчикам удерживать лодку. Шесты вследствие большой глубины здесь были бесполезны. Несмотря на усиленную работу всего коллектива, наш бат нередко срывало и сносило вниз. В такие моменты его могло развернуть течением, легко опрокинуть и похоронить навсегда наше имущество между завалами потонувшего леса в глубокой пучине протоки. Цепляясь за кустарник, ветви деревьев и завалы леса, мы снова и снова подходили к берегу и осторожно и медленно вели ульмагду выше. Были и более опасные случаи, когда вырвавшаяся

из наших рук лодка неслась к поперечному залому, и казалось, что через несколько секунд ульмагда ударится о корчи и наступит полная катастрофа. Но никто из нас в этой непосильной борьбе с водной стихией не сдавался, каждый находил свое место, чтобы помочь общему делу и предотвратить грозящую опасность. Все мы, и прежде всего наши батчики, находили возможность своевременно оттолкнуть, удержать и направить ульмагду так, чтобы избежать несчастья. Не менее трех часов мы пробивались по этой глубокой протоке.

Ульмагда К. Г. Абрамова, как потом я узнал, прошла в обход переката Часа-Гуйани через отвершек нашей протоки, в котором вода текла более спокойно. Сатима, плававший здесь неоднократно на своей оморочке, провел бат вполне благополучно. Володя и Дмитрий же поднялись так высоко по Бикину только второй раз и, конечно, могли сбиться в лабиринте многочисленных протоков этой реки. Последний отрезок нашей протоки оказался также мало благоприятным для плавания, хотя уже не было тех опасных мест, которые остались ниже. Из узкой и глубокой, протока превратилась в многочисленные и более мелкие рукава; все они в той или иной степени были также завалены плавниковым лесом. Только после тщательной разведки мы выбрали для передвижения ульмагды один из этих рукавов. Несмотря на то, что он казался «чистым», нам три раза пришлось прорубать через колодник путь для лодки, и несколько раз, разгрузив ульмагду, Володя и Дмитрий, усиленно работая шестью, перегоняли ее через подводные затонувшие деревья.

Часам к двум мы выбрались, наконец, из трущоб безымянной протоки. Перекат Часа-Гуйани был позади. Его шум все еще доносился до нас, возвещая о неумолимой силе водного потока.

За перекатом Бикин стал более спокойным, и горы, ранее придвинувшиеся к его берегам, снова отделились, отчего долина стала более широкой. Я отметил, что ильмово-ясеновые леса, занимающие обычно широкие и низкие долины рек, здесь начали встречаться чаще, чем, например, близ рек Гангату и Тунгуз. В связи с этим у меня даже возникло предположение о возможном тече-

нии Бикина в обратную сторону в то отдаленное время, когда на месте современного переката простирался высокий водораздел, дававший начало этой реке и ее стоку в Японское море. Хребет же Сихотэ-Алинь, как геологически более молодой, тогда, видимо, еще не существовал.

На одном из пониженных участков долины, поросших почти сплошь маньчжурским ясенем, я заметил несколько пятен сухостоев этой породы. Обследование их показало, что деревья ясеня были в начале лета сильно повреждены гусеницами сиреневой пяденицы, а в настоящее время оказались занятыми короедами.

Часов в пять вечера перед нами, с левой стороны Бикина, открылась невысокая, резко очерченная возвышенность. Это и была Горелая сопка. С приближением к ней ульмагды я заметил, что самая вершина действительно когда-то горела. На это указывали сухостойные и некоторые обгорелые деревья кедра. У подножия сопки, на берегу Бикина, была небольшая галечниковая коса, на которой мы и остановились, как нам советовал Сатима, уезжая с К. Г. Абрамовым на охоту. Сам же он подъехал к нашему лагерю на оморочке уже поздно вечером и привез сушеной и вареной сохатины. Все это нам пригодилось во время похода на гольцы Лаобейлазы. Рыбой и мясом мы теперь были обеспечены, по крайней мере, дней на семь. Из других продуктов нам надо было взять рис, сахар и даже готовый (в пачках) кисель.

В тот же вечер каждый из участников похода на Лаобейлазу сделал для себя сошки, то-есть вырезал в лесу двойной развилок древка. К ним с одной стороны прикрепляются рюкзак и остальные вещи, а другой стороной они прилегают плотно к спине. При помощи лямок на сошках путешественники переносят всё необходимое. Этот способ ношения груза в тайге, как я неоднократно убеждался, наиболее легкий. Кроме того, на сошках можно разместить большое количество различных походных предметов.

Завтра утром мы должны перенести наш лагерь-базу несколько ниже по Бикину и оттуда тронуться к гольцам Лаобейлазы.

Глава IX

К гольцам Лаобейлазы, или Коенини

Как и вчера, сегодня был теплый солнечный день. К 8 часам утра все были уже готовы выступить в поход. После завтрака, погрузив вещи на ульмагду и оморочку Сатимы, мы поехали от Горелой сопки вниз по небольшой уединенной протоке. Здесь на довольно высоко поднятой косе у коренного берега Бикина было решено основать базу, где будет храниться большая часть имущества экспедиции. Остающиеся при базе батчики должны сегодня же, после нашего ухода, устроить лабаз с хорошей крышей для хранения продуктов и других вещей. Кроме того, за время нашего отсутствия они должны будут ловить рыбу и заготавливать для экспедиции копченых ленков.

Наконец наступил час нашего выступления. По указанию Сатимы, батчики высадили нас на довольно высоком берегу Бикина, километрах в двух от базы. Здесь мы расстались, пожелав здоровья и успехов друг другу. Володя и Дмитрий, опираясь на шесты, погнали ульмагду вверх по протоке, а мы направились в тайгу. Еще некоторое время до нашего слуха доносился звук ударов шеста о донную гальку протоки да невнятный говор батчиков.

Мы сразу же вступили в лесную чащу. Впереди всех шел Сатима Геонка, а за ним все остальные. Каждый из нас был нагружен довольно тяжелой котомкой. Кроме продуктов, мы несли еще большую палатку, накомарники, различные принадлежности для сборов и хранения

орнитологических и энтомологических коллекций, а Сатима и Шибнев несли еще ружья.

Дикая нетронутая тайга как бы обняла нас, скрыла от Бикина, от наших недавних спутников. Долго ли нам предстоит быть в полном неведении о своих товарищах, не говоря уже о людях последнего населенного пункта, с которыми мы расстались давно? Ответить на этот вопрос было трудно. Мы знали только, что перед нами — тяжелый и долгий путь через девственные леса и горы, и мы готовы были преодолеть все стоящие перед нами препятствия, лишь бы достичь намеченной цели — взойти на самые высокие вершины и обследовать их субальпийскую и альпийскую зоны.

Сегодня 16 июля. Весь день мы шли по сравнительно ровной местности. Лишь несколько раз взбирались на небольшие водоразделы между маленькими таежными распадками. На всем пройденном пространстве произрастала смешанная уссурийская тайга, в которой из хвойных пород, кроме кедра, встречались аянская ель и белокорая пихта. Из лиственных пород, также относящихся к более северным видам, нередко попадались желтый клен и амурская рябина. Вообще в среднем течении Бикина трудно даже представить, чтобы в нижнем поясе гор уссурийские смешанные леса развивались без участия северных или охотских таежных элементов. То же самое относится и к животному миру этих лесов. Изюбрь в них живет вместе с кабаргой, синяя мухоловка поет рядом с корольковидной пеночкой, а роскошная бабочка радужница Шренка летает вместе с аянской бархатницей. Можно сказать, что в горах до высоты 650—700 метров над уровнем моря произошло повсеместное проникновение в зону смешанных уссурийских лесов более северных животных и растений, характерных для вышележащей зоны елово-пихтовой тайги. Только в некоторых условиях рельефа — по резко выраженным северным склонам и по узким горным падям — аянская ель и белокорая пихта образуют на этой же высоте типичные уголки северной тайги, разбросанные среди уссурийских смешанных лесов.

Некоторым контрастом в поясе последних являются и небольшие площади лиственных марей, всегда приуроченных к низинам заболачиваемых долин. Их также

можно считать убежищами северных животных и растений, но только тех видов, для существования которых необходимы светлые редкие леса или даже совершенно открытые станции.

Но, несмотря на присутствие в этих смешанных лесах северных видов, растительность и животный мир в них в основном оставались уссурийскими и были разнообразными. Кроме кедра, в верхний полог леса тянулись желтая береза, амурская липа, иногда монгольский дуб и горный ильм. Во втором ярусе поднимались вишня Максимовича, клены зеленокорый и мелколистный, черемуха Маака и дикая яблоня. Еще более разнообразны были кустарники: жасмин, жимолость, бересклет, калина, спирея, элеутерококк и другие. Из вьющихся растений встречались лимонник, амурский виноград и актинидия коломикта, последняя особенно часто, являясь основной лианой.

Животный мир этих лесов также довольно богат. Черный медведь, изюбрь, кабан и харза — из млекопитающих; земляной и сибирский дрозды, синяя мухоловка, личинкочед, ширококрылая кукушка и другие — из птиц. Что касается насекомых, то натуралист-энтомолог соберет в этих лесах еще очень много уссурийских видов. У лесных полян и на берегах ключей в них летают сотни бабочек нимфалид из родов радужниц, ленточниц и пеструшек. Численно возрастают здесь по сравнению с южными частями Приморья и такие характерные для горных уссурийских лесов виды бабочек, как пяденицы оцелофора, погонитис и брабира и, наоборот, некоторые количественно падают, становясь своего рода экологическими реликтами; к последним, например, относится пяденица кристофия и пеструшка уссурийская. На лесной подстилке нередко можно встретить красивых жу-желиц коптолябрусов, а на цветущих зарослях сорбарии — самых различных насекомых.

В первый день нашего путешествия мы прошли немного, часто останавливались, чтобы поправить сошки или просто отдохнуть на непродолжительное время, так как тяжелый груз котомок быстро утомлял нас. К тому же солнечный жаркий день снижал сегодня темпы нашего продвижения. Гнуса, к большому удовольствию, было

мало. Я обратил внимание, что среди слепней появился один мало встречающийся до сего времени вид с красивой черной перевязью на брюшке. Еще из прежних своих путешествий по уссурийской тайге я всегда отмечал, что он является характерным таежным видом и никогда не встречается близ обжитых мест. По определению Н. С. Олсуфьева, этот слепень оказался интересным видом и описан им как новый для науки.

На ночь мы остановились у небольшого таежного ключика, где разбили свой первый лагерь по пути к Лаобейлазе.

Вечером, не успев еще сварить ужин и разбить палатку и надеть накомарники, мы обнаружили присутствие многомиллионной армии мокреца. Мелкие паразиты обжигали кожу, лезли в палатку, слоями плавали в чашках супа и чая. Тем не менее у всех нас было хорошее настроение. Кононов посмеивался над рассеянностью Шибнева. Сатима весело шутил и между прочим рассказал, что имя его «Сатима» в переводе на русский язык означает большой бурый медведь. По словам Сатимы, это имя дал ему его дед Геонка, известный в свое время как знаменитый охотник.

Второй день нашего путешествия к Лаобейлазе мы всё продолжали идти «прямо» так же, как и вчера. Поэтому несколько раз мы пересекали небольшие распадки — то сухие, то с текущими по ним ручьями, дважды всходили на невысокие сопки и водоразделы и снова спускались в долины ключей. После некоторых, более тяжелых переходов мы садились и отдыхали до 20—30 минут. Неутомимый же Сатима в этих случаях уходил обыкновенно в разведку вперед, забирался для ориентировки в местности на отдельно выступающие по водоразделам сопки или взлезал на высокие деревья. Придя затем к нам, он рассказывал обо всем, что видел, и уверенно говорил, что мы идем правильно. Для Сатимы, как и для Довери, моего первого проводника на эти горы, не надо было ориентиров в виде какого-либо горного распадка или длинного водораздельного хребта, какими обыкновенно пользуются в горной тайге русские охотники. Во время своих путешествий без проводников я также всегда пользуюсь этими двумя ориентирами. Хож-

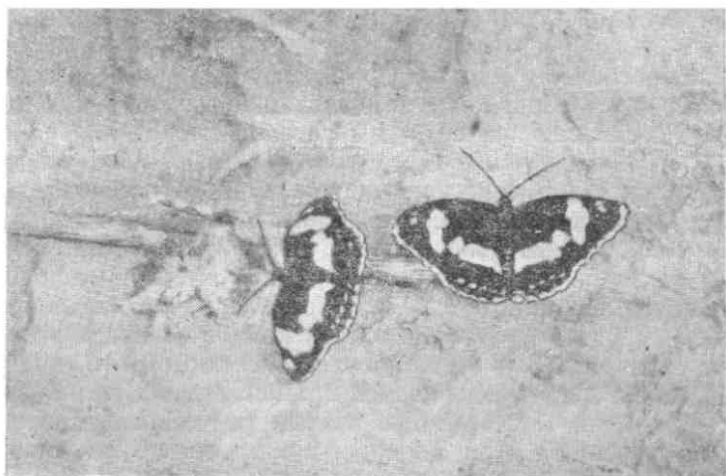
дение удэгейцев в горных лесах «прямо», мне кажется, можно объяснить тем, что они обладают очень здоровым сердцем, позволяющим им, совершенно не уставая, идти долго по крутым склонам. Для Сатимы, например, совершенно безразлично — идем ли мы по ровной долине или поднимаемся в горы. Он может двигаться в последнем случае долго и без каких-либо передышек. Для меня же, Кононова и Шибнева подъемы по склонам периодически требовали отдыха. По нашему сигналу, обыкновенно передававшемуся от позади идущего, Сатима тотчас же останавливался, и мы устраивали привал.

Сегодня в течение всего дня нас окружали, как и вчера, смешанные уссурийские леса. Было особенно заметно, что хвойных лесов в долинах и по южным склонам было значительно меньше, тогда как по северным склонам и по узким горным распадкам лиственные породы почти исчезали совсем и развивалась елово-кедровая гайга. Следы изюбрей и кабанов нам встречались очень часто. Иногда они были настолько свежими, что, видимо, звери, вспугнутые нашим приближением, ушли совсем недавно. Перевернутые старые полусгнившие колоды, разоренные муравейники и примятая высокая трава указывали на присутствие в этих лесах черного медведя.

Из птиц наряду со многими уссурийскими видами я неоднократно наблюдал типичных таежных овсянок Тристрама. Раньше на юге Приморья, в смешанных горных лесах, мне удавалось находить и их гнезда. Они размещаются на кустарниках невысоко над землей и устраиваются из черных черешков вайй красивого веерного папоротника. Здесь же ни я, ни Шибнев так и не нашли их. Птички так умело отводили нас, что трудно было заметить расположение гнезда.

Но с каким упоением мы сегодня, воспользовавшись жарким днем, собирали насекомых в этих лесах! Зная, что здесь никто никогда не собирал их, мы брали все, что возможно было поймать при нашем медленном походе. Особенно обращали наше внимание пестроокрашенные бабочки нимфалиды, из которых спирейная ленточница и радужница Шренка, привлекаемые мокрыми от пота рубашками, неотлучно сопровождали нас в продолжение всего дня. Про радужницу Шренка можно ска-

зять, что она и в последующие два дня, пока мы не вышли окончательно из пояса смешанных лесов, оставалась нашим постоянным спутником. Являясь крупной и одной из красивейших дневных бабочек, она своим присутствием доставляла нам большое удовольствие.

Спирейная ленточница.

Утром, как только спадает роса и мы начинаем собираться в путь, к нам подлетает один или два экземпляра этой бабочки. Позднее же, по мере того как возрастает наша усталость и мы больше потеем, пробираясь через чащи девственного леса, к нам все больше подлетает радужниц, которые целым табунчиком сопровождают нас и вносят оживление даже в такие уголки леса, где по условиям постоянного затемнения они в других случаях никогда бы не появились. При наших остановках на обед они также «отдыхали», усаживались на оставленные поодаль от костра котомки, на которых находили следы пота и активно вылизывали его своими хоботками.

Вполне возможно, что во время движения многие из «привыкших» к нам бабочек отсеивались и заменялись

другими. Во всяком же случае их табунчик не редел до тех пор, пока солнце не начинало склоняться к западу и в глубине леса не воцарялась повсеместно тень. Только к вечеру бабочки одна за другой исчезали.

Сегодня мы снова устроились на ночь в истоках одного горного ручья, который, по всей вероятности, стекал в реку Гангату. Куда он впадал, об этом вполне определенно не мог сказать и Сатима.

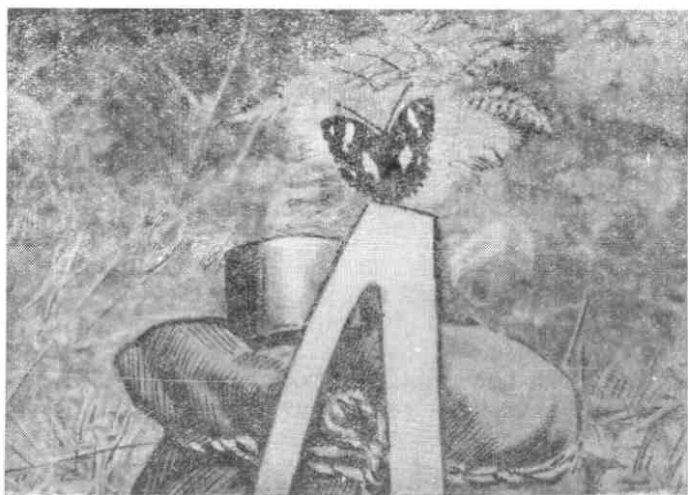
Теплый тихий вечер. Небо с легкой поволокой. Все это благоприятствовало ловле ночных бабочек. За полночь мы жгли большой, яркий костер, на который так много летело насекомых, что не только я и Кононов, но Сатима и Шибнев долго не могли лечь спать.

Шибнев, как он мне говорил позже, никогда раньше не мог подумать, что лес вмещал такое разнообразие видов ночных бабочек, из которых многие представлены в массовом количестве. Я рассказал ему и Сатиме, что путем ловли на свет можно не только изучить фаунистический состав бабочек в различных условиях их обитания, но и представить возможные связи отдельных видов с их кормовыми растениями и сказать о том, какое лесохозяйственное значение имеют те или другие виды. Все это еще в большей степени стимулировало сборы моих помощников, и к двум часам ночи, когда лёт бабочек начиная уменьшаться, мы имели не менее тысячи экземпляров. Чего только не было среди наших богатых сборов! Великолепные брамен, или волнистые павлиноглазки, своеобразные, новые для нашего края серпокрылки ауцата, разнообразные пухоспинки, нежные эпиплемы, до полусотни различных видов пядениц, среди которых чудесные лигрисы. Мало только в наших сборах было бражников, совок и крупных шелкопрядов. Отличаясь быстротой полета, многие из них сгорали в костре и остались для нас неизвестными.

Не так легко и скоро можно было убрать весь этот коллекционный материал.

Я и Кононов встали рано утром, чтобы до выхода в путь все уложить и что нужно наколоть на булавки, а главное, надо было написать на каждом конвертике, в котором хранится по экземпляру бабочки, время, место и условия сбора.

Весь день 18 июля погода стоит хорошая. От яркого солнца становится жарко. Мы идем к северу. Сатима ведет нас «прямо» на Лаобейлазу. Сегодня снова пришлось несколько раз пересекать невысокие водоразделы и переходить пролегающие между ними распадки. Однажды мы поднялись даже до высоты 750 метров и, оставив

Радужница Шренка.

внизу, в долинах, смешанные леса, начали было подходить к ельникам, но вскоре заметили, что дальнейший подъем прекратился и надо было, перейдя этот водораздел, опять спускаться в другую долину. Отсюда, со склонов водораздела, где густая тайга поредела и образовала в одном месте в кронах разрыв, отдушину, мы довольно хорошо могли рассмотреть вершины Лаобейлазы. Их было четыре. Все они оказались гольцовыми. Среди них особенно выделялась стоящая несколько справа гребневидная вершина, от которой в нашу сторону сползали большие поля каменистых осыпей. Долго мы рассматривали расположение гор, и, насколько было

возможно, я теперь вполне определенно представил всю долину реки Гангату и ее многих притоков. Так же довольно четко вырисовывался и отходящий от восточных сопок Лаобейлазы высокий водораздел между реками Гангату и Бейселаза. Этот же раздел со своими многочисленными разветвлениями распадка подходил сейчас и к нам, но уже значительно сниженным. Направляясь вниз по склону, мы спустимся в долину реки Гангату. Было вполне ясно, что идем мы правильно, хотя и очень медленно. Высоты еще далеко впереди, и нам потребуются, очевидно, не менее трех дней, чтобы подойти к ним. Вид открывшихся сегодня перед нами гор, казалось, еще больше увеличил наши силы и энергию для достижения поставленной цели. Отдаленный ранее зов горных вершин теперь как будто стал звучать сильнее и манил к себе. Мы зашагали вперед и к обеду, пройдя широкую долину, вышли на реку Гангату.

Судя по состоянию воды, можно было думать, что мы вышли в среднее течение реки. Гангату, как и большинство таежных речек, почти всюду скрыта густыми береговыми лесами. Отдельные вывалившиеся деревья часто перекидываются с одного берега на другой и образуют естественные «мосты» для переправы. По одной из таких перекладин мы перешли на правый берег, где и остановились на обеденный отдых.

Трудно себе представить сколько было нападающего на нас гнуса в первобытных лесах на реке Гангату! Когда идешь по тайге, то еще можно обороняться от многочисленных паразитов — слепней, мошки, комаров и мокреца; само движение человека отпугивает их. Более трудной, порой совершенно невыносимой, становится борьба человека с гнусом в тайге на остановках и особенно во время отдыха. Обыкновенно сетки помогают очень мало. Мошка лезет в нос, забирается в уши, а нередко при разговоре залетает в рот и там, застревая в гортани, вызывает резкий кашель. Мокрец, активный в густых лесах и днем, осыпает лицо и руки и, обжигая их укусами, пробирается какими-то путями под рубашки, проникает по телу до самых ступней. В последних случаях его укусы бывают массивными и вызывают сильное раздражение кожи. Ночами эти мельчайшие из

двукрылых паразитов уставшему за день путнику часто не дают покоя не только в палатке, но и в спальном мешке.

Комары кусали обычно в течение суток, но наибольшую деятельность они проявляли вечером и даже ночью. Жалили они не только голые части тела, но и через тонкую одежду. Нетрудно было заметить, что различные виды комаров сменяли друг друга, причем каждый вид отличался не только своими внешними признаками, но и характерными повадками.

Чтобы спастись хотя бы немного от многочисленных паразитов, мы укутывали лицо и шею полотенцем, а руки повязывали платками. Особенно много мучений приходилось переносить от гнуса в те моменты, когда я записывал наблюдения или занимался укладкой коллекций. Всю эту работу мы проводили обыкновенно пользуясь непродолжительным отдыхом во время похода и на привалах.

Я не мог простить себе большую оплошность, не запасшись при выезде в экспедицию сетками академика Е. Н. Павловского, которые, как показали мои путешествия на юге Приморья, хорошо защищают не только против паразитических двукрылых, но и против клещей. Последние сейчас встречались в тайге лишь одиночными экземплярами. В массовом количестве они нападают на человека в мае и в первой половине июня.

Отдых и обед на берегу Гангату, когда над нами тучей висел гнус, прошли без удовольствия. Шибнев, уставший, кажется, больше всех, особенно чувствительно реагировал на укусы паразитов, и поэтому, мне думается, рассеянность у него проявлялась на этот раз еще больше; он забыл на таборе не только пинцет, но и свою фуражку. Голова и шея его были обмотаны полотенцем.

От реки Гангату мы направились в предгорья правых склонов долины. Первобытный лес временами становился трудно проходимым. С тяжелыми котомками не легко было пробираться сквозь густую чащу подлеска, перевитую лианами актинидии. Не менее утомительно было преодолевать лесные завалы из буреломного и ветровального леса. Одиночно рассеянные на лесной почве стволы валежника различного возраста давали нам в

этих условиях некоторое облегчение при переходах. Мы обычно пользовались колодником, как дорогой. Ступать по нему значительно легче, чем среди выющихся растений и высокой травы, в которых путаются ноги.

Нельзя сказать, чтобы нетронутые рукой человека смешанные леса реки Гангату отличались богатством животного мира. По крайней мере, днем мы не замечали этого. Из птиц я всего лишь один раз за весь день наблюдал китайского дубоноса, личинкоедов и сибирского соловья. Более часты были поползни и амурские синицы. Иногда слышался голос глухой кукушки. Вот и все. Где-то скрывались серые рябчики, дятлы, дрозды, мухоловки и некоторые другие обычные обитатели таких лесов.

Однообразна была и фауна насекомых. Кроме вездесущего гнуса и все время сопутствующей нам радужницы Шренка, из бабочек встречались еще одиночные экземпляры аянской бархатницы, лещинной пеструшки, да из густых зарослей вылетали окрашенные под цвет подстилки совки пяденицы и совки усатки. Мне казалось, что подавляющий мрак в этих лесах был основной причиной редкого пребывания в них птиц и бабочек.

После обеда, несмотря на тяжелый путь, мы все же прошли более десяти километров. Забирая все время в гору, нам удалось подняться до 700 метров, но Сатима, верный своему методу восхождения на горы, не пошел выше, а взял снова направление «прямо». Поэтому и сегодня нам пришлось также несколько раз пересекать распадки; правда, были они неглубокие, так как начинались в истоках ключей, стекающих в Гангату с правого водораздела. Вечером в этот день мы остановились в верховьях одного из таких неизвестных нам ключей. Сильно уставши от тяжелого дневного похода, мы не смогли сварить хорошего ужина. Забравшись под полог, почувствовали, наконец-то, что гнуса нет, и крепко спали в ту ночь.

На четвертый день нашего путешествия к вершинам Лаобейлазы мы вышли в путь утром довольно рано. День обещал быть хорошим. Небо было синее, и ярко светило солнце. Двигаясь «прямо», по верховьям правых ключей Гангату, нам снова пришлось сделать несколько

подъемов и спусков на высоте 500—700 метров. Ключи по своему характеру теперь были уже другими. Они не журчали спокойно в своих берегах, а с шумом катились вниз, образовав хорошо разработанные ими тальвеги. Тайга в основном оставалась смешанная, уссурийская. Заметно было только, что в ней больше стало встречаться хвойных — аянской ели и белокорой пихты и сократилось участие лиственных пород.

В этой тайге нам попадались разрытые и уничтоженные когда-то медведем склады зимних запасов бундука. В них, судя по оставшимся следам, были, главным образом, кедровые орехи. Среди собираемых нами по дороге насекомых часто встречались бабочки сибирского шелкопряда. Последние обычно бывают активны вечером, когда летают в лесу в кронах деревьев. Здесь они или падали сверху на почву или же сидели на стволах деревьев. Бабочка эта является массовым вредителем различных хвойных пород в Приамурье и на Сахалине. В Приморье она хотя и является обычным видом почти каждый год, но в таком количестве, как здесь, в этом краю мною ни разу не наблюдалась. Вполне возможно, что в глубине гор Сихотэ-Алиня кедровый шелкопряд находит более благоприятные условия для своего развития и в некоторые годы образует здесь очаги массового размножения. Причем в горной бикинской тайге гусеницы его живут не только на кедре, но и на аянской ели и белокорой пихте.

Пройдя километров десять, мы уже не делали сколько-нибудь значительных спусков и оставались в среднем на высоте 700—800 метров. На этом пространстве мне удалось в растительности и в фауне наблюдать довольно интересные переходы от зоны смешанных уссурийских лесов к зоне елово-пихтовой тайги. Прежде всего перелом от одной вертикальной зоны к другой начал проявляться в изменении, вернее в измельчании многих уссурийских пород по мере поднятия в горы. Так, амурская липа, жасмин и лимонник в этом переходном поясе были малорослыми, и мне кажется, что в данных условиях они размножаются лишь вегетативным путем. Во всяком случае, все мои попытки найти здесь хотя бы одно из названных растений плодоносящим не дали по-

ложительных результатов. Далее, целый ряд древесных пород, хотя и не изменился в росте, но стал встречаться очень редко. К таким, например, относятся желтая или ребристая береза, клен моно и кедр. Ни одно из этих деревьев не давало подроста. Это обстоятельство указывает на недостаточно благоприятные условия их обитания в переходной зоне. Про кедр можно сказать, что он с высоты 750—800 и до 1000 метров растет лишь редкими, огромными, чаще всего усыхающими деревьями. В некоторых участках тайги больше усохших, распадающихся или уже распавшихся валежных великанов кедров, нежели растущих. В то же время в переходной зоне более жизнестойкими проявляли себя такие господствующие здесь деревья, как аянская ель и белокорая пихта. Они же образуют в этой зоне и густой, разновозрастный подрост. Все эти взаимоотношения растительности в переходной зоне определенно показывают, что между формациями смешанного леса и елово-пихтовой тайги происходит борьба с явной победой тайги и отступлением вниз ценозов смешанного уссурийского леса.

В связи с только что описанными изменениями в вертикальном распределении растений одновременно я отметил и изменения в мире животных на этой высоте. Чаще начали попадаться следы сохатых; из птиц нас оповестила своим криком отшельница глухих еловых лесов — кедровка. Слышали мы и нежную песенку корольковидной пеночки и нашли гнездо сибирского дрозда. Еще больше встречалось бабочек, определенно связанных со стадиями елово-пихтовой тайги. В смешанные же леса некоторые из них проникали редко и лишь единичными экземплярами. К таким видам относились следующие: аянская бархатница, ленточница Гомера, пухоспинка бурая, пяденицы — венузия, пестрая, саксея, сциномия и некоторые другие. Однако некоторые виды из зоны смешанных лесов хотя еще обычно и заходят до высоты 750—800 метров, но всё это уже разрозненные одиночные особи. К таковым, например, относятся: пеструшки Четверикова и лещинная, барбарисовая белянка и наш спутник — радужница Шренка. Несмотря на знойный день, в переходной зоне мы не встречали на

берегах ручьев того разнообразия пестрых нимфалид, а в тенистых условиях тайги тех многочисленных пядениц цидарий и лигрисов, которые так рельефно оттеняли фауну чешуекрылых в поясе смешанных лесов.

К вечеру мы подошли к одному большому ключу, круто падающему по восточному склону. Обсудив с Сатимой дальнейшее наше продвижение в горы, решили направиться вверх по этому ключу до последней воды и оттуда, разбив более основательный лагерь, начать завтра подъем к гольцам.

Идти берегом ключа было очень трудно. Поэтому мы направились по склону, замыкающему с правой стороны распадок этого ключа. На всем протяжении склона смешанный лес совершенно отсутствовал. Его покрывала малорослая, чахлая елово-пихтовая тайга. Деревья вряд ли достигали более 50—70-летнего возраста. Большинство из них являлось угнетенными или даже усохшими. Многие были заселены короедами и начали отмирать. Причинами, вызвавшими в данном случае такое физиологическое ослабление аянской ели и белокорой пихты, являлись, как я думаю, прежде всего факторы разрушительной деятельности почвенной эрозии. Просачивающаяся с поверхности вода тотчас уходит глубоко в землю, так как лежащие под почвой, сильно перемытые, без мелкозема, каменные слои не могут удержать ее, и она, не использованная на месте растениями, стекает к тальвегу ключа. Таким образом, даже при обильном выпадении осадков деревья в этих условиях испытывают как бы засуху. Если принять во внимание, что ель и пихта растут здесь на маломощных, также постоянно размываемых почвах, то это в еще большей степени способствует их физиологическому ослаблению и последующему затем нападению на них вредителей и, прежде всего, короедов. С массовым же размножением последних, когда они захватывают большие площади таких ослабленных участков тайги, происходит дальнейший, еще более разрушительный процесс эрозии. Усохшие от короедов деревья теперь уже не сдерживают стоков воды, почвы под ними окончательно разрушаются, и образуются в лучшем случае ветровалы деревьев, но нередко, особенно на крутых склонах, возникают обвалы, оползни и ка-

менистые осыпи. Все это в окончательном счете ведет к образованию лесных пустырей — гольцов вторичного происхождения. Вот все эти стадии разрушительной силы эрозии я и наблюдал как сегодня, так и на следующий день при подъеме вверх по южному склону. Отсюда совершенно ясно, насколько внимательны должны быть лесоводы и мелиораторы при организации лесного хозяйства и территории в горных районах края.

Не более как через 1,5—2 километра вода в ручье исчезла: она потерялась в камнях, выстилающих дно тальвега. Только время от времени, когда камней по тальвегу бывало меньше или они становились мелкими, вода вновь выступала на поверхность. Еще дальше в горы, на высоте 790 метров, вода, сбегаящая по склону, шумела уже глубоко внизу, скрытая каменистыми развалами. Только в одном месте мы нашли еще небольшой ее источник и решили, что здесь нам необходимо остановиться, разбить лагерь и завтра утром, оставив часть вещей у лагеря, начать подъем на Лаобейлазу. Сатима, вернувшись из разведки на ближайшую сопку, определенно подтвердил, что сейчас мы находимся недалеко от водораздельного хребта между речками Гангату и Хабагоу и что мы точно должны попасть на первую вершину Лаобейлазы.

Несмотря на повсеместные выходы камней на поверхность почвы, нам все же удалось найти рядом с водой подходящую площадку для разбивки нашего лагеря. Сегодня мы остановились на ночь несколько раньше, чем в предыдущие дни, и поэтому имели возможность произвести необходимый ремонт нашей одежды и обуви. Кроме того, сегодня же вечером у нас нашлось время и для того, чтобы первый раз после оставления Бикина приготовить ужин из трех блюд. Кроме обычных супа и рисовой каши, был сварен также кисель. Так сытно, мне казалось, мы давно не кушали. Все были здоровы и в хорошем настроении. Завтрашняя тяжелая экскурсия только радовала нас.

Начавшийся в сумерки мелкий дождь напугал было нас. Но не более как через час он прекратился, и снова установилась хорошая погода.

На ярко горевший костер с вечера во время дождя

был хороший лёт ночных бабочек. Сравнивая результаты лова этой ночи с тем, что нами было собрано в предыдущие ночи в смешанных лесах, можно сказать, что в переходной зоне уже не досчитывается 70—75 процентов уссурийских видов. Глаза натуралиста не порадуют здесь такие чудесные виды смешанных лесов, как павлиноглазки — брамен и артемиды, многочисленные бражники, нежноокрашенные пяденицы лигрисы, красавицы агатии и другие. Вместо них он видит теперь в скромном наряде хвойных дымчатых пядениц, темных сциономий, пухоспинок Дикмана и Танкре и другие горные виды.

Между прочим, в эту ночь очень продолжительное время был настолько сильный лёт пихтовой дымчатой пяденицы, что бабочки в массе горели на огне, буквально обсыпали палатку близ костра и всюду носились между деревьями. До сего времени эту бабочку считали редкой. Теперь нам удалось выяснить, что она вместе с другим видом дымчатой пяденицы является массовым вредителем хвойных горных лесов Сихотэ-Алиня. Гусеницы первой повреждают хвою белокорой пихты, а гусеницы второй в основном развиваются на аянской ели и отчасти на других хвойных породах.

Сегодня ночью мы легли спать довольно поздно. Много ушло времени на подготовку к завтрашнему дню.

20 июля рано утром, оставив в лагере палатку и запас продуктов для обратного путешествия, экспедиция выступила в конечный путь к гольцам Лаобейлазы. С собой мы взяли только самое необходимое из расчета, что в два дня закончим обследование и вернемся к лагерю. Из опыта прошлого путешествия я знал, насколько безводными являлись эти горы со стороны Хора, и поэтому запас воды, взятой нами на этот раз, оказался основным грузом в наших ношах. Направились мы вверх по распадку одного ключа. Вода уже больше нигде не выходила на поверхность, хотя шум ее в глубоких подпочвенных слоях еще долго слышался и говорил, очевидно, о непрекращающихся здесь никогда процессах эрозийной деятельности.

Нам сразу же пришлось не всходить, а карабкаться по крутым склонам. Поэтому мы очень быстро набрали

высоту и вскоре из переходного пояса растительности вступили в зону елово-пихтовой тайги. Некоторые виды растений и животных, характерные для смешанных лесов нижележащей зоны, еще встречались одиночными экземплярами среди хвойного леса. Так, из лиан — актинидия коломикта и из кустарников — элеутерококк еще находили приют под пологом елей, а кедр заходил до 1000 метров и даже выше. Из бабочек последние экземпляры радужницы Шренка покинули нас на высоте 800 метров, а чернушка Четверикова, из всех своих сородичей обладающая наибольшей способностью проникать высоко в горы, еще изредка попадалась на глаза и сопровождала нас до высоты 1000—1200 метров.

Можно считать вполне установленным, что в предгорьях Лаобейлазы нижняя граница елово-пихтовой тайги проходит на высоте 850—880 метров над уровнем моря. Елово-пихтовая тайга — это особый мир жизни растений и животных. Если в смешанных и широколиственных лесах натуралиста поражают разнообразие фауны и флоры и красота форм многих их представителей, часто переносящих его к далекому югу, то в елово-пихтовой тайге, при выраженной бедности ее природы и скромности нарядов животных, он обнаруживает среди последних немало своеобразных форм и интересные приспособления их к более суровым условиям обитания. Однако елово-пихтовая тайга не остается однотипной. В зависимости от высоты местности, характера склонов и почвенного покрова она образует многие группировки растительного покрова.

Сегодня при подъеме на Лаобейлазу нам удалось наблюдать хвойные леса в различных их вариантах. Распадок ключа, по которому мы поднимались, был покрыт ельниками с покровом на почве из амурского папоротника. Кроме желтого клена и амурской рябины — постоянных спутников почти всех типов елово-пихтовой тайги, здесь изредка встречались и некоторые виды растений и животных зоны смешанных лесов. Елово-пихтовая тайга с моховым покровом, которую мы встретили на большом пространстве по крутым каменистым склонам, наиболее характерна для этой зоны. Из птиц обычными спутниками таких ельников являются кедровки и кукушки,

или рыжие сойки. Первые часто извещали нас криком, а вторые как-то незаметно подлетали к нам настолько близко, что можно было наблюдать, как эти любопытные ко всяким таежным событиям птицы то внимательно рассматривали нас, то, усевшись на ветках, совершенно спокойно перебирали клювом свои перышки.

На первый взгляд елово-пихтовые леса как бы подавляют своей кажущейся безжизненностью. Но это первое впечатление обманчиво. Кроме кедровки и кукши, которые все же показываются изредка, в глубине тайги нам часто стали встречаться трехпалые дятлы, черные синицы, корольковидные пеночки, мухоловки Мугимаки и обыкновенные снегири. Несомненно, живут в этих лесах и восточные свиристели, и черные рябчики, или дикуши, но нам найти их не удалось.

Из бабочек в этих ельниках обычны пихтовая и еловая дымчатые пяденицы, реже зубецкрылая пяденица, шерстолапка еловая и шелкопряд монашенка. Вместе с ними на усыхающих елях развивались такие характерные для этих условий короеды, как еловый лесовик, еловый древесинник и пальцеходный короед. Все эти таежные отшельники пользовались здесь широким распространением и, несомненно, находили для себя наиболее благоприятную обстановку для развития.

С высоты 1125 метров мы вышли на хребет. Сатима тотчас же забрался на вершину одной высокой ели и оттуда сообщил нам, что Лаобейлаза недалеко и ее вершины очень высокие.

Продвигаясь по хребту вверх, мы замечали, что моховые ельники иногда редели и на очень крутых склонах уступали место широким полянам, покрытым сплошными зарослями тихоокеанского бадана с толстыми кожистыми листьями. У опушек таких зарослей часто наблюдались колонии горных грызунов — пищух, или сенокосцев. Они прячутся в норах между выходами камней и здесь обыкновенно устраивают свои запасы в виде разбросанных стебельков и листочков различных травянистых растений.

Еще несколько выше, но уже в условиях более пологих склонов, среди ельников все чаще начали встречаться широкие поляны с редкими, невысокими, но толстыми

деревьями аянской ели. Сами поляны были покрыты высокими травами с пестреющими коврами различных растений. Среди них я мог отметить акониты с кремовыми цветами, синюху, раковую шейку, валерианы, волжанку лесную, красодневы, даурскую лилию, мытник Кузнецова, багульники и некоторые зонтичные.

Заросли тихоокеанского бадана.

После мрачных и однотонных елово-пихтовых лесов эти цветущие полянки особенно радовали взор, напоминая долины рек с богатым травянистым покровом.

Интересно отметить, что болотистые лужайки Лаобейлазы, напоминающих высокогорные елани Саян и забайкальских хребтов, приурочены довольно строго к гребням гор. Объясняется это, видимо, тем, что в данных условиях, в связи с завихрением проносящихся здесь зимой сильных ветров накапливается много снега, плотно слежавшиеся слои которого тают долго и мешают лесовозобновлению. Поэтому образование этих лужаек объясняется не высокогорными, а местными особенностями климата в лесной зоне. Насекомые на этих полянках

были также совершенно другие, чем в окружающих еловых лесах. Здесь, прежде всего, летали гелиофилы, или солнцелюбы. Из бабочек к ним относились: каменистый сатир, аянская бархатница, пяденица пестрая, пестрая огневка, барбарисовая белянка, брюквенница, пяденица березолистная и некоторые другие. Так же как травы еланей складываются из представителей различных растительных группировок, так и в комплексе приведенных бабочек можно отметить гольцовые, луговые виды и виды лесных полян — как зоны елово-пихтовой тайги, так и зоны смешанных лесов.

Экскурсируя по этим горным лужайкам, залитым солнцем и богатым насекомыми, на одной из них мы спугнули бурого медведя, который разгрыз ствол сухой ели и выбирал из него жирных личинок хвойных дровосеков. Последние, протачивая древесину, издают скрип и тем самым могут привлечь «мишку», как привлекает его внимание гудящий в дупле рой диких пчел.

С высоты 1250 метров я заметил, что в ельниках по сторонам хребтов деревья начали мельчать, становиться малорослыми, угнетенными ветром. В то же время растительность «еланей» изменялась. К обычным травам начали присоединяться такие типичные высокогорные растения, как рябинолистник альпийский, спирея березолистная, золотистый рододендрон и одиночные экземпляры кедрового стланника и диервиллы Миддендорфа.

Перед нами начали разворачиваться интересные для исследователя картины субальпийского или подгольцового пояса, в который мы вступали.

Постепенно, по мере того как исчезали елово-пихтовые леса, на высоте 1300—1450 метров начали открываться другие ландшафты. Мы увидели теперь, что горы, особенно с подветренной стороны, были одеты лесами из каменной березы. В одних случаях в подлеске каменноберезников развивались сплошные, труднопроходимые заросли кедрового стланника, в других (нижний ярус) — образовывались более доступные кустарники диервиллы Миддендорфа. На платообразных частях водораздела и на седловинах между высотами каменноберезники обыкновенно произрастали в виде редкостойных деревьев

и издали походили на парковые насаждения. На широких полянах большими куртинами росли золотистые рододендроны с крупными желтыми цветами. Они, вместе с целым рядом других кустарников (альпийским рябинолистником, березолистной спиреей, диервиллой Миддендорфа, кедровым стланником и некоторыми другими) образуют на Лаобейлазе субальпийский или подгольцовый пояс. Несколько непонятным осталось для меня отсутствие в этом поясе хвойного кустарника микробиоты, который был так обычен на соседних вершинах Дэвери и Цосокбуга, в верховьях реки Ко в бассейне Хора.

Цветистое большетравие в горах Лаобейлазы.

Интересен был и животный мир субальпийского пояса. Из птиц здесь обращали на себя внимание синехвостки, которые продолжали оживленно петь. В каменноберезниках, чаще чем в елово-пихтовой тайге, держались корольковидные пеночки. В непролазной чаще кустарников иногда показывались и тотчас исчезали крапивники. Полянки были утоптаны медведями, которые,

очевидно, заходят сюда пограбить муравейники или полакомиться ягодами голубицы, начинающими созревать.

Из насекомых, кроме довольно распространенных цветочных усачей и обычных горных бабочек (каменный сатир, аянская бархатница, березолистная пяденица, пяденица пестрая), здесь я впервые увидел вяло перелетающих белых с кирпично-красными поперечными полосами цидарий дефлората. Среди же разнообразных листовертков, сборами которых я особенно внимательно занимался, в субальпийском поясе нами найдены совершенно новые для науки виды. Из них хотелось бы упомянуть лишь следующих: листовертку-толстушку, близкую к сосновой и живущую здесь на кедровом стланнике, листовертку разноцветную, которая представляет видоизмененную горными условиями копию черемуховой разноцветной листовертки, живущей в долинах, и полосатую листовертку из рода фиарис, которая по величине, окраске и расположению на крыльях металлических линий не похожа ни на один вид своих сородичей, известных мне из других вертикальных зон.

Поднимаясь все выше в горы, я замечал, что на склонах с наветренной стороны, в подгольцовом поясе сплошное развитие получает один лишь кедровый стланник, который из всех высокогорных кустарников вырабатал наибольшую сопротивляемость ветру. Более того, миниатюрные, в несколько сантиметров, экземпляры его обычно выходят из субальпийского пояса и стелются куртинками среди гольцовой растительности.

Неожиданно мы подошли к довольно крутому склону высокой горы и начали на нее подниматься. С высоты 1400 метров исчезли каменные березы, и через полосу в 60—80 метров сплошных зарослей кедрового стланника Сатима первым вышел на открытый склон сопки и радостно воскликнул: «Вот и Лаобейлаза!» Подойдя к нему, я заметил, что мы находимся у верхней границы субальпийского пояса. Об этом говорили теперь маленькие экземпляры кедрового стланника, растущего здесь не сплошь, а островками. Среди же последних пятнами растилась гольцовая растительность. Взглянув бегло, я мог только заметить, что к ней относились альпийская толокнянка и маленькая, едва выбивающаяся из моховой

подушки красивая цветущая генциана. Осмотр сопки я решил сделать позднее, а сейчас мы спешили на ее вершину, чтобы оттуда рассмотреть расположение гор Лаобейлазы.

Заросли золотистого рододендрона.

Не более как через полчаса мы были на вершине этой горы. Высота ее по нашему anerоиду равнялась 1550 метрам. Следовательно, гольцовый пояс на ней занимал самую верхнюю часть сопки шириной до 100 метров. Отсюда, с этой вершины, теперь стало все ясно. Мы находились на горе Берга, как я назвал ее еще в 1937 году. Прямо к востоку от горы Берга стояли еще три большие вершины, из которых первая названа мною Цогугда (средняя), вторая — самая высокая из всех трех, горой Арсеньева, и третья в то время мною замечена не была и осталась без названия — ее закрывали другие вершины.

Сколько было радости видеть все эти горные вершины так близко и наблюдать всё окружающее с одной из этих высот! Где-то далеко на востоке вздымалась центральная цепь Сихотэ-Алиня и маячили в дымке высокие горы.

Несмотря на то, что сегодня мы шли беспрерывно в горы семь часов и сильно устали, все решили сейчас идти дальше, во что бы то ни стало сегодня посетить вершины Цогугда и Арсеньева и обследовать их гольцовый пояс. Зная, насколько капризны в отношении погоды наши горы, я с большим удовольствием принял это предложение. Всех нас особенно привлекала вершина Арсеньева. С горы Берга она казалась половинкой когда-то расколовшейся пополам гигантской чаши. Отпавшие края этой чаши превратились в нагромождение камней и осыпей, а сохранившиеся стоят высоко, образуя полукруг зубчатых скал и каменных стен.

Спустившись с горы Берга снова до субальпийского пояса, мы решили оставить здесь, среди парковых каменоберезников, все свои вещи, чтобы налегке идти дальше в горы. Было уже около двух часов, а путь предстоял большой и тяжелый. Мы отказались от обеда, но съели только по куску хлеба и запили водой. Нужно было торопиться.

Подъем на гору Цогугда начался тотчас же от седловины, где мы оставили вещи. Субальпийский пояс на ней отличался тем, что склоны на большом протяжении были покрыты кедровым стланником. Сам же голец, по сравнению с горой Берга, представлял некоторые особенности. Прежде всего, вершина Цогугда поднимается до 1680 метров и образует на большом пространстве платообразную поверхность, покрытую типичной гольцовой растительностью и богатую высокогорной фауной. Вершина же горы Берга очень острая, подвержена сильным ветрам и обеднена как в отношении растительности, так и в отношении животного мира.

На гольце Цогугда я обратил внимание на широкое развитие почв, образованных из дресвы — продуктов распада каменных пород в высокогорных условиях. К таким местам обыкновенно были приурочены красивые куртинки цветущей даурской камнеломки, а из зонтич-

ных — низкие жгун-корень аянский и володушка трехлучевая. У выходов мелких камней щеткой росла альпийская зубровка и цвели альпийские копеечники, украшенные розовато-фиолетовыми кистями. Еще более разнообразна была флора на местах, покрытых мхами и лишайниками. Всё это — растения-карлики, которые обыкновенно не поднимаются выше моховых подушек и густая дернина которых удерживает их от сильных горных ветров. Я обратил внимание на сибирскую анемону, на снежно-белую соссурею, на маленькие мытники, гвоздики, гентианы и некоторые другие, которые, по мнению моих друзей-ботаников, являлись, вероятно, новыми видами для науки.

На гольцах Цогугда я нашел, кроме обычных голубицы и брусники, еще два мелких кустарничка — рододендрон Редовского и альпийскую толокнянку, которые также не поднимались выше травянистых растений и были втиснуты в плотные покровы мхов.

Сатима и Шибнев давно ушли вперед, и видно было, как они уже спускались с Цогугды и направлялись к горе Арсеньева. Мы же с Кононовым, поглощенные интересными находками растений и насекомых, никак не могли расстаться с гольцами вершины Цогугда.

Насекомые здесь были очень своеобразны. Их окраска, образ жизни и повадки удивительно отражали характер среды их обитания. Большинство жуков, пауков и даже бабочек при сильных горных ветрах, а также во время ловли их, пряталось в торфяные подушки или, падая с растений, терялось в каменистых россыпях.

Многое нам удалось сегодня наблюдать в гольцах. Очень оживленно летали на солнце крупные северные коровки — анатисы с темными пятнами, окаймленными светлыми кружками. На стеблях горной полыни, растущей по каменистым развалам и россыпям, группами сидели синие листоеды Никольского. Во мху я разыскал арктическую совку анарту квиета, а между камнями поймал характерную гольцовую бабочку хиптиоксесту.

Но как интересен, оставаясь совершенно не познанным, был мир мелких насекомых, находящихся приют в лишайниках и в моховых толщах гольцов. В них прятались высокогорные жужелицы небрии, разнообразные

пауки, а из бабочек листоверток мы разыскивали здесь ряд совершенно новых или глубоко северных видов. Также не могли мы не обратить внимания и на других животных, обитающих только в зоне гольцов или встречающихся здесь чаще, чем в других условиях. Так, из птиц на вершине Цогугды гнездились горные коньки, а в каменистых россыпях держались крапивники. Последние находили среди камней, видимо, не менее благоприятную обстановку для своего обитания, чем в кустарниковых зарослях субальпийского пояса. На самой вершине

Крапивник.

горы мы встретили парочку небольших осторожных птичек, которые по особенностям передвижения по земле — прыжками — напоминали горных восточных завирушек.

С подветренной стороны на каменистых россыпях обычно наблюдались колонии пищух, или сенокосов, которые в высокогорных условиях попадались очень

часто. Их можно считать наиболее характерными для гольцовой зоны животными.

В целом, по сравнению с лесными зонами и с субальпийским поясом, гольцы Лаобейлазы представляют хотя и обедненный, но оригинальный по составу растительный и животный мир. Мир этот поражает натуралиста своими формами и их приспособительными особенностями к суровым условиям существования. Гольцы эти являлись совершенно не изученными. Никто из натуралистов не проникал сюда до сего времени. Все собранные на них растения, насекомые и даже некоторые птицы оказались новыми для науки или указывались раньше исследователями только исключительно для далекого севера.

Мы торопились догнать Сатиму и Шибнева, которые уже подходили к вершине горы Арсеньева. Путь к последней был сначала довольно легким, так как шел по ровной почве гольцовой зоны, но вскоре, за седловиной

между этой вершиной и сопкой Цогугда, начались развалы из крупного камня и идти стало трудно.

По пути мы несколько раз замечали белок, скачущих по кедровому стланнику. Завидев нас, зверьки быстро уходили вниз. Оказывается, в поисках корма белки высоко кочуют в вертикальном направлении и добираются

Вершины гор Арсеньева и Цогугда.

до гольцовой зоны. О их присутствии здесь говорили оставленные поврежденные шишки и скорлупа орешков кедрового стланника. По всей вероятности, в этом году белки испытывали острую нужду в корме. Голодовка в долинах заставила их уходить высоко в горы, где они питались недозрелыми плодами кедрового стланника.

Снизу к нам доносился шум ревуших ключей, которые берут начало у подножия гор Лаобейлазы. Пробираясь в узких порожистых ущельях, они образуют, очевидно, многочисленные пороги как на северных, так и на южных склонах. Судя по тому, что горные потоки шумели внизу, не менее чем 700—800 метров от нас по вертикали, можно предположить, какой они были мощности и как много давали водопадов!

Подъем на голец Арсеньева отнял у нас много сил.

Шли мы к нему в обход совершенно недоступного хребта, вернее вокруг сохранившегося края гигантской чаши, увенчанного скалами и торчащими пиками. Долго пришлось пробираться между нагромождениями огромных каменистых развалов, заросших кедровым стланником. Много раз мы рисковали провалиться в расселины между каменистыми глыбами, с трудом протискивались через непролазные чащи стланника, уставали до изнеможения. Иногда силы совсем оставляли нас, и надо было «отлежаться», чтобы снова пробираться вперед для атаки последнего и наиболее высокого гольца.

Уже близко к вершине нам попалась хорошо протоптанная тропа медведя. Она не походила на его обычные тропы, а представляла собою изолированные, следующие друг за другом, глубокие следы лап. Очевидно, тропа эта служит медведю постоянной трассой на гольцы, где он лакомится ягодами. Много облегчения доставила нам эта тропа. Она ускорила наш путь на гонец Арсеньева.

Было уже шесть часов вечера, когда мы все встретились на высоте 1860 метров. Совершенно особый вид и форму имела вершина этого гольца. Если издали она казалась гигантской чашей, одна сторона которой отпала и разрушилась, то теперь впечатление о существовании когда-то на вершине озероподобного или кратероподобного углубления еще более усилилось. С южной стороны эту вершину замыкают полукругом высоко стоящие гранитные стены и причудливые скалы. С северной стороны лишь кое-где сохранились остатки когда-то сплошного каменистого барьера. Продукты его распада в виде обширных каменистых осыпей по склону являются яркими свидетелями разрушительных сил природы, которые, возможно, произвели здесь свою работу в близкий нам геологический период. В памяти стариков-удэгейцев Бикинской долины сохранилось предание о бывшем здесь когда-то горном озере. Может быть, вершина горы Арсеньева является ложем древнего озера каррового (ледникового) происхождения, которое лишь недавно высохло в результате процессов выветривания. В настоящее время ложе этой довольно большой котловины неровное и покрыто типичной гольцовой растительностью.

С наиболее выдающихся скал вершины Арсеньева мы долго рассматривали окружающие горы и долину Бикина. Каждый из нас пережил тогда такие минуты, которые никогда не забываются в жизни. Раньше, плывя по Бикину, мы лелеяли надежду подняться на вершины Лаобейлазы, которые лишь иногда показывались на горизонте из-за облаков, дразнили и манили к себе. Теперь же, когда мы миновали долгий путь по реке с ее протоками и перекатами, преодолели много гор и девственную тайгу, нам особенно радостно было сознавать, что цель достигнута. Упиваясь видами горных далей, мы забыли обо всем. Никто из нас, будучи весь день голодным, ни разу не вспомнил об этом. Только наступающий вечер подсказал нам, что надо торопиться к лагерю у вершины Цогугды, чтобы завтра снова посвятить день исследованиям гольцовой зоны.

Сатима, раньше всех взошедший на вершину горы Арсеньева, не только обошел ее, но и посетил стоящую рядом с ней высокую безымянную сопку. Я решил называть ее именем нашего проводника, который первым побывал на ней. Вершина ее также безлесна и покрыта растительностью гольцов или горных каменистых тундр.

В 8 часов вечера мы начали спускаться по направлению к вершине Цогугда. Несколько задержавшийся в скалах Кононов вскоре возвратился и показал мне результаты своих сборов насекомых. Среди обычных и довольно мелких их видов я увидел в морилке довольно крупную черную бабочку с желтыми вытянутыми вдоль крыльев пятнами. Присмотревшись внимательно, я определил, что это — медведица Менетрие. Радости моей не было конца, так как я знал, что последняя является одним из редчайших северных видов и со своеобразным распространением. Уже позднее, по возвращении из экспедиции, в ответ на мое письмо по поводу находки этой бабочки известный наш энтомолог профессор С. С. Четвериков писал мне примерно следующее: «Всего больше поразила меня находка на горе Арсеньева медведицы Менетрие. Что это за бездомное, бродячее существо? Посмотрите: описана она по одному экземпляру из Джунгарии, вероятно, из Тарбагатай, где я тщетно

искал этот вид еще в 1904 году; наконец, я получил один экземпляр из-под Якутска — дистанция довольно внушительная; потом появляется сообщение, что один экземпляр этой бабочки пойман в центре Финляндии (!!) и, наконец, ее находка вашей экспедицией в Сихотэ-Алине! Ну, скажите на милость, где же родина этого вида? Куда бросаться, чтобы получить серию, нужную для установления индивидуальной и подвидовой его изменчивости?!»

Виды, подобные медведице Менетрие, представляющие по своему распространению далеко изолированные друг от друга участки когда-то сплошной и обширной области их существования, являются примерами, фактическим доказательством не только процессов видообразования, но нередко и свидетелями прошлой эволюции биоценозов и даже целых ландшафтов. Таких видов с разорванными ареалами довольно много в южных субтропических странах. Но их меньше в умеренных и особенно в холодных областях. Причины разрывов в распространении аркто-альпийских видов, к каковым надо отнести и медведицу Менетрие, очень сложны и требуют от натуралистов дополнительных и новых исследований.

По дороге к лагерю, когда мы уже спустились с горы Арсеньева, стало заметно, что из бассейна Хора на Лаобейлазу надвигается густой туман. Уже на вершине Цогугды он так плотно повис над гольцами, что нам с некоторыми трудностями приходилось ориентироваться в тех разветвлениях-отрогах, которые идут от гольца Цогугда в сторону Бикина. Отойдя же от осевого хребта, мы, естественно, могли бы забрести в сторону. Наше возвращение осложнялось еще и тем, что наступали сумерки и потерять дорогу в незнакомых горах, одетых туманом, было очень легко. Всё, однако, обошлось благополучно; и я думаю потому, что вершина Цогугда, представлявшая собою чистый голец, позволяла нам довольно быстро идти и держать верное направление. В совершенной темноте в начале одиннадцатого часа мы подошли к нашим вещам. Я, Кононов и Шибнев настолько устали, что не в состоянии были что-либо сделать и, упав около поставленных рюкзаков, несколько часов не

могли подняться с места. Неутомимый же Сатима развел костер и согрел для всех чай.

Вскоре начался сильный ветер. Он, как это обыкновенно бывает в тайге и в горах, предвещал изменение погоды. Ветер принес и сильное понижение температуры ночью. Спали урывками, так как мерзли, грелись у костра и снова дремали. И так до рассвета.

Утром мы были очень разочарованы испортившейся погодой. Сильный и холодный северо-западный ветер гнал туман из долин хорского бассейна в распадки Бикина. Туман то редел, то становился плотнее и в этом случае часто сопровождался дождем. В минуты его поредения и даже разрывов перед нами, как движущаяся тень, показывалась гора Берга, но вскоре исчезала, затягиваясь пеленой тумана.

Наши надежды посвятить еще день изучению гольцов не оправдались. Бушевал ветер, и моросил дождь. Попытки найти что-нибудь на гольцах в такую погоду также оказались напрасными. Сегодня все было здесь скрыто и недоступно для наших исследований. Какой контраст по сравнению со вчерашним днем, когда гольцы были так полны жизни! В такую плохую погоду мы еще могли находить в субальпийской зоне специфических для нее короедов, развивающихся, главным образом, на кедровом стланнике. Шибнев, разыскивая птичек в этих условиях, добыл синехвостку и крапивника — также характерных видов для субальпийской или подгольцовой зоны.

В два часа дня, когда стало ясно, что погода не улучшится, мы решили возвратиться ко второму лагерю, расположенному у последнего ключика с водой, ведущего к Лаобейлазе. Я всегда с сожалением покидал высокие вершины гор. В такие минуты особенно ярко представляешь возможности получения больших результатов при исследованиях и в то же время испытываешь неудовлетворенность достигнутым.

Грустно было расставаться с гольцами Лаобейлазы, которые по своей недоступности оказались совсем не изученными. Труднодоступные горные переходы и девственная тайга стоят препятствием при их исследовании. Не менее серьезным фактором выступает при этом и су-

ровый климат высокогорий. Разгневанные горные стихии — ветер, туман и дождь — нередко обрушиваются на путешественника и становятся непроницаемой завесой перед его любознательным взором.

Спустившись далеко по склонам к нижней границе субальпийского пояса, мы время от времени выходили из полосы туманов, и тогда на момент сквозь облака показывалось солнце. В природе тотчас начиналось оживление: всюду летали бабочки, на цветах копошились жуки усачи и менее подвижные шмели, в воздухе летали пестрые мухи сирфиды, в кустарнике слышались голоса мелких птичек. Но стоило только спрятаться солнцу и показаться над цветущими горными лужайками туману, как снова все исчезало, уходило в убежища до нового, такого же непродолжительного оживления. Эти периодические смены жизни, ее пароксизмы, так резко выраженные здесь в горах, могли выработаться только в условиях крайне неустойчивого климата зоны гольцов и субальпийского пояса.

Проходя ельник, мы заметили, что здесь уже не было тумана. Он остался выше в горах, покрывая шапкой вершины Лаобейлазы. Направляясь вниз приблизительно тем же путем, каким поднимались к гольцам, мы быстро миновали зону елово-пихтовой тайги и к вечеру были у своего второго лагеря. Все в нем находилось в полном благополучии. Попрежнему стояла палатка и неприкосновенны были в ней наши продукты. О последних нам приходилось беспокоиться потому, что забредший в лагерь медведь мог разорить палатку и уничтожить остатки наших пищевых запасов.

Весь день 22 июля мы шли горными смешанными лесами. Вначале, на высоте 800—600 метров, в так называемой переходной зоне, нам часто попадались аянская ель и белокорая пихта. Ниже, нас все время окружали уже различные кедрово-широколиственные леса. Начавшаяся портиться еще на Лаобейлазе погода оставалась и здесь, внизу, мало благоприятной. Сплошная облачность и мелкий дождь затрудняли нам находить и собирать жуков и бабочек. Совсем мало встречалось птиц. В этот же день, уже поздним вечером, мы случайно подошли к одному из знакомых мест, которое послужило нам

несколько дней назад для разбивки лагеря и организации ночлега. Было даже приятно снова заночевать на «обжитой» территории. К тому же здесь оставался запас заготовленных дров и было хорошо расчищено в тайге пространство для палатки.

В сумерках на костер начался обильный лёт бабочек, который объяснялся тем, что приближалась гроза. Слышались близкие раскаты грома. Молнии, несмотря на то, что мы были скрыты под пологом многоярусного старого леса, так ярко озаряли нас, нашу палатку и всю чащу тайги, что, казалось, нигде не было вокруг уголка, который оставался бы под покровом темной ночи. Вскоре начался дождь. Сатима и Шибнев ушли в палатку. Я и Кононов долго еще не могли расстаться с массой летающих бабочек, хотя всюду уже становилось сыро и дождь усиливался. По нашим сборам я видел как здесь было много интересного, но подробнее решил рассмотреть все это утром. Сейчас же необходимо было сохранить коллекции; все приходилось укрывать в ящики и изолировать от влаги.

Наконец, дождь и нас прогнал в палатку. Начинались наиболее памятные моменты этой грозы. Молнии теперь загорались не где-то в отдалении, а вспыхивали близко и часто. В нашей палатке становилось так светло, что можно было хорошо рассмотреть каждого из нас. Удары грома, нередко многократные, катились совсем низко над лесом. Следуя непрерывно, они наполняли воздух той канонадой звуков, когда все в природе, кажется, внемлет им и ждет обновления.

Вскоре хлынул настоящий ливень. Он окончательно потушил наш костер и своим шумом разбудил подавленную громом и молнией девственную тайгу.

Гроза продолжалась недолго. К 12 часам ночи она уже прекратилась. Тучи унесло к югу, в долину Бикина.

23 июля утром я прежде всего пересмотрел вчерашние сборы бабочек. Среди других, заслуживающих внимания видов были два, которые особенно поразили меня. Один из них относился к медведице из рода спиларкция, имеющей монотонную белую окраску с рядом розовых поперечных пятен на передних крыльях. Ближе всего этот вид подходит к гималайскому — спиларкции ро-

дофиля, если только он не является совершенно новым для науки. Вообще же нахождение в горах Сихотэ-Алиня видов, общих или очень близких к гималайским, не ново. Как прежними исследователями энтомофауны края, так и мною такие виды находились неоднократно. Все это указывает на то, что между этими странами, так далеко отстоящими друг от друга, в отдаленнейшем прошлом были моменты, которые могли привести к сближению их фаун. Причем как в Гималаях, так и в Сихотэ-Алине эти общие или близкие виды чаще всего являются горными; только в Гималаях они встречаются на больших высотах — до 1500—2000 метров, тогда как у нас в горах они не заходят выше 800—1000 метров.

Вторая бабочка оказалась крупной листоверткой из рода *церацеопсис*, имеющей красивый мраморный рисунок передних крыльев. До настоящего времени из этого рода известен еще один вид с острова Иезо, из Японии. Найденный нами экземпляр, по всей вероятности, является новым для науки видом.

Открытие теперь в горах Сихотэ-Алиня этого рода, а еще раньше и другого, близкого к нему рода *евридокса*, имеющих облик крупных тропических листоверток, позволяет разрешить, пожалуй, один из самых заманчивых вопросов зоогеографии Восточной Азии. Если род *евридокса* связывает уссурийскую фауну через виды близкого к нему рода *цераце* с фаунами индо-малайской и китайской, то род *церацеопсис* сохраняет более близкие связи, еще не порванные нити былой эволюции, между восточноазиатскими и горными южноамериканскими родами этой группы листоверток.

Несмотря на то, что вчера весь день стояла пасмурная погода, мы прошли большое расстояние и сегодня предполагали выйти к Бикину. Однако этого нам не удалось сделать, так как путь, особенно после перехода через реку Гангату, оказался очень тяжелым. Несколько раз мы теряли ориентировку в дебрях беспредельных лесов. Сатима в таких случаях взбирался на высокие деревья, и уже после этого мы определяли направление и двигались дальше. Заночевать пришлось в одном небольшом распадке у истоков ключика. Трудно было

сказать, куда приведет этот ручей, если начать идти вниз по его течению. Он может впадать совершенно самостоятельно в Бикин, что для нас было бы приемлемым, но он может направиться и в реку Гангату — тогда мы зайдем далеко в сторону. Поэтому Сатима, верный своему принципу ходить по тайге «прямо», утром повел нас снова через горы и долины. Больших водоразделов и глубоких падей не было по пути. Рельеф становился мягче. В составе лесов все чаще встречались такие долинные породы, как белокорый ильм и бархатное дерево. Из бабочек появился крупный сатир Шренка — верный спутник уссурийских приречных лесов. Все говорило о том, что долина Бикина должна быть где-то недалеко от нас.

Последние два дня питание наше было далеко недостаточным. Оставалось немного вяленой рыбы да не более полкружки риса в день на человека. А сегодняшней обед состоял даже из совсем небольшого количества рыбных крошек и уменьшенной порции риса. Поэтому идти густыми долинными лесами, перемежающимися часто заболоченными полянами и зарослями сорбарии, представляло для нас немало затруднений. К 4 часам дня мы вышли, наконец, к берегам Бикина, которые оказались для всех незнакомыми. Оставив нас отдыхать, Сатима направился в разведку. Не более как через полчаса он вернулся и рассказал, что мы взяли несколько влево и вышли выше Горелой сопки. По его словам, в четырех или пяти километрах ниже по Бикину расположен наш лагерь. Видя нашу усталость, он предложил продолжать отдых, а сам решил пойти берегом Бикина к лагерю, чтобы, взяв там бат, приехать за нами. Тронутые его заботой, мы предложили идти всем вместе. Однако он настойчиво рекомендовал сделать именно так, как советовал, убеждая нас, что он один, без вещей, дойдет до лагеря очень быстро и тотчас же придет за нами. Мы согласились. Сатима взял с собою ружье и нож и тотчас направился в путь.

Вскоре нам пришлось разбивать палатку, так как временами накрапывал дождь. Последние дни погода была переменной. Снова могли вернуться солнечные дни или могло наступить затяжное ненастье, связан-

ное в это время года нередко с обильными осадками и как следствие этого — наводнением.

Не более как часа через два мы услышали приветственные радостные голоса Дмитрия и Володи и, подбежав к берегу, увидели приближающийся к нам бат, наших батчиков и вместе с ними Сатиму. Как приятно было встретить и снова беседовать с нашими товарищами, которых не видели десять дней. Погрузив все вещи в ульмагду, мы быстро понеслись вниз по течению Бикина. Вскоре бат свернул в более спокойную протоку, и через полчаса он подошел к лагерю.

Глава X

От Горелой сопки до реки Улунги

До обеда 25 июля все занимались неотложными делами, накопившимися за время похода на Лаобейлазу: стирали белье, чинили одежду и обувь. Володя и Дмитрий устраивали высокий лабаз, на котором решили оставить некоторые вещи и часть продуктов, необходимых нам при возвращении. Кроме того, мне нужно было закончить некоторые записи в дневнике, а Кононову — уложить все собранные энтомологические коллекции. Шибнев делал то же самое со шкурками собранных птиц.

В три часа дня все было закончено, и мы выехали вверх по Бикину. Отказывая себе в каком-либо отдыхе, нам необходимо было торопиться, чтобы продолжить исследования по Бикину до впадения в него реки Улунги, а затем начать спуск вниз по реке и закончить все работы к середине августа.

С утра погода хмурилась. Сплошная облачность покрывала небо. Временами шел дождь. Тем не менее это не остановило нас. Мы решили сегодня доехать до речки Лаухе, левого небольшого притока Бикина, впадающего в последний не более 12—15 километров выше от лагеря. Не прошло и часа после нашего отъезда, как начался дождь, который через непродолжительное время перешел в ливень. Сатима, ехавший впереди на оморочке, успел проскочить почти весь путь, и дождь захватил его уже близ Лаухе. Нам же, попавшим под ливень, пришлось пережить не мало тяжелых минут. Наши надежды,

Мальчик-удэгеец из стойбища Лаухе.

что дождь скоро перестанет и тогда нетрудно будет проехать небольшое расстояние до Лаухе, оказались напрасными. Более двух часов нам буквально пришлось бороться с разыгравшимся ненастьем. За все это время ливень прерывался лишь на короткие моменты, между которыми по 15—20 минут он шел настолько сильно, что падающие с неба водные струи казались сплошными и застилали все вокруг. Потом он немного стихал и переходил в мелкий сеющий дождь, но не надолго, а через 5—10 минут снова возобновлялся.

Бат так быстро наполнялся водой, что мы едва успевали вычерпывать ее. Все время стояла угроза его затопления. Вымокли все до последней нитки. Причаливание к берегу и временные укрытия от дождя не помогали. Володя и Дмитрий, несмотря на очень напряженный физический труд, не могли согреться. Легко одетые, они тряслись от холода и стучали зубами. Видно было, что работать они уже не в состоянии. У некоторых из нас, как говорят, начали опускаться руки и появилась растерянность. Положение осложнялось. Так как ехать дальше было невозможно, мы пристали к косе, находившейся поблизости, и решили развести костер и отогреться. Володя с Кононовым, взяв пилу, пошли в лес напилить сухих ясеневых дров, которые, как известно, дают много тепла. Все остальные тем временем разгрузили бат, перевернули его вверх дном и, насколько было возможно, натянули на шесты полотнище брезента, под которым можно было найти убежище.

Разжечь большой костер мы сумели довольно быстро. Для этого нам пригодился бензин, которым пользовались в качестве горючего при заправке специального фонаря для ловли ночных бабочек. Около костра все нашли «спасение». Более часа мы жались к огню, согрелись и подсушили одежду.

К 7 часам вечера дождь прекратился. Пользуясь моментом, мы спустили наш бат на воду, погрузили вещи и, работая дружно шестами, быстро поплыли дальше. Не более как через час бат подошел к Лаухе. Неожиданно для нас в этом местечке оказалось несколько домиков, в которых жили три семьи: брат Сатимы, наблюдатель Сихотэ-Алинского заповедника Белоусов и кол-

хозник-пасечник из села Улунги. Мы устроились у Белоусова. Все вещи поздно вечером перенесли к нему, так как надежды на улучшение погоды не было. После сегодняшнего приключения все спали крепко.

26 и 27 июля непрерывно шел дождь. При этом небо было постоянно затянуто грязносерыми облаками. Дул небольшой восточный или юго-восточный ветер.

К вечеру 27 июля с реки стал доноситься сильный шум. Вода в Бикине поднялась до двух метров, наполнила сухие старицы и протоки и начала затоплять низкие берега. По главному руслу реки часто проносился легкий плавниковый лес и время от времени показывались огромные сухие корчи, подхваченные водой где-либо на косах, или плыли только что подмытые у берегов свежие крупные деревья различных пород. Началось наводнение.

Наши далекие экскурсии приостановились. Все внимание было сосредоточено теперь на наблюдениях за наводнением.

К одиннадцати часам следующего дня дождь прекратился. Сквозь поредевшую толщу серых облаков иногда пытались пробиться солнечные лучи, но это им так и не удалось. Однако тепло определенно чувствовалось. Началось оживление в природе. У опушки леса появились бабочки хвостосцы, а в тенистых зарослях — крупные сатиры Шренка.

Несмотря на прекращение дождя, вода в Бикине прибывала и заливала новые участки поемных лесов. У высоких, редко когда заливаемых берегов она подошла так близко, что, казалось, вот-вот затопит их и покроет все пространство долины.

Страшное и в то же время величественное зрелище представляла теперь река. Вода не шла в ней спокойно, а неслась высокими валами, которые набегали друг на друга, разбивались и катились дальше, создавая всеобщий гул. Удары и шуршание перемещающейся донной гальки и неокатанных камней еще больше увеличивали шум реки, а врывающиеся в него частые стоны вываливающихся у берегов лесных великанов создавали потрясающее впечатление, дополняемое картинами плывущих по реке совершенно сохранившихся — с корнями и кро-

нами — недавно еще росших деревьев. Можно было часами стоять на берегу реки и наблюдать ее могучую, разрушительную силу.

29 июля началось постепенное улучшение погоды. Утром был густой туман. Барометр медленно повышался. Днем временами показывалось солнце. Все больше и больше оживал мир насекомых. Различные паразиты — комары, мошка, мокрец, исчезнувшие во время дождей, что было связано тогда с некоторым похолоданием, теперь, при температуре в двадцать один градус, вновь показались в несметных количествах и мешали работать. Река все еще оставалась разъяренной, хотя уровень воды в ней немного упал. Она шумела и бурлила попрежнему. Вокруг нее стояли затопленные леса и наклоненные в сторону течения береговые ивовые заросли. По реке часто проносился различный плавник, и время от времени проходили свежие водовальные деревья.

Немалое значение имеет наводнение для животных, обитающих по берегам и островам реки. Этот вопрос я уже неоднократно затрагивал в предшествующих главах. Сейчас же я хочу остановиться только на некоторых, отмеченных в связи с этим наблюдениях.

На одном из полузатопленных островков молодые зайцы, окруженные со всех сторон водой, были совершенно беспомощны. Их легко было поймать руками. Застигнутые, вероятно, врасплох наводнением, они не успели перебраться к коренному берегу реки и теперь ждали спада воды, который позволил бы им избавиться от беды. В период наводнения, когда бурные воды даже в узкой протоке способны потопить хорошо плавающих животных, последние вообще предпочитают отсиживаться до благоприятного момента на тех местах, где захватило их наводнение. Так получилось и с зайцами и с другими наблюдаемыми нами животными.

На втором залитом островке было обнаружено несколько лесных полевок, которые, спасаясь от воды, не пустились вплавь к берегу, а забрались на ветки ивовых кустарников и ждали там своей участи. Вспугнутые, они перепрыгивали с ветки на ветку или же, упав в воду, снова забирались по стволикам. Все это говорило о том, что наблюдаемые у этих мелких долинных грызунов при-

вычки, несомненно, выработались в результате долгого их приспособления к резко меняющимся условиям обитания.

В другом случае несколько лесных мышей приютились на одной высокой валежине, которая выдавалась над водой сантиметров на двадцать. Наконец, интересно было наблюдать за несколькими мелкими мышевидными грызунами, которые сидели на стволе большого плывущего дерева; пронеслись они довольно быстро, и трудно сказать, какая судьба ждет этих вольных или невольных переселенцев. В одних случаях животные могли попадать на плывущие деревья при условиях, когда последние являлись водовальными и при падении в воду захватывали с собой вместе с вывороченными корнями и живущих в лесной подстилке землероек и полевок. В других случаях животные переходили на плывущие деревья из каких-либо убежищ, которые возникают при широком затоплении береговых лесов и около которых мог задержаться сносимый рекой различный плавник. Вообще можно сказать, что влияние наводнений на животных береговых и долинных лесов, несомненно, очень велико. К сожалению, это явление в нашем крае еще изучено очень плохо. В этом отношении предстоит большая и плодотворная работа исследователей.

30 июля погода улучшилась. Барометр поднялся на 5 миллиметров. Солнце светило чаще и ярче. Шум реки начал стихать, и к вечеру вода в ней упала до 20 сантиметров.

31 июля был хороший солнечный день. Воспользовавшись этим, мы направились на экскурсию в окрестности Лаухе, которые привлекали меня еще со дня нашего приезда.

Растительность и животный мир Бикинской долины в районе речки Лаухе имеют некоторые особенности. Здесь я не встретил маньчжурского ореха и амурской акации. Очень редки в лесах бархатное дерево и жимолость Маака. Такие же породы, как белокорый ильм, маньчжурский ясень, лимонник, маньчжурская лещина и некоторые другие, хотя и не редки, но оставляют впечатление измельчания и угнетения их другими, преимущественно хвойными породами. Нет близ Лаухе тех бо-

гатых ильмово-широколиственных лесов, которые так часты в долине нижнего и особенно среднего течения Бикина. Наоборот, в окрестностях Лаухе на невысоких горных склонах, да нередко и в долинах, получила широкое развитие елово-пихтовая тайга. Повсеместно встречаются лиственничные мари. Наконец, представляют известный интерес травянистые участки, возникшие на месте прежних полей, которые, как рассказывал нам наблюдатель Сихотэ-Алинского заповедника, раньше возделывались здесь жителями Улунги.

Из животных смешанных и широколиственных лесов до Лаухе не доходят или становятся редкими черный медведь, харза, или непальская куница, енотовидная собака, изюбрь и даже кабан. Из птиц я не наблюдал здесь ни разу ширококрылой кукушки и синей мухоловки, которые все еще обычны на реке Гангату. Из бабочек исчезли в местных лесах радужница Шренка, пеструшка Прейера, а из ленточниц обитает здесь только ленточница спирейная. Проходит, очевидно, у Лаухе и восточная граница распространения по Бикину двух крупных и красивых уссурийских бабочек павлиноглазок — волнистой и артемиды.

В связи с широким развитием на Лаухе елово-пихтовой тайги и лиственничников встречается сохатый, а из птиц в тайге, по словам местных жителей, попадаются каменный глухарь и даже черный рябчик, или дикуша. Наконец, на травянистых стациях в окрестностях Лаухе мы нашли гнездящегося лугового конька. Здесь же держались и удоы. В густой траве я неоднократно обнаруживал жаб, которые неуклюжими движениями пытались уходить. Из бабочек, характерных для открытых безлесных ландшафтов, в этих условиях мы собрали следующие виды: клеверную желтушку, сибирского сатира, клетчатого сатира Менетрие и некоторых других. Нахождение всех этих сухолюбивых видов на небольших островках луговой растительности дает все основания говорить о том, что проникли они сюда берегами реки с низовий Бикина, где луговая фауна представлена довольно богато.

Возвратились мы сегодня только к вечеру. Экскурсия оказалась интересной и дала много коллекционного ма-

териала. С нами ходил удэгейский мальчик Иосиф Геонка — племянник нашего проводника Сатимы. Жил он в Лаухе со своими родными. Товарищей у него не было. Он очень скоро привязался к нам, усвоил технику собирания насекомых и был хорошим помощником в экскурсиях.

Осмотр реки показал, что вода в ней за один день упала до полутора метров. Бикин входил в нормальное русло. Не слышно было и его вчерашнего шума. За ночь вода должна еще упасть, и утром можно будет уже идти ботом на шестах. Завтра, первого августа, мы решили тронуться в дальнейший путь.

П. Н. Белоусов, у которого нам пришлось жить все дни во время наводнения, оказался очень интересным таежником. Несколько лет подряд он ходил с геологическими партиями сначала на Амур, а затем в Сихотэ-Алинь, в самые верховья Бикина. Он побывал на всех больших высотах, из которых наиболее интересными, с его точки зрения, являются сопки у истоков Бикина по речке Ади. Все их вершины, как говорил Павел Николаевич, покрыты мхом, в котором гнездятся тундряные куропатки. Несомненно, эти вершины являются типичнейшими гольцами, и, судя по нахождению на них этой птицы, можно предполагать, насколько богато представлена там аркто-альпийская фауна. Идущим за нами на смену натуралистам-исследователям выпадет счастье первыми увидеть и описать эту интересную фауну.

П. Н. Белоусов так пристрастился к тайге, что к зиме, когда все работающие с ним в геологической партии товарищи возвращались в города, он уходил в тайгу на охоту.

Работа в Сихотэ-Алинском заповеднике в качестве наблюдателя пришлась ему по душе; несмотря на то, что его наблюдательный пункт является наиболее удаленным от центра заповедника, он мирится с этим. Администрация заповедника, как он говорил, принимает во внимание трудность обслуживания этого пункта и разрешает ему отбивать для питания медведя или кабана.

Утром первого августа мы простились с Белоусовым, сфотографировали на память его с женой, домик-кордон и двух молодых щенят, из которых он воспитывал

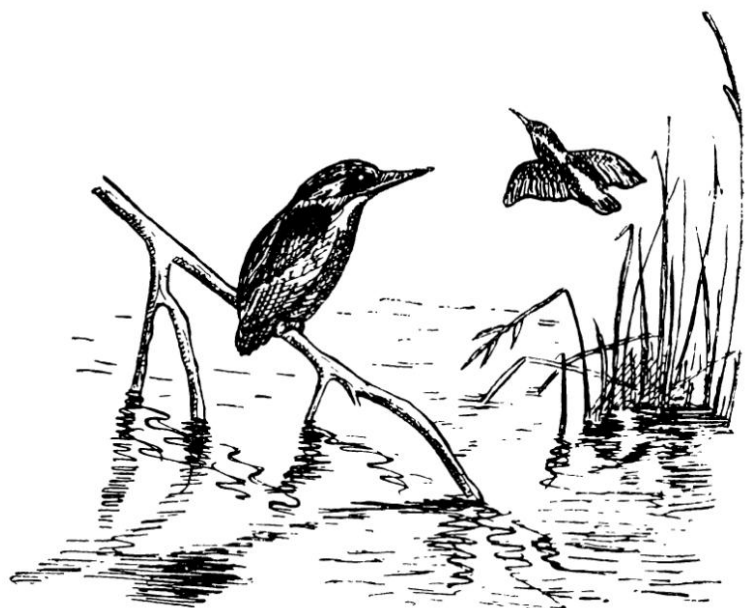
хороших охотничьих собак на крупного зверя. Провожая нас, уже на берегу реки, он высказал свое большое желание быть нашим проводником к истокам Бикина и просил написать ему, когда мы организуем туда специальную экспедицию.

Сатима еще вчера просил меня разрешить ему не ехать с нами дальше, так как он считал, что свою задачу проводника на Лаобейлазу он выполнил. Сейчас же, в Лаухе, вместе с братом он хочет сделать для себя бат. Я с ним вполне согласился, хотя мне было и очень жаль расставаться с товарищем, пережившим вместе с нами самые тяжелые и в то же время самые лучшие для меня моменты нашего путешествия. Он пришел к бату проводить нас. Я крепко пожал ему руку, поблагодарил за отличную работу проводника. Оба мы надеялись еще встретиться если не в Лаухе, то в Сяине при обратном нашем возвращении.

Стояла чудесная погода, когда наш бат, покидая Лаухе, направился дальше вверх по Бикину. Лучи солнца, пронизывая чашу лесов и согревая еще не совсем отстоявшиеся воды реки, сегодня светили особенно ярко. Они как будто спешили скрыть все те изменения и нарушения, которые произошли в природе за последние дни. Однако последствия наводнения наблюдались всюду близ реки и мимо них нельзя пройти без внимания. Ивовые заросли возле берегов были «положены» водой до самой земли, а некоторые деревца очутились в толще наносов. На ветвях были заметны закрутки из различного лесного мусора, переносимого водой. Время от времени с берегов срывались кулички перевозчики и горные трясогузки, которые, издавая печальные пiski, садились снова невдалеке. Вполне возможно, что гнезда некоторых из них были снесены наводнением, и старые птицы, верные своим гнездовым участкам, продолжали оставаться здесь. Могло быть и так, что вместе с гнездом погиб один из родителей, а другой и сейчас еще продолжает искать погибшего.

Много вываленных с корнями деревьев река снесла вниз, немало их осталось по Бикину между Лаухе и Улунгой. Последние, вероятно, относятся к более позднему плавнику, принесенному сюда с верхнего Бикина или

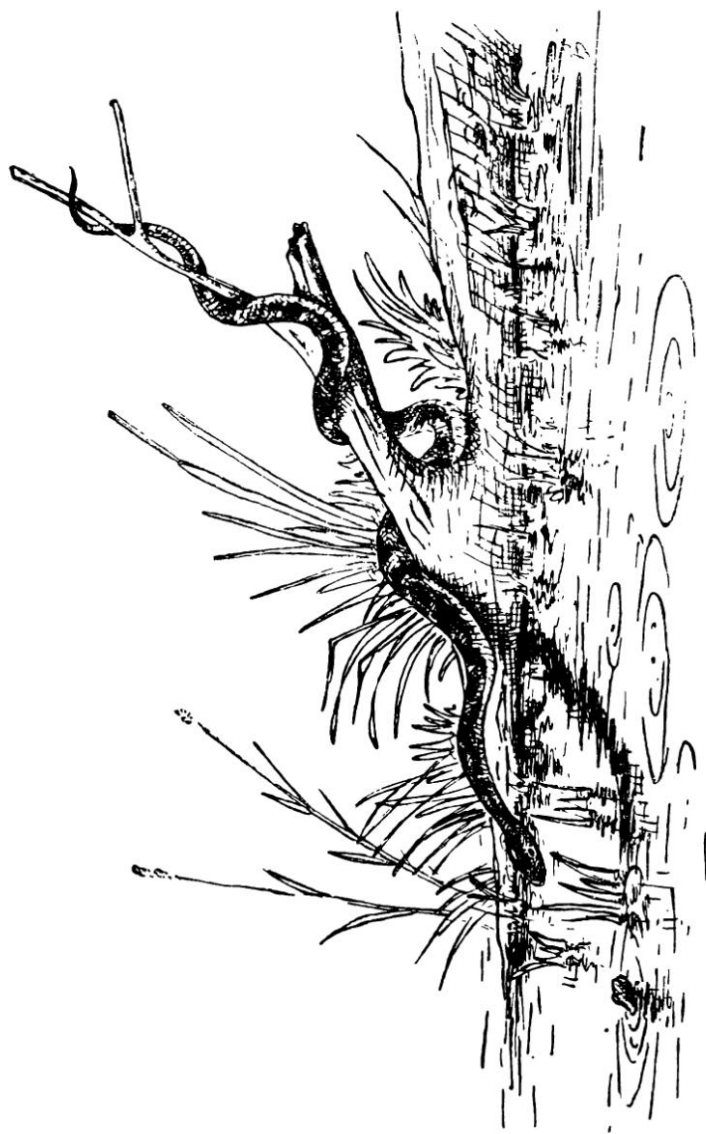
низовий его больших притоков. Течение реки разбросало плавающие деревья по отмелям или остановило их на косах и у заломов. Осмотр таких деревьев показал, что при окружении их со всех сторон водой на них остается в живых не только целый ряд насекомых, но и позвоночных. На одном, с хорошо сохранившейся кроной, ильме держался бурундук, а на огромном дереве тополя с

Зимородок.

мощной корневой системой продолжал жигь полоз Шренка. Кроме того, сегодня нами наблюдались переплывающие реку белка, колонок и ядовитая змея черный щитомордник. Так как эти животные совершали свою переправу в местах, где обычно встречались и островки плавникового леса, то вероятнее всего, что и они какое-то время являлись невольниками этих плавающих островков, а теперь, с падением воды в Бикине, покидают последние и направляются к берегам.

По берегам Бикина сегодня мы встретили мало галечниковых кос; многие из них еще не вышли из-под

Полос Шренка на плавающем дереве во время наводнения.

воды. Обнажились лишь только наиболее высокие. Интересно отметить, что на косах по берегу реки до Лаухе я наблюдал обычно большое оживление различных насекомых. Особенно богаты бабочками — пестрыми радужницами, ленточницами и красными перламутровками были залитые солнцем галечниковые косы. Здесь же мы могли собрать только радужницу обыкновенную, уссурийского махаона и несколько экземпляров непарной перламутровки.

Очень интересные наблюдения нам удалось провести над бабочкой синим хвостосцем. Как сегодня, так и в последующие дни нашего путешествия я убедился, что выше Лаухе встречается только более мелкая форма синего хвостосца. Она отличается от крупной его формы или собственно хвостосца синего тем, что имеет менее интенсивную темносинюю общую окраску и у нее снизу на задних крыльях почти не выражены перевязи зеленого опыления. В Лаухе же отмечены обе эти формы. В среднем и нижнем течении Бикина распространена только крупная форма. Таким образом, всю долину Бикина можно разделить на три зоны распространения этой бабочки. В окрестностях Лаухе совместное обитание этих двух форм, очевидно, объясняется сближением границ их распространения в данном районе, где, как уже говорилось выше, проходят границы распространения еще многих других животных и растений. Кроме того, по долине Бикина к востоку от Лаухе начинаются наиболее выраженные переходы ландшафтов смешанных и лиственных лесов в ландшафты более северной природы елово-пихтовой тайги. Наоборот, к западу от Лаухе по долине Бикина постепенно нарастает господство уссурийских лесов и сокращаются площади хвойной тайги.

Заслуживает большого внимания еще и биология указанных форм синего хвостосца. Если гусеница крупной формы живет на листьях бархатного дерева, то гусеница мелкой формы, распространенной в районах отсутствия этого кормового растения, проходит свое развитие на травянистом растении ясенце, который, так же как и бархатное дерево, относится к семейству рутовых и является таким же эфироносом, как и бархатное дерево.

В целом на примере распространения и биологии синего хвостосца в долине Бикина можно проследить как, в связи с изменениями в условиях обитания вида, идет и процесс его формообразования.

Несмотря на то, что плавание по Бикину сегодня вследствие все еще большой воды в реке было сопряжено с немалыми трудностями, мы проехали значительное расстояние. Миновали устья двух рек, впадающих в Бикин: справа — Бейселазы и слева — Кандагоу. Ночевали в 15 километрах не доезжая реки Улунги.

Утром 2 августа, продолжая наш путь, мы заметили на правом горном берегу реки выход базальтов. Я обратил внимание на то, что здесь, в скалах оказалась довольно богатая растительность. Среди господствующих деревьев монгольского дуба встречались еще липа амурская, клен мелколистный, горный ильм, боярышник Максимовича, черная и желтая березы. У самой реки росли ясень и белокорый ильм. Изредка деревья обвивал амурский виноград. Из хвойных пород виднелись кедр, ель и белокорая пихта. От Лаухе, даже от Горелой сопки, это был первый пункт с довольно хорошо сохранившейся уссурийской растительностью. Интересно отметить, что данный участок леса был строго приурочен к южному склону до высоты 50 метров, а выше склон резко переходил в платообразную равнину, покрытую марями, березняками и осинниками. Только в некоторых местах на плато оставалась елово-пихтовая тайга. Видимо, здесь когда-то прошел большой пожар и уничтожил хвойный лес. Еще ближе к Улунге, на южном же склоне, на протяжении до двух километров протянулся участок уссурийского широколиственного леса. Кроме названных выше растений, я здесь отметил еще маньчжурскую лещину, элеутерококк, малоцветковый бересклет и даже бархатное дерево.

В этих лесах сразу же бросилась в глаза и сопутствующая им уссурийская фауна. Различные пеструшки (Прейера, травяная, дубовая), ленточница Гельмана, маньчжурский клетчатый сатир и некоторые другие бабочки напомнили мне леса на реке Гангату или еще ниже по Бикину. Можно сказать, что этот уголок природы представлял своего рода остров реликтов с сохра-

нившимися уссурийскими видами животных и растений среди господствующих повсеместно северных лесов.

Ближе к устью Улунги южные склоны правого горного берега Бикина становятся более пологими. Они покрыты уже сплошь лесами из белой березы, возникшими вторично после пожара.

К вечеру мы въехали в реку Улунгу и через два километра подошли к поселку того же названия. Расположились на берегу лагерем в самом конце поселка, где стоял отдельно домик удэгейца Дмитрия Семанчуги — родственника нашего батчика Дмитрия Канчуги.

В Улунге мы предполагали пробыть не более двух дней и обследовать за это время прилегающие окрестности. К четвертому августа должен возвратиться из своего маршрута к Сихотэ-Алиню К. Г. Абрамов, а пятого совместно с ним мы должны начать обратный путь.

Население Улунги образовано, главным образом, за счет новых, приехавших сюда переселенцев, есть несколько семей и коренных жителей как русских, так и удэгейцев. Все население объединено в колхоз, занимающийся в основном разведением овощных культур. Отчасти высевают и зерновые. Несмотря на огромные расстояния, отделяющие эту горсточку людей от больших населенных пунктов (от Улунги до железной дороги 300 километров и через Сихотэ-Алинь до моря 150 километров), я не заметил, чтобы они испытывали свою отчужденность, живя среди огромных таежных пространств. Наоборот, в беседах с ними чувствовалось, что эти труженики тесно связаны с многонациональным советским коллективом. Они знали, что их не забывают. С помощью курсирующего от них до Имана самолета они поддерживают постоянную связь с краем и с центром своего района. Довольно аккуратно к ним доставляется почта, и в клубе можно всегда найти свежие газеты. В дни нашего пребывания в Улунге ждали «прилета» районного представителя из села Пожарского в связи с началом уборочных работ в колхозе.

3 августа мы отправились в экскурсию и посетили сопку, расположенную по правому горному берегу реки близ Улунги. Склоны сопки довольно крутые, и вершина ее поднимается до 800 метров. Эта возвышенность в от-

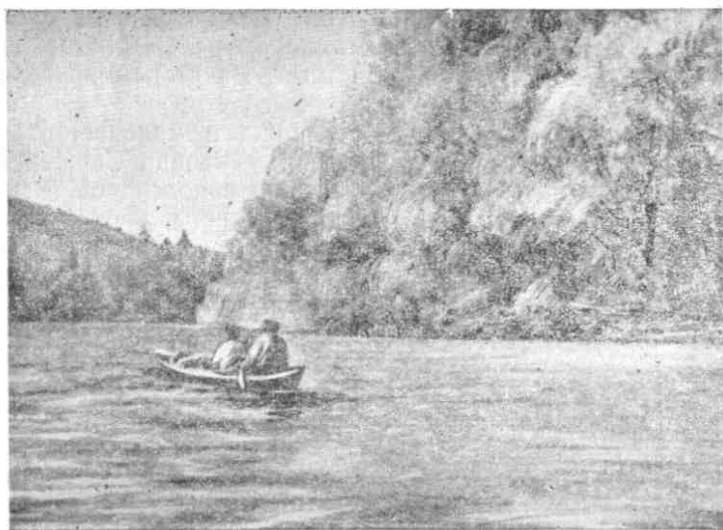
ношении растительности и фауны представляла большой интерес. Прежде всего, по вертикальному распространению на ней растений и животных можно выделить два пояса. До 550—600 метров идут дубовые леса с примесью других древесных пород — выходцев из различных ценозов. Выше развиты лиственнично-березовые леса. В покрове лесов обоих поясов очень часто встречаются сплошные заросли брусники.

В нижнем поясе, кроме дуба, росли в первом ярусе еще черная и белая березы, липа амурская, лиственница даурская и клен мелколистный. Во втором ярусе, в затененных условиях, встречались амурская рябина, желтый клен, маньчжурская лещина и малоцветковый бересклет, а на открытых полянах — калина Сарже́нта, боярышник Максимовича, даурский рододендрон и местами — леспедеца двуцветная. В покрове, кроме брусники, я отметил еще ландыш, купену, джефферсонию, бубенчики и другие травы светлых лесов. Вообще улунгинская дубрава представляет сложную смесь растений различных ландшафтов. То же самое наблюдается и в отношении фауны насекомых, собранных нами в поясе дубового леса. Кроме характерных лесных бабочек (амурская радужница, травяная пеструшка, маньчжурский клетчатый сатир) здесь попадались виды сухих лугов (например, сибирский сатир и клеверная желтушка), скальных обнажений (каменистый сатир), северо-лесные виды (пеструшка спирейная, лишайница деплана) и даже виды гольцов и субальпийского пояса (бархатница Седакова, пяденица ортолита).

Второй пояс лиственнично-березовых лесов по сравнению с нижележащим значительно обеднен в отношении флоры и фауны. Помимо видов трех последних групп из пояса дубравы, в нем мы нашли еще горного мраморного сатира и аянскую бархатницу. На самой же вершине, представляющей открытое пространство, сплошь покрытое брусникой, в большом количестве носились и играли в воздухе махаоны.

Возвращаясь домой, в долине Улунги на лиственничной мари мы вспугнули большой выводок каменного глухаря. Птицы вели себя непугливо, перелетая по редколесью от одного дерева к другому.

Четвертого августа вернулся из своей поездки к горам Сихотэ-Алиня К. Г. Абрамов. Его исследованиями удалось выяснить новые богатые местонахождения сохотого, произвести интересные наблюдения по биологии этого копытного и отстрелить одного животного для всестороннего изучения морфологии последнего и выяснения степени заражения его паразитами.

Река Улунга в нижнем течении.

Сегодня до обеда была сделана еще экскурсия в приречные леса Улунги и на марь для изучения животных, обитающих в данных условиях. Вторая половина дня ушла на подготовку к завтрашнему отъезду. Необходимо было отремонтировать бат, пополнить запас продуктов, уложить коллекции и подвести итог всем записям в дневнике. Вместо Егора Пионки, который ожидал Абрамова в Лаухе, с нами поедет на большой оморочке Дмитрий Семанчуга, который по делам колхоза должен побывать в Лаухе.

Мне как-то не хотелось думать, что сегодня мы за-

канчиваем свои работы, а завтра начнутся последние дни нашего путешествия.

Окидывая взором ход наших исследований, необходимо коротко остановиться на некоторых особенностях животного мира Бикинской долины, о которых раньше я не имел возможности высказаться или говорил только отчасти.

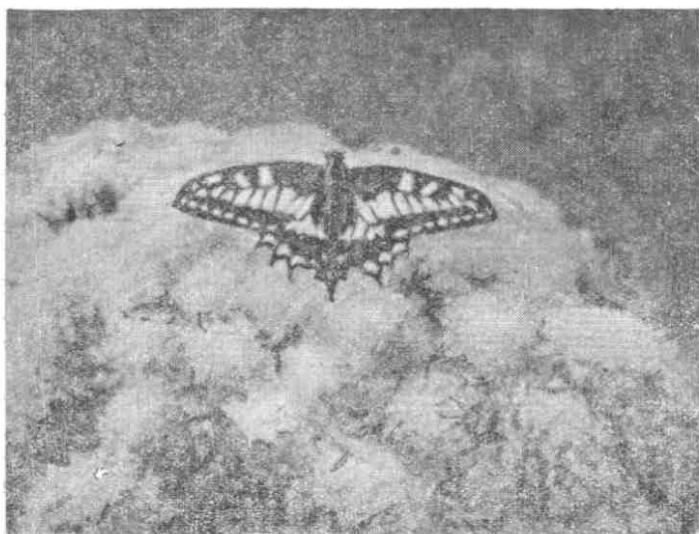
Я хочу коснуться вопроса о миграциях животных в бассейне Бикина, которые нами изучались во время работ экспедиции. Сведения об этом частично я получил от русских и удэгейских охотников, проживавших долгие годы на Бикине.

Выше неоднократно уже говорилось, что фауна в долине Бикина представляет очень сложную мозаику различных группировок и взаимоотношений между ними. В целом характер этих взаимоотношений определяется сочетанием двух основных ландшафтных зон: более южной — смешанных и широколиственных лесов — и более северной — елово-пихтовой тайги и лиственничников. По мере движения вверх по долине Бикина, наблюдается постепенное отступление фауны смешанных и широколиственных лесов и одновременно нарастание фауны хвойной тайги. Этот процесс исторически возник уже давно и продолжается по сей день. Работами нашей экспедиции получены многие данные, подтверждающие ту закономерность, что в текущий момент зона елово-пихтовой тайги проявляет большую биологическую мощь и постепенно смещает ландшафты смешанных и широколиственных лесов. Особенно показательным фактом в этом отношении является нахождение реликтовых островов уссурийской фауны среди господствующей повсеместно елово-пихтовой тайги.

Но, кроме этих, исторически длительных миграций, в фауне долины Бикина происходят и более быстрые сезонные переселения животных, которые связаны с изменениями по временам года. Они также протекают от одной ландшафтной зоны к другой, идут как от нижнего к среднему течению реки к верховьям ее, так и наоборот.

Некоторые из животных смешанных и отчасти лиственных лесов среднего Бикина летом нередко заходят до Улунги и даже выше по Бикину, то-есть отдельные

особи этих видов покидают характерные станции их обитания и могут жить, казалось бы, в несколько чуждой для них обстановке — в зоне почти сплошного распространения елово-пихтовой тайги.

Уссурийский махаон.

Из млекопитающих к таким видам можно отнести изюбря, козулю, кабана и отчасти харзу и черного медведя. Из уссурийских птиц летом вверх по Бикину заходят значительно дальше мест их гнездований следующие виды: широкорот, личинкоед, маньчжурская овсянка, утка мандаринка и некоторые другие. Даже из бабочек вверх по Бикину, пользуясь его косами и открытыми берегами, проникает целый ряд видов, отличающихся быстрым полетом; к ним относятся уссурийский махаон, непарная перламутровка, амурская радужница, сибирский сатир и клеверная желтушка.

Основной причиной расселения, выхода названных видов из своих более или менее постоянных местообитаний является, прежде всего, недостаток в последних пищи, а для некоторых видов, может быть, эти миграции

связаны и с приисканием ими новых территорий при размножении. Наконец, на данных примерах миграций можно усматривать и сохранение «инстинкта памяти» у некоторых из названных видов, которые идут к тем местам, где когда-то жили их предки и где раньше смешанные или широколиственные леса — характерные их станции обитания — пользовались широким распространением.

Осенью птицы и большинство из указанных млекопитающих начинают обратные миграции к среднему и даже нижнему Бикину. Птицы вскоре улетают на юг, звери же остаются связанными со смешанными или широколиственными лесами. В снежные зимы ряд млекопитающих из пояса уссурийских лесов продвигается далеко вниз по долине Бикина.

Из названных бабочек многие, несомненно, так и остаются в местах их «залёта», где они нередко и приступают к размножению, найдя необходимые для гусениц кормовые растения. Наши наблюдения в то же время показали, что потомство мигрирующих бабочек нередко не приживается и гибнет в зоне их внедрения. Некоторое число особей бабочек, вероятно, возвращается вниз по долине реки.

Еще более широкий размах сезонных миграций наблюдается у животных елово-пихтовой тайги и высокогорной зоны. Летом сохатый от верховьев Бикина доходит почти до Сяина, пользуясь для этого спорадически встречающимися на его пути лиственничными марями. Зимой он откочёвывает обратно к горам Сихотэ-Алиня, где и отстаивается до теплых дней, как это было выяснено еще раньше К. Г. Абрамовым.

Из тайги верховьев Бикина зимой проникают до среднего и отчасти даже до нижнего течения этой реки горностай, заяц беляк, рысь и даже соболь и россомаха, которые весной вновь возвращаются к своим летним квартирам.

Из птиц в среднем и нижнем течении Бикина осенью показываются такие таежные и высокогорные виды, как кедровка, трехпалый дятел, мухоловка Мугимаки, корольковидная пеночка, свиристель, снегирь, синехвостка, горные коньки, крапивник и другие. Все эти птицы спускаются с гор в распадки небольших притоков Бикина, а

позднее достигают долины последнего. Поздно осенью, когда одни из названных птиц, а именно насекомоядные виды, отлетают на юг, другие остаются на зимовку в долине среднего или нижнего Бикина.

С весны происходят новые перемещения пернатых в бассейне Бикина. Все таежные, гольцовые и субальпийские виды, как из числа зимующих, так и из прилетевших с юга, начинают трогаться с низовой реки вверх по ее долине, растекаясь постепенно по притокам Бикина до их истоков, а затем направляются в горы до их конечных вершин, занимая летние станции своих местобитаний.

Если принять во внимание, что высокогорные бикинские птицы являются общими с глубоко северными видами, покрывающими в своих перелетах весной и осенью огромные пространства с севера на юг и обратно, то пути перелета их в бассейне Бикина являются в значительной степени уменьшенными за счет более коротких вертикальных миграций.

Таковы, в общих чертах, те сезонные миграции, которые совершаются животными в бассейне реки Бикина.

Глава XI

Обратный путь

Пятого августа началось наше возвращение к низовьям Бикина. Все, кто спускался по горным рекам на лодках, знают, какие большие пространства можно проехать в этом случае водой в течение даже одного дня. Мы не особенно торопились, нам необходимо было заехать по пути в ряд мест, в которых оставались какие-нибудь наши вещи или где предполагалось еще провести некоторые дополнительные исследования. Тем не менее мы промчались сегодня до 80 километров. Быстро вынесла нас Улунга на просторный Бикин, быстро пронеслись перед нами базальтовые скалы, подпирающие плато с правого берега реки, ушли вместе с ними и далеко заброшенные по Бикину реликтовые острова уссурийского леса.

Не доезжая Лаухе, с широких плесов реки я дважды увидел вершины Лаобейлазы. Один раз, еще утром, они показались лишь на мгновение и вскоре же исчезли, закрытые облаками. Второй раз, уже среди дня, они были совершенно чистыми и резко выделялись в далекой синеве горизонта. Глядя на них, я как будто вновь переживал дни недавнего путешествия. Скалистые стены и выступы горы Арсеньева, огромная шапка пологой сопки Цогугда и острый пик высоты Берга — всё это так близко и знакомо мне было теперь! Мысленно я пробежал весь маршрут нашего похода. Тяжелая ночь на вершине, незабываемые моменты энтомологических охот в гольцах, девственные леса Гангату, памятная гроза в

горах и новые радости натуралиста — все эти воспоминания ярко вставляли передо мною и зарождали еще больше желаний побывать опять на вершинах этих чудесных гор. Таково было мое прощание с уходящими от нас высотами Лаобейлазы.

На короткое время мы заехали в Лаухе. Здесь нас ожидал с батом Егор Пионка и его сын Надига. Отсюда они должны были везти часть экспедиционного имущества. На их ульмагду сели К. Г. Абрамов и Шибнев. Ни Белоусова, ни Сатимы в Лаухе не удалось застать: они были в тайге.

Сегодня мы прошли уже свыше 50 километров, но затратили на это не более четырех часов. Поэтому, рассчитав время нашего длинного пути, мы решили сегодня же спуститься до устья речки Гангату и заночевать на той косе, на которой когда-то проводили все приготовления для экскурсии на Лаобейлазу. По пути нам необходимо было заехать еще в протоку возле Горелой сопки. Там, на высоком коренном берегу Бикина, во время нашего похода в горы долго стоял лагерь экспедиции, и сейчас там сохранялись на специальном лабазе часть нашего имущества и некоторый запас продуктов. Прошедшее наводнение так сильно изменило берега протоки, что с трудом можно было разыскать место, которое служило нам раньше хорошим пристанищем. Ни большой косы, ни упавшего на нее огромного кедра, служивших хорошей приметой нахождения лабаза, здесь уже не было. Однако медленно проезжая вдоль берега, мы разыскали лабаз, в котором все оказалось в целости. В период наибольшего стояния воды он был поднят достаточно высоко, и ему не грозило наводнение. Коса же возле лабаза оказалась совершенно размытой; ее галька и песок переместились куда-то ниже по протоке. Ветровальный кедр, перегораживавший косу, также был подхвачен водой и унесен неизвестно куда. Так выглядели берега протоки после наводнения.

Выбравшись снова на Бикин, мы быстро понеслись вниз по течению. По берегам реки несколько раз показывались свежеполоманные со зрелыми ягодами деревья черемухи. Это, несомненно, была работа медведя, который, в роли собирателя урожая, ломал ветви, наклоняя

их до земли, или же, забираясь вверх по дереву, уродовал его вершину.

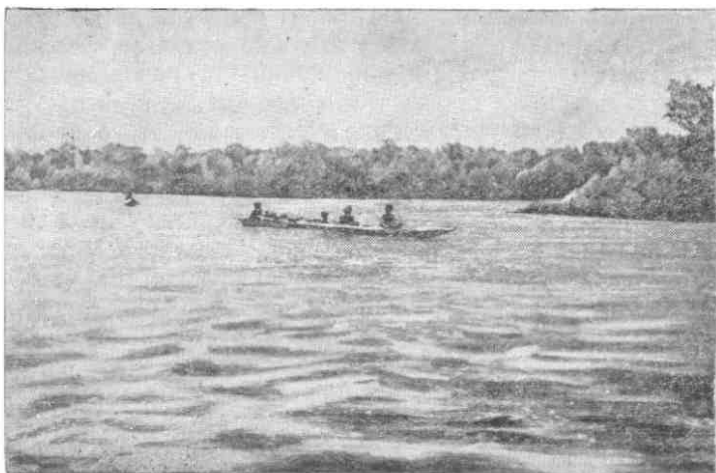
Вскоре мы подъехали к большому перекату Часа-Гуйани, миновав перед этим левую безымянную протоку, через которую пробирались когда-то несколько часов, поднимаясь вверх по Бикину. Перекат Часа-Гуйани является опасным для прохождения батов. На протяжении пяти или шести километров вода в нем несется со стремительной быстротой. Причем в местах наиболее заметных порогов образуются высокие валы, между которыми остаются глубокие понижения. От проводников требуется большое умение, чтобы провести ульмагду, разрезая гребни волн. Малейшее нарушение этого правила может привести к опрокидыванию лодки и гибели имущества, а нередко и людей. Также не менее опасными являлись и всюду разбросанные по перекату подводные камни, которые обыкновенно обнаруживались взбеливающимися струями несущихся волн. Рулевому надо быть все время начеку. Остальную более «спокойную» часть поверхности переката можно сравнить с поверхностью кипящей воды. Она является не опасной и, спускаясь перекатом, по ней обыкновенно и направляют баты.

Шум воды на перекате Часа-Гуйани настолько сильный, что улавливается уже за несколько километров. Когда мы подъехали к нему совсем вплотную, то, прежде чем тронуться дальше, отстаивались некоторое время у берега реки. Шум переката был подобен звуку ревущих водопадов в верховьях рек или гулу Бикина в разгар наводнения. Наш бат тронулся первым, за ним пошел бат Егора, а замыкала «караван» оморочка, на которую не без риска сел Шибнев.

Не более 10—12 минут неслись мы по перекату Часа-Гуйани, но сколько впечатлений и переживаний оставили эти моменты в каждом из нас!

С невероятной быстротой уходили теперь берега реки, и трудно было представить силу, которая могла бы сдерживать это движение. Не один раз мчались наши баты около подводных камней, и нередко всплески бурлящих рядом «белков» бросали нам в лодку воду. Возьми бат чуть-чуть в сторону, и он ударится о гранитную глыбу и разобьется в щепки.

В таком же опасном положении оказывались баты и в те моменты, когда они набегали на более гладкие, но глубокие пороги, по которым катились большие волны; их то вскидывало высоко вверх, то бросало в какую-то бездну, из которой, казалось, им не выбраться никогда. Но вот через несколько секунд волна снова поднимала их вверх, и они, как ни в чем не бывало, неслись дальше.

Пережат Часа-Гуйани.

Я очень боялся за судьбу Шибнева. Работая беспрерывно коротким веслом, он весь уходил в борьбу с водной стихией, и ничто тогда не страшило его. Игрушечной представлялась его оморочка, и думалось мне, что едет он, как говорят, напропалую. Однако всё обошлось благополучно. Мы счастливо миновали пережат и уже много ниже, где шум начал стихать, устроили долгий отдых, рассказывая друг другу различные детали переправы через пережат Часа-Гуйани.

В предшествующие дни нашего путешествия мы уже неоднократно убеждались в том, как много заложено в человеке способностей бороться с силами сопротивляющейся ему природы и что в этой борьбе эти силы увеличиваются еще больше, чтобы преодолевать все сто-

ящие на его пути преграды. Теперь мы еще раз вступили в борьбу со стихией и вновь вышли из нее победителями.

Проезжая через перекат Часа-Гуйани, я вспомнил, что и на других больших притоках Уссури я также встречал во время своих прошлых путешествий перекаты, которые расположены, как и Часа-Гуйани, в средних течениях этих рек. На Имане таких перекатов даже два — Каменный и Юрасовский, а на Хору, как и на Бикине, один — Дукусимини.

Несомненно, что раньше эти перекаты были более мощными или на месте их шумели водопады, которые устремлялись через преграждавшие им путь горные препятствия. Вполне возможно, что в прошлом, когда геоморфологический облик нашей страны был иным, параллельно Сихотэ-Алиню, с севера на юг, но значительно западнее, простирался горный кряж, который и являлся барьером на пути прорыва зарождающихся рек уссурийского бассейна. Прошло много лет, пока этот кряж не перепилили стекающие с него реки, и к нашему времени на месте его остались лишь размытые горные складки, а в долинах рек — перекаты.

К вечеру мы подъехали к косе близ реки Гангату и заночевали.

Расстояние от Гангату до речки Амбы, которое мы прошли на следующий день, около ста километров. На этом протяжении Бикин образует много протоков, но они сейчас проходят для нас незаметными. Плывем все время по главному руслу реки. Однако в этих местах Бикин оказался перегороженным большими заламами. Это результат последнего наводнения. Чтобы пробиться через них, в одном месте нам пришлось прорубать проход для батов, а в другом — тащить их вокруг залама на 30 метров.

Какие большие изменения произошли здесь в природе по сравнению с тем временем, когда мы поднимались вверх по Бикину! Прежде всего, не слышно почти голосов пернатых. Из горных смешанных лесов, около которых сегодня проходили не один раз наши баты, уже не доносилось криков ширококрылой кукушки, не пели синие мухоловки и даже совка-сплюшка не оживляла ле-

сов ночью. Только изредка давали о себе знать горная трясогузка да куличок перевозчик, с писком пролетавшие у берегов рек. Зато много раз мы замечали или поднимали других птиц. Серые цапли с молодыми, но уже летающими птенцами держались у низких берегов реки, заросших травянистой растительностью. По заливам встречались чирки, кряквы, гоголи, мандаринки и совершенно выросшие молодые крохали. Недалеко от впадения в Бикин реки Тунгуз, где широко открывался водный простор, мы увидели гнездо скопы: оно располагалось на вершине хорошо выделяющейся старой сушины белокорого ильма. В гнезде сидела притаившаяся птица.

Большие изменения наблюдались и в мире насекомых. Вместо многочисленных ранее синих лютых-красоток и зеленых стрелок, у берегов реки и на полянах обращали на себя внимание крупные стрекозы-кормысла, принадлежавшие к различным видам. Разнообразные пестрые бабочки уже не оживляли галечниковые косы; их сменили обильно летающие всюду древесные кобылки. Изредка лишь показывались здесь радужница обыкновенная да лесная белянка.

На открытых берегах Бикина недалеко от устья реки Амбы мы нашли великолепное место для ночлега. Над рекою почти отвесно поднималась красивая сопка Сифантай. Где-то недалеко отсюда стоял раньше лагерь нашей экспедиции.

Седьмого августа наши баты стали приближаться к Сяину. Здесь на Бикине уже заметно меньше крохалей — типичных птиц горных рек, исчезли гоголи, и всё чаще и чаще встречались кряковые утки и чирки.

Не доезжая Сяина, совершенно неожиданно мы увидели недалеко от идущего впереди бата выдру. Она вынырнула и тотчас же снова исчезла под водой. Видимо, мы нарушили ее охоту за рыбой.

Вечером в Сяине, далеко на западе, были заметны синеющие тучи. Чуть слышно гремел гром и вспыхивали молнии. Не более как через час гроза подошла к нам, и начался сильный дождь.

Весь день восьмого августа мы провели в Сяине. Здесь я окончательно произвел все расчеты с нашими батчиками и на следующий день, простившись со мно-

тими знакомыми теперь нам жителями Сяина, мы выехали дальше вниз по Бикину. В Сяине мне удалось увидеть и нашего проводника Сатиму, который на своем новом бате приехал вчера из Лаухе. Прощаясь, он обещал по моей просьбе приехать во Владивосток и навестить меня.

После Сяина Бикин уже течет более плавно, и всё же за весь день мы прошли свыше ста километров. Миновали поразительные по красоте утесы горы Конгулазы и скалы Нагилада, не доходя Красного Перевала. Ночевали на берегу реки близ этого села.

Десятого августа мы отправились в последний рейс по нижнему извилистому Бикину. К вечеру баты подошли к «пристани» у железнодорожной станции Бурлит. Здесь нас ожидала знакомая автомашина и шофер Слава, который когда-то доставил сюда нашу экспедицию. После встречи и расспросов о новостях, вскоре мы начали грузить вещи и часа через два были готовы ехать во Владивосток.

Прощаясь со своими батчиками и смотря на тихий Бикин, на уходящую далеко к востоку его широкую долину, было очень жаль расставаться с нашей скитальческой жизнью среди природы.

СПИСОК РУССКИХ И ЛАТИНСКИХ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ, УПОМЯНУТЫХ В ТЕКСТЕ

- Акантопанакс скученноцветный [*Acanthopanax sessiliflorum* (Rupr.
et Max.) Seem.].
- Акация амурская, или маакия амурская (*Maackia amurensis* Rupr.
et Max.).
- Актинидия аргута (*Actinidia arguta* Planch.).
- Актинидия коломикта (*Actinidia kolomikta* Max.).
- Анемона, или ветреница сибирская (*Anemone sibirica* L.).
- Астра трехнервная (*Aster trinervius* Roxb.).
- Бадан (*Bergenia pacifica* Kom.).
- Багульник болотный, или богун (*Ledum palustre* L.).
- Бамбук курильский [*Sasa kurilensis* (Rupr.) Mak. et Schib.].
- Бархат амурский (*Phellodendron amurense* Rupr.).
- Береза даурская (*Betula dahurica* Pall.).
- Береза каменная (*Betula Ermani* Cham.).
- Береза ребристая (*Betula costata* Trautv.).
- Бересклет большекрылый (*Euonymus macroptera* Rupr.).
- Бересклет малоцветковый (*Euonymus pauciflora* Max.).
- Бересклет крылатый (*Euonymus alata* Thunb.).
- Борец, или аконит вьющийся (*Aconitum volubile* Pall.).
- Борец, или аконит дуговидный (*Aconitum arcuatum* Max.).
- Борец, или аконит теневой [*Aconitum umbrosum* (Korsh.) Kom.].
- Боярышник Максимовича (*Crataegus Maximowiczii* C. Schn.).
- Брусника (*Vaccinium vitis idaea* L.).
- Бубенчики (*Adenophora* sp.).
- Валериана (*Valeriana* sp.).
- Вейник Лангсдорфа (*Calamagrostis Langsdorffii* Trin.).
- Виноград амурский (*Vitis amurensis* Rupr.).
- Волжанка лесная (*Aruncus silvestre* Kostel.).

Володушка трехлучевая (*Bupleurum triradiatum* Adams.).
 Голубица (*Vaccinium uliginosum* L.).
 Генциана (*Gentiana* sp.?).
 Девясил британский (*Inula britannica* L.).
 Диервилла Миддендорфа (*Diervilla Middendorffiana* Carr.).
 Джефферсония (*Jeffersonia dubia* B. et H.).
 Дуб монгольский (*Quercus mongolica* Fisch.).
 Ель аянская [*Picea jezoensis* (S. et Z.) Carr.].
 Ель сибирская (*Picea obovata* Ldb.).
 Жасмин, или чубушник (*Philadelphus tenuifolius* Rupr. et Max.).
 Жгун-корень аянский [*Cnidium ajanense* (Rgl.) Drude].
 Женьшень (*Panax ginseng* C. A. Mey.).
 Жимолость Маака (*Lonicera Maackii* Rupr.).
 Жимолость съедобная (*Lonicera edulis* Turcz.).
 Зубровка альпийская (*Hierochloa alpina* Schult.).
 Иван-чай, или кипрей узколистный [*Chamaenerium angustifolium* (L.) Scop.].
 Ильм белокорый, или долинный (*Ulmus propinqua* Koidz.).
 Ильм горный [*Ulmus laciniata* (Trautv.) Mayr].
 Калина бураинская (*Viburnum burejanum* Herder).
 Калина Саржента (*Viburnum Sargentii* Koehne).
 Камнеломка даурская (*Saxifraga dahurica* Willd.).
 Кедр корейский (*Pinus koraiensis* S. et Z.).
 Кедровый стланник (*Pinus pumila* Rgl.).
 Клен желтый (*Acer ukurunduense* Trautv. et Mey.).
 Клен зеленокорый (*Acer tegmentosum* Max.).
 Клен мелколистный (*Acer mono* Max.).
 Клюква (*Oxycoccus palustris* Pers.).
 Клинтония удская (*Clintonia udensis* Tr. et Mey.).
 Котиледон (*Cotyledon* sp.).
 Копеечник альпийский (*Hedysarum alpinum* L.).
 Кизильник канадский (*Cornus canadensis* L.).
 Кизильник татарский (*Cornus tatarica* Mill.).
 Кисличка (*Oxalis acetosella* L.).
 Красоднев Миддендорфа (*Hemerocallis Middendorffii* Tr. et Mey.).
 Купена аптечная (*Polygonatum officinale* All.).
 Ландыш майский (*Convallaria majalis* L.).
 Леспедeza двуцветная (*Lespedeza bicolor* Turcz.).
 Лещина маньчжурская (*Corylus manshurica* Max.).
 Лещина разнолистная (*Corylus heterophylla* Fisch.).
 Лилия даурская (*Lilium dahuricum* Gawl.).
 Лилия двурядная (*Lilium distichum* Nakai).

Лимонник китайский (*Schizandra chinensis* Baill.).
 Липа амурская (*Tilia amurensis* Kom.).
 Лиственница даурская (*Larix dahurica* Turcz.).
 Майник двулистный (*Majanthemum bifolium* DC.).
 Микробиота (*Microbiota decussata* Kom.).
 Мытник Кузнецова (*Pedicularis Kusnetzovi* Kom.).
 Ольха горная (*Alnus fruticosa* Rupr.).
 Орех маньчжурский (*Juglans manshurica* Max.).
 Остролист морщинистый (*Ilex rugosa* F. Schmidt).
 Очиток живучий (*Sedum Alzoon* L.).
 Папоротник амурский (*Dryopteris amurensis* Christ.).
 Папоротник веерный, или адиантум (*Adiantum pedatum* L.).
 Папоротник кониограмма [*Coniogramme fraxinea* (Don.) Diels.].
 Папоротник многоножка обыкновенная (*Polypodium vulgare* L.).
 Папоротник страусопер (*Struthiopteris filicasterum* All.).
 Пихта белокорая (*Abies nephrolepis* Max.).
 Полынь горная (*Artemisia lagocephala* Fisch.).
 Рододендрон даурский (*Rhododendron dahuricum* L.).
 Рододендрон золотистый (*Rhododendron chrysanthum* Pall.).
 Рододендрон Редовского (*Rhododendron Redowskianum* Max.).
 Рябина амурская (*Sorbus amurensis* Köhne).
 Рябинолистник, или сорбария альпийская (*Sorbaria alpina* Dipp.).
 Рябинолистник, или сорбария обыкновенная (*Sorbaria sorbifolia*
 A. Br.),
 Седьмичник европейский (*Trientalis europaea* L.).
 Сирень амурская (*Syringa amurensis* Rupr.).
 Синюха обыкновенная (*Polemonium coeruleum* L.).
 Смилацина даурская (*Smilacina dahurica* Turcz.).
 Смилацина японская (*Smilacina japonica* A. Gray).
 Соссюрея снежно-белая (*Saussurea nivea* Kom.).
 Спирея березолистная (*Spiraea betulifolia* Pall.).
 Спирея иволистная (*Spiraea salicifolia* L.).
 Толокнянка альпийская (*Maiandra alpina* Sprgl.).
 Тополь Максимовича (*Populus Maximoviczii* A. Henry).
 Черемуха азиатская (*Padus asiatica* Kom.).
 Чозения крупночешуйная [*Chosenia macrolepis* (Turcz.) Kom.].
 Шейка раковая, или горец (*Polygonum pacificum* V. Petrov).
 Шпорник Маака (*Delphinium Maackianum* Rgl.).
 Элеутерококк, или дикий перец (*Eleutherococcus senticosus* Max.).
 Яблоня сибирская [*Malus sibirica* (Max.)].
 Ясенец пушистоплодный (*Dictamnus dasycarpus* Turcz.).
 Ясень маньчжурский (*Fraxinus manshurica* Rupr.).

СПИСОК РУССКИХ И ЛАТИНСКИХ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ, ПРИВЕДЕННЫХ В ТЕКСТЕ

1. Млекопитающие

- Барсук (*Meles meles amurensis* Schrenck).
Белка (*Sciurus vulgaris mantchuricus* Thom.).
Бурундук (*Eutamias asiaticus orientalis* Bonhot.).
Выдра (*Lutra lutra* L.).
Горностай (*Mustela erminea baturini* Ogn.).
Заяц беляк (*Lepus timidus mordeni* Goodwin).
Заяц маньчжурский (*Lepus mantschuricus* Radde).
Землеройка (*Sorex* sp.).
Изюбрь (*Cervus elaphus xanthopygus* Milne-Edw.).
Кабан (*Sus scrofa continentalis* Nehr.).
Кабарга (*Moschus moschiferus turovi* Zalkin).
Козуля (*Capreolus capreolus bedfordi* Thos.).
Колонок (*Mustela sibirica manchuricus* Brass).
Медведь бурый (*Ursus arctos mandchuricus* Heude).
Медведь черный (*Ursus tibetanus ussuricus* Heude).
Мышь летучая (*Myotis* sp.).
Пищуха, или сенокоска (*Ochotona hyperborea mantchurica* Thos.).
Полевка лесная (*Clethrionomys rutilus hintoni* Vinog.).
Росомаха (*Gulo gulo* L.).
Рысь (*Felis lynx* L.).
Соболь (*Martes zibellina arsenjevi* B. Kuzn.).
Сохатый (лось) (*Alces alces bedfordi* Lydekker).
Харза (*Martes flavigula* Boddaert).

2. Птицы

- Аист белый (*Ciconia ciconia boyciana* Swinh.).
Аист черный (*Ciconia nigra* L.).

Бекас азиатский (*Capella stenura* Bonaparte).
 Веретенник пестрохвостый (*Limosa limosa melanuroides* Gould).
 Глухарь каменный (*Tetrao parvirostris macrurus* Stegm.).
 Гоголь (*Clangula clangula* L.).
 Горлица (*Streptopella orientalis orientalis* Latham).
 Дрозд земляной (*Turdus dauma varius* Pall.).
 Дрозд сибирский (*Turdus sibiricus* Pall.).
 Дрозд сизый (*Turdus hortulorum* Sclater).
 Дубонос китайский (*Eophona personata magnirostris* Hart.).
 Дятел трехпалый (*Picoides tridactylus kolymensis* But.).
 Завирушка горная восточная (*Prunella montanella badia* Port.).
 Иволга китайская (*Ortolus chinensis diffusus* Sharpe).
 Камышевка дроздовидная (*Acrocephalus arundinaceus orientalis* Temm. et Schleg.).
 Камышевка пестрогрудая (*Acrocephalus bistrigiceps* Swinhoe).
 Камышевка соловьиная (*Horelites dihone borealis* Camp.).
 Кваква амурская (*Butorides javanica amurensis* Schrenck).
 Кедровка (*Nucifraga caryocatactes macrorhynchos* Brehm).
 Козодой (*Caprimulgus indicus jotaka* Temm. et Schleg.).
 Конек пятнистый (*Anthus hodgsoni* Richmond).
 Конек горный (*Anthus spinoletta japonicus* Temm. et Schleg.).
 Конек луговой (*Anthus richardi* Vieill.).
 Крапивник (*Troglodytes troglodytes* L.).
 Кроншнеп (*Numenius madagascariensis* L.).
 Крохаль большой (*Mergus merganser merganser* L.).
 Крохаль малый (*Mergus albellus* L.).
 Крохаль чешуйчатый (*Mergus squamatus* Gould).
 Кукушка глухая (*Cuculus optatus* Gould).
 Кукушка индийская (*Cuculus micropterus* Gould).
 Кукушка малая (*Cuculus poliocephalus* Lath.).
 Кукушка обыкновенная (*Cuculus canorus canorus* L.).
 Кукушка ширококрылая (*Cuculus fugax* Horsf.).
 Кулик перевозчик (*Tringa hypoleucos* L.).
 Куропатка тундрная (*Lagopus mutus* Montin).
 Личинкоед (*Pericrocotus roseus* Vieillot).
 Мухоловка желтоспинная (*Muscicapa narcissina* Temm.).
 Мухоловка Мугимаки (*Muscicapa mugimaki* Temm.).
 Мухоловка синяя (*Muscicapa cyanomelana* Temm.).
 Овсянка маньчжурская (*Emberiza elegans* Temm.).
 Овсянка Тристрама (*Emberiza tristrami* Swinhoe).
 Пеночка корольковидная (*Phylloscopus proregulus* Pall.).
 Пеночка-таловка (*Phylloscopus borealis* Blas.).

Поползень (*Sitta europaea amurensis* Swinhoe).
 Рябчик серый (*Tetrastes bonasia amurensis* Riley).
 Рябчик черный, или дикуша (*Falci pennis falci pennis* Hartl.).
 Свиристель обыкновенный (*Bombycilla garrulus* L.).
 Синехвостка (*Tarsiger cyanurus cyanurus* Pall.).
 Синица уссурийская (*Parus major wladivostkensis* Kleinsch.).
 Синица черная (*Parus ater* L.).
 Скворец китайский (*Spod'opsar cineraceus* Temm.).
 Скопа (*Pandion haliaetus* L.).
 Снегирь (*Pyrrhula pyrrhula griseiventris* Lafr.).
 Сова иглоногая (*Ninox scutulata ussuriensis* But.).
 Совка-плюшка [*Otus japonicus stictonotus* (Sharpe)].
 Соловей синий (*Luscinia cyane* Pall.).
 Сойка рыжая, или кукушка (*Crates infaustus maritimus* But.).
 Трясогузка горная азиатская (*Motacilla cinerea melanocephala* Pall.).
 Удод (*Urolophus saturatus* Linn.).
 Утка-косатка (*Anas falcata* Georgi).
 Утка кряквовая (*Anas platyrhynchos* L.).
 Утка-мандаринка (*Anas galericulata* L.).
 Филин рыбный (*Ketupa zeylonensis* Gmelin).
 Филин уссурийский (*Bubo bubo ussuriensis* Poliakov).
 Цапля серая (*Ardea cinerea jouyi* Clark).
 Чирок-свистунок (*Anas crecca* L.).
 Широкоорот (*Eurystomus orientalis* L.).
 Щур (*Pinnicola enucleator* L.).

3. Змеи, земноводные и рыбы

Бычок подкаменщик (*Cottus poecilopus* Heckel)?
 Голец сибирский [*Nemachilus barbatulus toni* (Dyb.)].
 Долгохвостка амурская (*Tachydromus amurensis* Peters).
 Жерлянка (*Bombina orientalis* Boul.).
 Кета [*Oncorhynchus keta* (Walbaum)].
 Ленок [*Brachymystax lenok* (Pall.)].
 Лягушка древесная (*Hyla japonica stephensi* Boul.).
 Полоз Шренка [*Elaphe schrenckii* (Strauch)].
 Пескоройка, или минога (*Lampetra* sp.).
 Сазан (*Cyprinus carpio haematopterus* Temm. et Schleg.).
 Таймень [*Hucho taimen* (Pall.)].
 Хариус (*Thymallus arcticus grubii* Dyb.).

Чебак [*Leuciscus waleckii waleckii* (Dyb.)].
Черепаша (*Amyda sinensis* Wiegmann).
Щитомордник (*Ancistrodon blomhoffii ussuriensis* Emeljan.).

4. Насекомые

Агапантия амурская (*Agapanthia amurensis* Krtz.).
Агаристида цалисса (*Zalissa jankowskii subflava* Moore).
Бабочка эпионе (*Epione repandaria* Hufn.).
Бабочка макария (*Macaria shanghaiensis* Wlkr.).
Бабочка орденская лента (*Catocala lara* Brem., *C. dula* Brem. и др.).
Бабочка складокрылка (*Pterodecta felderi* Brem.).
Бабочка углокрыльница (*Polygonia c-album* L.).
Бабочка хиптиоксеста, или совка гольцовая (*Hyptioxesta pentima* Ev.).
Бархатница аянская (*Erebia ligea ajanensis* Mën.).
Бархатница Седакова (*Erebia sedakovi alcmenides* Shel.).
Беянка барбарисовая (*Aporia hippia* Brem.).
Беянка лесная восточная (*Pieris melete* Mën.).
Бембидии (*Bembidium* sp. sp.).
Блестянка (*Librodor christophi* Reit.).
Боярышница (*Aporia crataegi ussurica* Kard.).
Бражник слеповатый (*Smerinthus caecus* Mën.).
Бражник Штрекера (*Kentorchrysalis streckeri* Stg.).
Брамея, или павлиноглазка волнистая (*Brahmaea certhia lunulata* Brem. — Grey).
Брюквенница (*Pieris napi pseudomelete* Verity).
Голубянка сибирская (*Lycaena optilete sibirica* Stg.).
Гравер восточный (*Pityogenes seirindensis* Mur.).
Древесинник еловый (*Trypodendron proximum* Nij.).
Древесинник кленовый (*Trypodendron aceris* Nij.).
Древесинник многоядный (*Xyleborus aequalis* Reit.).
Древесница въедливая (*Zeuzera pyrina* L.).
Дровосек Геблера (*Thyestilla gebleri* Fald.).
Дровосек фиолетовый (*Callidium violaceum* L.).
Дровосек короткокрылый (*Molorchus minor* L.).
Дровосек большой черный (*Monochamus urussovi* Fisch.).
Дровосек пятнистый (*Pachyta bicuneata* Motsch.).
Дровосек рагий (*Rhagium inquisitor rugipenne* Rtt.).
Дровосек серый (*Acanthoclinus aedilis* L.).
Дровосек еловый черный (*Monochamus sutor* L.).
Желтушка восточная (*Colias palaeno orientalis* Stg.).
Желтушка клеверная (*Colias hyale poliocephalus* Motsch.).

Жужелица карабус (*Carabus* sp.).
 Жужелица коптолябрус (*Coptolabrus smaragdinus* Fisch.—W.).
 Жужелица тинник (*Elaphrus* sp.).
 Жук шпанка (*Epicauta dubia* F.).
 Заболожник лиственничный (*Scolytus moravitzii* Sem.).
 Зефир ольховый (*Zephyrus taxila* Brem.).
 Златка бронзовая хвойная (*Buprestis sibirica* Fleisch.).
 Клопик ликтокорис (*Lyctocoris* sp.?).
 Кобылка древесная (*Eirenephilus debilis* Ikon.).
 Клоп ягодный (*Dolycoris baccarum* L.).
 Коровка северная анатис (*Anatis ocellata* L.).
 Короед Бергера (*Xylechinus bergeri* Spess.).
 Короед валежный (*Orthotomicus proximus* Elch.).
 Короед вершинный (*Ips acuminatus* Gyll.).
 Короед гравер обыкновенный (*Pityogenes chalcographus* L.).
 Короед лиственничный (*Orthotomicus laricis* Fabr.).
 Короед пальцеходый (*Xylechinus pilosus* Ratz.).
 Короед типограф (*Ips typographus* L.).
 Короед Холодковского (*Hylesinus cholodkovskyi* Berger).
 Короед шестизубый (*Ips sexdentatus* Boern.).
 Крифал лиственничный (*Cryphalus latus* Egg.).
 Ленточница Гельмана (*Limenitis helmanni duplicata* Stg.).
 Ленточница Гомера (*Limenitis homeyeri* Tancré).
 Ленточница спирейная (*Limenitis sydyi latefasciata* Mén.).
 Ленточница уссурийская тополевая (*Limenitis populi ussuriensis* Stg.).
 Лесовик еловый (*Dryocoetes rugicollis* Egg.).
 Лесовик забайкальский (*Dryocoetes balcalicus* Reit.).
 Лимонница амурская (*Gonepteryx rhamni amurensis* Graes.).
 Лишайница деплана (*Lithosia deplana* Esp.).
 Листовертка евродокса (*Eurydoxa advena* Fil.).
 Листовертка полосатая (*Phlaris* sp.?).
 Листовертка разноцветная (*Olethreutes salicella* L.).
 Листовертка толстушка (*Cacoecia* sp.?).
 Листовертка церацеопсис (*Ceraceopsis* sp.?).
 Листовертка черемуховая (*Olethreutes schreberiana* L.).
 Листоед Никольского (*Chrysomela nikolskyi* Jak.).
 Лубоед бороздчатый (*Hylesinus striatus* Egg.).
 Лубоед малый (*Ernoporicus spessivtzevi* Berger).
 Лубоед ясеневый (*Ernoporus fraxini* Berger).
 Медведица Менетриэ (*Callimorpha menetriesi* Ev.).
 Мотылек кукурузный (*Pyrausta nubilalis* Hb.).
 Махаон уссурийский (*Papilio machaon ussuriensis* Shel.).

Небрия (жужелица) (*Nebria* sp. sp.).
 Носса уссурийская (*Nossa palaeartica* Stg.).
 Огневка вершинная кедровая (*Dioryctria* sp.?).
 Огневка пестрая (*Pyrusta* sp.?).
 Павлиноглазка артемида (*Actias artemis* Brem.).
 Павлиноглазка волнистая, или брамея (*Brahmaea certhia lunulata* Brem. — Grey).
 Павлиноглазка ореховая (*Dictyoploca japonica* Btl.).
 Павлиноглазка Янковского (*Rhodinia jankowskii* Oberth.).
 Перламутровка большая (*Argynnis paphia neopaphia* Fruhst.).
 Перламутровка ифигения (*Argynnis iphigenia* Graes.).
 Перламутровка непарная (*Argynnis sagana paulina* Nordm.).
 Пеструшка дубовая (*Neptis thisbe* Mén.).
 Пеструшка Прейера (*Neptis pryeri* Butl.).
 Пеструшка Радде (*Neptis raddei* Brem.).
 Пеструшка спирейная (*Neptis coenobita magnata* Heyne).
 Пеструшка травяная (*Neptis hylas intermedia* Pryer).
 Пеструшка Четверикова (*Neptis tshetverikovi* Kurenz.).
 Пеструшка уссурийская (*Neptis speyeri* Stg.).
 Полиграф еловый (*Polygraphus jezoensis* Nij.).
 Полиграф пихтовый (*Polygraphus proximus* Blandf.).
 Полиграф северный (*Polygraphus gracilis* Nij.).
 Полиграф тусклый (*Polygraphus subopacus* Thoms.).
 Пухоспинка бурая (*Cymatophora fluctuosa* Hb.).
 Пухоспинка Дикмана (*Habrosyne dieckmanni* Graes.).
 Пухоспинка Танкре (*Palimpsestis tancrei* Graes.).
 Пяденица ариханна (*Arichanna melanaria* L.).
 Пяденица брабира (*Brabira artemidora* Obth.).
 Пяденица великолепная (*Isotaphora admirabilis* Obth.).
 Пяденица венузия (*Venusia cambrica* Curt.).
 Пяденица восточная (*Abraxas orientalis* Stg.).
 Пяденица гареус малый (*Garaeus parva* Hed.).
 Пяденица дымчатая еловая (*Boarmia ribeata* Cl.).
 Пяденица дымчатая пихтовая (*Boarmia amoenaria* Stg.).
 Пяденица зубцекрылая (*Gonodontis bidentata* Cl.).
 Пяденица ивовая (*Boarmia repandata* L.).
 Пяденица Кристофа (*Lygris agnes festinaria* Christ.).
 Пяденица ольховая (*Cidaria bicolorata* Hufn.).
 Пяденица ортолита (*Ortholitha chenopodiata* L.).
 Пяденица осенняя (*Oporinia autumnata* Bkh.).
 Пяденица оцелофора (*Ocoelophora lentiginosaria* Leech).
 Пяденица погонитис (*Pogonitis cumulata* Christ.).

Пяденица пестрая (*Trichodezia kindermanni* Brem.).
 Пяденица сиреневая (*Naxa seriaria* Motsch.).
 Пяденица сциономия (*Scionomia anomala* Btlr.).
 Пяденица тимандра (*Timandra rectistrigaria* Ev.).
 Пяденица Фиксена (*Gandaritis fixseni* Brem.).
 Пяденица цидария березолистная (*Cidaria hastata* L.).
 Радужница амурская (*Apatura iris amurensis* Stich.).
 Радужница ильмовая (*Apatura nycteis* Mèn.).
 Радужница обыкновенная (*Apatura ilia ussuriensis* Kurenz.).
 Радужница Шренка (*Apatura schrenckii* Mèn.).
 Ручейник амурский (*Holostomis* sp.?).
 Сатир Шренка (*Lethe schrenckii* Mèn.).
 Сатир горный мраморный (*Lethe epimenides montana* Kurenz.).
 Сатир каменный (*Pararge deidamia* Ev.).
 Сатир маньчжурский (*Melanargia halimede mandschuriana* Houlb.).
 Сатир Менетрие (*Melanargia halimede menetriesi* Houlb.).
 Сатир сибирский (*Satyrus dryas sibirica* Stg.).
 Светлячок (*Luciola* sp.?).
 Сарпкрылка ауцата (*Auzata* sp.?).
 Слоник зеленушка (*Chlorophanus sibiricus* Gyll.).
 Совка анарта (*Anarta quieta* Hb.).
 Совка металлоидка (*Plusia* sp.?).
 Совка пяденица (*Bomolocha bicoloralis* Graes.).
 Совка усатка (*Hypona proboscidalis deleta* Stg.).
 Спиларктия родофиля (*Spilarctia rhodophila* Wlcr.)?
 Стрекоза синяя, или лютка-красотка (*Calopteryx japonica* Selys.).
 Стрекоза коромысло (*Aeschna* sp.?).
 Толстоголовка морфей (*Heteropterus morpheus* Pall.).
 Хвостоносец ксут (*Papilio xuthus* L.).
 Хвостоносец Маака или синий (*Papilio maackii* Mèn.).
 Хохлатка ореховая (*Uropyia meticolodina* Oberth.).
 Цидария дефлората (*Cidaria deflorata* Ersch.).
 Шашечница малая, или плотина (*Melitaea plotina* Brem.).
 Шелкопряд еловый (*Selenephra lunigera* Esp.).
 Шелкопряд монашенка (*Lymantria monacha* L.).
 Шелкопряд непарный (*Lymantria dispar* L.).
 Шелкопряд сибирский (*Dendrolimus sibiricus* Tshstv.).
 Шерстолапка еловая (*Dasychira abietis* Schiff.).
 Щитовидка (*Temnochila japonica* Reit.).

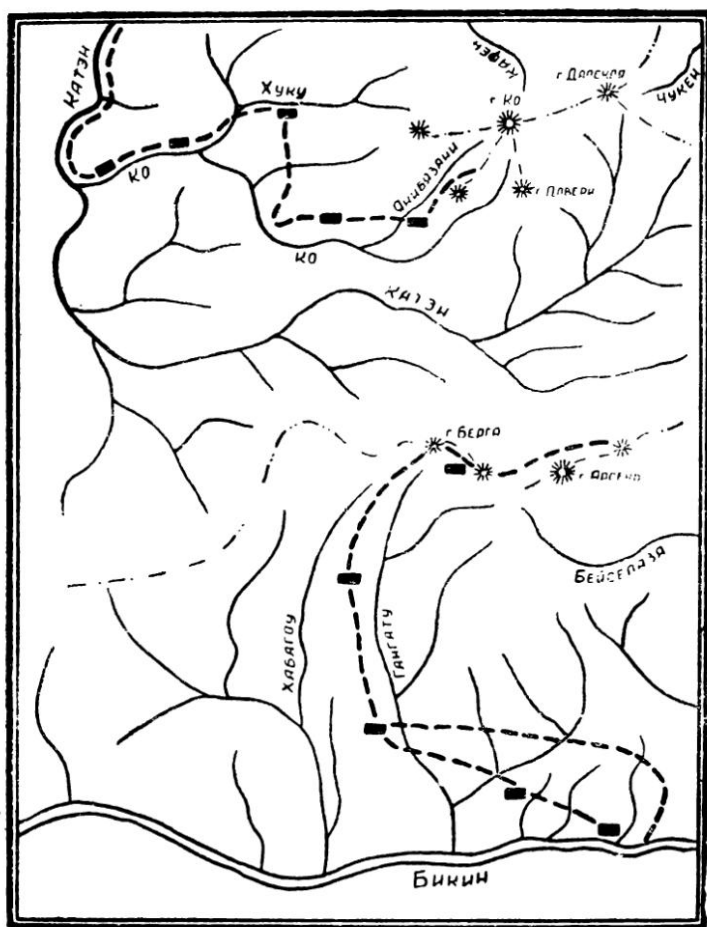

Схема горного узла Коеини (Белые горы) в верховьях реки Катэна.

Условные обозначения: --- маршрут экспедиций.
 ■ лагери экспедиций.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3—4
Глава I. В нижнем течении реки Кафэна. Сборы экспедиции. — Мои спутники. — Приезд на реку Кафэн. — Острова в нижнем течении Кафэна. — Экскурсия на водораздел рек Кафэна и Катэна. — Заблудились. — Выход из тяжелого положения и встреча с Довери. — Долинные леса в нижнем течении Кафэна и их энтомофауна. — Возвращение Мичины и отъезд на реку Катэн.	5—16
Глава II. Вверх по реке Катэну. Леса в низовьях Катэна. — Наступление осени. — Изменения в составе фауны и растительности в среднем течении Катэна. — Долина Катэна близ впадения в него реки Ко. — Два дня через перекаты и заломы реки Ко. — Речка Хуку. — Охота за тайменем. — Лагерь на берегу Хуку и сборы на горы Коенини	17—26.
Глава III. Пять дней в горах Коенини. Высокие горы — большой соблазн для натуралистов. — В лесах по реке Ко между ключами Хуку-одони и Джояк-пани. — Изюбриный рев. — Леса по северному склону водораздела ключей Янибязани и Яниякпани. — Реликтовые растения — папоротник кониограмма и острolist. — Вид на вершины Коенини. — Ельники близ ключа Яниякпани. — Пояс ветровального леса. — Находки реликтового кустарника микробиоты. — Обследование вершин Цосокбуга и Довери. — Животный мир этих высот. — Обратный путь к первому лагерю	27—41
Глава IV. Возвращение. Вниз по рекам Ко и Катэну. — Ход кеты. — В стойбище Гвасюги у А. Я. Масленникова. — Вниз по Хору до с. Бичевого. — Мечты на дороге.	42—45

Глава V. **Снова в путь. Экспедиция на Бикин в 1948 г.** — Мои новые спутники. — От Владивостока до станции Бурлит на автомашине. — Приезд на Бикин и сборы в путешествие.

46—50

Глава VI. **В низовьях реки Бикина.** Выезд. — Наши батчики-удэгейцы. — Растительность и животный мир низовий Бикина. — Бикин близ с. Красный Перевал. — Уссурийская черепаха. — Экскурсия на марь. — Плавание по узкой тихой протоке. — Изменения в фауне и флоре. — Удэгейский почтальон. — Проезд под «расческами». — Наблюдения за насекомыми. — Биологические особенности полоза Шренка на Бикине. — Черепаха, откладывающая яйца. — Бикин близ Олоня. — Водовальные деревья. — Фауна у Олоня. — Население Олоня. — Бикин у Сяина. — Страничка из жизни короедов. — Сутки в Сяине и сборы к дальнейшему плаванию по Бикину.

51—72

Глава VII. **От Сяина до реки Тунгуз.** Сухая марь близ Сяина. — Экскурсия на сопку Тахало. — О границах распространения некоторых животных за Сяином. — Ночь недалеко от горы Богодынга. — Бикин близ реки Амбы. — Первые признаки приближения елово-пихтовой тайги. — Динамика растительности и животных обитателей ивовых зарослей. — Егор Пианка и его сын Недига в роли энтомологов. — Встреча с Сатимой Геонка. — Экскурсия на реку Амбу и гору Сифантай. — Амурская долгохвостка. — Протока «Окзано» или Чортова. — Собиратели коры пробкового дерева. — Водовальные деревья — плавающие острова. — Ширококрылая кукушка. — Период цветения амурской сирени. — Случай с колонком. — Через протоки Гундюгу и Гадеги. — Новые изменения в фауне и флоре среднего Бикина. — Фауна побережий Бикина. — Подъезд к реке Тунгуз.

73—92

Глава VIII. **Вверх по Бикину вокруг переката Часа-Гуйани.** Горы сжимают долину Бикина. — Протока Яна. — Плывущая белка. — Ночь у местечка Амигда. — Высокие горы показались влево от Бикина. — Лагерь у реки Гангату. — Памятная ночь. — Приезд Сатимы Геонка и вести из Сяина. — Экспедиция разделяется на два отряда. — Копчение рыбы. — Экскурсия на вейниковые заросли. — Семья колонка. — Вид на голец Лаобейлаза от устья реки Гангату. — В объезд переката Часа-Гуйани. — Очаги массового размножения сиреневой пяденицы. — Горелая сопка и подготовка к походу на голец Лаобейлаза.

93—106

Глава IX. **К гольцам Лаобейлаза, или Косенини.** Наши проводы. — Первый день подхода. — Смешанные

уссурийские леса. — Ночь у маленького ключика. — Мы идем через тайгу «прямо». — Фауна смешанных лесов. — Радужница Шренка — наш долгий спутник. — Обильный лёт бабочек на костер. — Горные вершины на время открылись перед нами. — Борьба с гнусом. — Первобытные леса по реке Гангату. — Сибирский шелкопряд в горной бикинской тайге. — Переходный пояс от смешанных уссурийских лесов к зоне елово-пихтовой тайги. — Разрушительная деятельность эрозии. — Лагерь у последней воды. — Зона елово-пихтовой тайги и ее фауна. — Цветистое болотетравие. — Субальпийский пояс Лаобейлазы. — Гора Берга. — Гольцы вершины Цогугда. — Вершина горы Арсеньева. — Замечательная находка. — Возвращение к первому лагерю и трудная ночь. — Второй день на вершинах Лаобейлазы. — Климат и жизнь в условиях высокогорий. — Возвращение ко второму лагерю. — Гроза в горах. — Интересные зоогеографические находки. — Возвращение к Бикину.

107—143:

Глава X. От Горелой сопки до реки Улунги. Отъезд из лагеря у Горелой сопки. — Под ливневым дождем. — Приезд в Лаухе. — Наводнение на Бикине. — Некоторые особенности растительности и животного мира близ Лаухе. — П. Н. Белоусов — наблюдатель Сихотэ-Алинского заповедника. — Сатима оставляет экспедицию. — Выезд из Лаухе. — Последствия наводнения. — О двух формах бабочки синий хвостоносец. — Остров уссурийских реликтов. — Поселок Улунга и его жители. — Экскурсия в окрестностях Улунги. О сезонных миграциях животных бикинской фауны.

143—162'

Глава XI. Обратный путь. Отъезд из Улунги. — Вершины Лаобейлазы на горизонте. — Заезд к лабазу. — Через пережат Часа-Гуйани. — От реки Гангату до реки Амбы. — Путь к Сяину. — Последние дни путешествия.

163—169

Список русских и латинских названий растений, упомянутых в тексте.

170—172

Список русских и латинских названий животных, приведенных в тексте

173—179⁹

Карта маршрутов экспедиций

180

А. Куренцов
К НЕВЕДОМЫМ ВЕРШИНАМ
СИХОТЭ-АЛИНЯ

* * *

Приморское книжное издательство

* * *

Редактор **Л. Зельцман**
Обложка **С. Ясенкова**, рисунки **Г. Бромлея**,
фото **Д. Кононова**
Технический редактор **Б. Бельтюков**
Корректор **Л. Калашников**

* * *

ВД 01126. Подписано к набору 2.IV-53 г.,
к печати 19.VI-53 г.
Бумага 84x108¹/₃₂—2,88 бум. л., 9,43 печ. л.
(9,22 уч.-изд. л.). Тираж 15 000.
Цена 3 р. 80 к.

* * *

Типография № 1 Крайполиграфиздата,
Владивосток, Ленинская, 43.
Заказ 783.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
15	12 снизу	мелколистный	мелколистный,
63	8 сверху	прикатывает	прикапывает
66	13 сверху	липах	липе
115	5 сверху	раздел	водораздел
134	14 снизу	остатки	останцы
158	5 сверху	отстрелить	отстрелять
182	1 снизу	подхода	похода

А. Куренцов. К неведомым вершинам Сихотэ-Алиня. Тираж 15 000.

3 p. 80 k.